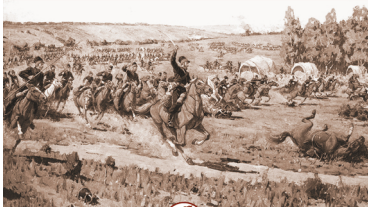

А.В. Венков

Атаман Войска Донского

ПЛАТОВ

ИСТОРИЯ КАЗАЧЕСТВА

Андрей Вадимович Венков
Атаман Войска Донского Платов
Серия «История казачества»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14653863
А. В. Венков. Атаман Войска Донского Платов: ООО «Издательство «Вече»; Москва; 2014
ISBN 978-5-4444-1563-4, 978-5-4444-8186-8

Аннотация

Герой Дона, генерал от кавалерии, атаман Войска Донского Матвей Иванович Платов прожил жизнь, полную опасностей и необыкновенных побед. Сподвижник Суворова, он участвовал во взятии Очакова и Измаила. Герой Отечественной войны, Платов осенью и зимой 1812 года во главе казачьей кавалерии преследовал и разбивал французские войска вдоль Смоленской дороги, вел успешные бои под Вязьмой, Смоленском, Красным. В 1813 году все значительные заграничные операции русской армии проходили при активном участии казачьего корпуса Платова. После победного сражения за польский город Данциг Кутузов писал Платову: «Услуги, оказанные Вами отечеству в продолжении нынешней кампании, не имеют примеров! Вы доказали целой Европе могущество и силу обитателей благословенного Дона».

Книга историка А. В. Венкова живо и увлекательно рассказывает о жизни и подвигах легендарного Атамана Вихря – Матвея Платова.

Содержание

Глава 1. Черкасия	5
Глава 2. Романтическая история	14
Глава 3. Конец атамана Ефремова	24
Глава 4. Подвиг Платова	34
Глава 5. Пугачевщина, Сечь и выгодная женитьба	43
Глава 6. Ногайцы, царская ласка и Адриан Денисов	53
Глава 7. Казаки и штурм Измаила	65
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Андрей Венков

Атаман Войска Донского Платов

© Венков А. В., 2014

© ООО «Издательство «Вече», 2014

* * *

Глава 1. Черкасня

В низовьях Дона, на островах, лежит Черкасск, азиатский по виду город. Каменные дома редки в нем, большинство – так, лачужки. Высятся собор девятиглавый, колокольня, другие церкви поменьше, белеют десять невысоких раскатов, соединенные деревянной в два забора стеной. Четверо ворот больших, десять малых. Все пропитано сырым рыбным духом. Посреди города, на месте взлетевшей при недавнем пожаре на воздух пороховой казны, – два озера. Вливают туда из трех городских боен.

Смраду, заразы – выше головы. Все окрестные жители от этой гнили вином спасаются. У половины города с утра «глаза залиты». Кто не пьет, того лихорадка треплет.

По первой осенней прохладе вонь спала. Не жарко, не душно. И народ оделся побогаче – себя показать. Встречает Черкасск из столицы атамана Войска Донского Степана Ефремова; весь город вышел, давно не виделись. В прошлом году, как помер старый Ефремов, поехал молодой атаман, Степан Данилович, с ближними казаками императрице Елизавете Петровне представляться и жалованья просить¹. Исстари ездят казаки в столицу, просят у царя сукна, пороха и хлеба, «чтобы нам, холопам твоим, живучи на твоей, государевой, службе, на Дону, голодной смертью не помереть».

Уехал Степан Ефремов к «кроткой Елисафет»² и – с концами. Больше года на «Казачьем подворье» просидел. Елизавета преставилась, на престол сел Петр Федорович. За колготой начала царствования царю не до казаков было. Долетели до Черкаска слухи, что с жалованьем донцов прижимают, – а если дадут, то дадут медью. Война новая готовилась за северными морями, через это и денег не стало. А тут под боком крымчаки зашевелились...

Потом пришли слухи странные, тревожные: молодой царь скоростижно помер и будет в России новая царица, Екатерина Алексеевна. А еще через какое-то время примчался с верховьев Московским трактом казак и явил: атаман Степан Данилович отпущен на Дон с великой честью и возвращается с жалованьем; по обычаю, сел он с казаками в Воронеже на суда и под пушечный гром поплыл вниз по всем донским станицам, объявляя о начале нового царствования и о царской ласке: «Государыня за службу жалует нас рекою столбовою тихим Доном, со всеми запольными речками, юртами и всеми угожьями, и милостиво прислала свое царское жалованье»³.

С тех пор ежедневно носились гонцы с известием, где сейчас караван и когда его в Черкасске ждать. Вчера отсалютовали ему пушками Семикаракоры. Сегодня утром, слышно, у Манычи грохнуло.

Ждал Черкасск. Казачата побросали свиней без присмотра, похватили коней отцовских и уехали к Большому острову атамана встречать.

У ворот – толпа. Пришли люди поглядеть на атамана – давно не видели, – и на собравшуюся в кои веки всю вместе черкасскую верхушку, раздетую и разукрашенную.

Старшины, обмотав тугие животы вышитыми поясами, стояли по станицам. Коренная «черкасня» из двух старейших станиц⁴ – Мартыновы, Грековы, Кутейниковы, Луковкины и примазавшийся к ним Петро Орлов – со скромностью истинных хозяев, но достойно ждала чуть в сторонке, у торговых лавок. Незримый барьер почтительности удерживал вокруг нее

¹ Царское «жалование» казакам представляло собой скорее подарки, поощрявшие Дон согласовывать свои действия с Москвой, чем «зарплату»; однако составлявшие его товары всегда были остродефицитны у казаков, поэтому «жалования» ждали с нетерпением.

² «Кроткая Елисафет» – Императрица Елизавета Петровна; скончалась в 1762 г.

³ «Государыня за службу жалует... рекою... Доном...» – такими указами заново подтверждалось право казаков владеть завоеванным ими у кочевников Доном.

⁴ Город Черкасск – столица донского казачества до XIX в. – состоял из нескольких станиц.

на две сажени пустого пространства. Позади живой стеной сплотились Мелентьевы, Бобриковы, Пантелеевы, Закаляевы, Исаевы, Волошиновы – славные черкасские роды.

Вечный соперник – Средняя станица – растолкав народ и слепя его шелками, посунулась вперед, прямо к Донскому раскату. Иловайские, Яновы, Леоновы, Сулины... Яновы – из греков, Иловайские – из татар... Про Турчанинова, Миллера и Сербинова и говорить нечего. И видно и слышно. Все они откуда-то. Когда пришли, никто не упомнит, но помнят, что пришли. Эти ждали атамана подчеркнуто радостно. Свой. Из Средней станицы. Наш... Подбоченились, усы подкручивали.

Старая Павловская станица – Поздеевы, Машлыкины, Харитоновы, Сысоевы, Туровы... У этих деда все со Средней станицей считаются: кто древнее. Можно бы, конечно, посчитать, но все бумаги сгорели...

С другого конца города, из-за торговых лавок пришли и встали шумною толпой прибыляньские и дурновские казаки: Лютенсковы, Рубашкины, Родионовы, Мининковы, Каршины, Ханжонковы. Эти помельче.

Скородумовские – те вообще из-за протоки⁵. Голубинцевы, Струковы, Персияновы, Кисляковы, Гордеевы...

А дальше и вовсе – Рыковские станицы. Сброд набежавший, который ни упомнить, ни измерить. Однако тоже здесь.

Ждет Черкасск. Глядят все вверх по Дону – вот-вот... И в этот миг кое-кто с опаской и вниз по течению – оглянулся. За изгибами реки, за обрывистыми аксайскими буграми, скрывается крепость Дмитрия Ростовского⁶ и в ней – русский гарнизон. Многим от этой крепости муторно, как от сабли, занесенной над затылком. Напоминает она страшный булавинский разгром.

Забогатевшая старшина стала тогда прибирать Дон к рукам⁷. Помнили деда страшные времена атамана Максимова. Тот Максимов «со товарищи» старожилых казаков, которые по двадцать и более лет на Дону жили, неволей на Русь высылал и в воду ради своих взяток сажал⁸ и по деревьям за ноги вешал. Женский пол и девичий не миловал. Многие городки его подручные выжгли, а пожитки «на себя отбирали». Всё им земли и угодий не хватало⁹. В начале века сцепились со слободскими¹⁰, с Изюмским полком, за солеварницы по речке Бахмуту и простых казаков подзуживали. Думали, как раньше, выехать на казачьем горбу... А их и подзуживать не надо. Полыхнуло по Дону – и нашим и вашим досталось. И Максимова убили булавицы с общего ведома казачьего, со всех речек Войска совета. А что потом началось – про то деда и вспоминать не хотели...

Потеряло Войско многие земли по верховьям рек и по Волге. Нагнал царь на Дон солдатни. Дворяне русские самовольством своим казаков безвинно смертным боем били и всячески ругали. А солдаты в луке по-над Доном многих казачьих свиней побили. Из траншеента, поставленного над городом, приходили они в Черкасск, пили, казаков били и ругали булавицами и бездушниками, а когда обратно шли, огороды ломали и шпагами овощ рубили.

А теперь и вовсе крепость поставили. Вроде бы от турок и татар, но еще и для удержания бурного казачества в повиновении. Разгородили Черкасск и Азовское море, перекрыли

⁵ Протока – отделяла островной Черкасск от «большой земли».

⁶ Крепость Дмитрия Ростовского – будущий г. Ростов-на-Дону.

⁷ Далее поминаются события восстания Афанасия Булавина против притеснений правительством и казачьей старшиной казаков и «беглых» на Дону.

⁸ Традиционная казнь у казаков – «в куль да в воду».

⁹ В это время казачья старшина, уподобляясь русскому дворянству, спешно захватывала и делила между собой лучшие земли на Дону. Шло отмежевание казачьей «аристократии» от «голытьбы».

¹⁰ Слободскими казаками с Украины, подселяемыми Петром I к границам земель донских казаков.

дорогу за зипунами¹¹. Смотрят с бастионов пушки: «Нет, ребята, гулять в море самодурью мы вам не дадим. Служить будете...»

Тяжелые времена. Если б не рыба донская, ложись да помирай. Однако многие надеялись, что гордый и властный Степан Ефремов это дело поправит...

Вверху над Доном пыль закружилась. Бездорожно, с детским бесстрашием неведения скачут казачата – речка так речка, буерак так буерак. Разгоряченные кони рвутся под невесомыми всадниками. Впереди на сером жеребчике красивенький, русенький и голубоглазенький – Ивана Платова единственный сын. Коня отец с прусской кампании привел, поймал в поле осиротелого и перепуганного. Младший Платов всем говорил, что конь арабский, но подозревали казаки, что – мадьярский. Откуда в Пруссии арабские кони?

И конь назад косится, и всадник оглядывается, не дает себя обогнать. Гордый чертенок, самолюбивый. Да и другие – подрастающая черкашня – друг перед другом не конем, так собственной лихостью выхваляются. Казака сразу видать.

Подлетели казачата:

– У Большого!..

Да нет, пока скакали, небось, уже у Малого...

С колокольни подали знак. Гулко бухнули колокола. Оживление.

– Пали!

И, покрывая все звуки, оглушительно приветствовали показавшийся караван черкасские пушки...

Подвижный, веселый, игривый маленький Платов радостно кружился в хороводе запевших, не могущих остановиться коней. И серый жеребец, и мальчик были единым существом, тем самым сказочным «центавром»... И весь хоровод коней и маленьких всадников был слаженным, единым и живым существом.

Не отвлекаясь на бег и шараханья, с восторгом смотрел Матюшка Платов голубыми своими глазками, как заволновалась, задвигалась толпа в ответ на его крик. И в этот миг походил он на котенка, который, играясь, взобрался черт-те куда, висит, скособочившись, на страшной высоте и, вывернув голову, благодушно взирает на сияющий мир. Если б не коготки, убился бы давно...

Черными узкими зрачками следил Матвей, как поплыли над людьми светящиеся клейноды, как расступилась толпа, пропуская вперед атаманшу Меланью Карповну. Та шла, окруженная детьми, младшего несла на руках. Яркие губы ее в профиль казались острыми. Взгляд карих глаз – упрям, своеволен. Судимый в прежние времена за двоеженство Степан Ефремов отпустил с Богом обеих жен и взял себе с черкасского базара третью – красавицу Меланью. Облаготельствовал бедную торговку. Свадьбу закатил такую, что ни до, ни после славный город Черкасск не видывал. И неожиданно попал тщеславный, но поистаскавшийся бабник в цепкие лапки. Стала базарная торговка полноправной атаманшей. Кое-кто Меланью Карповну и побаиваться стал. Раньше ее как-то старый Данила Ефремов сдерживал. Что-то теперь будет... Прелести атаманши со временем пообвисли, но личико нежное с точеным носиком по-прежнему свежо. И вокруг – стайкой и на руках – ефремовские отпрыски. За колючий, вышитый золотом подол испуганным ангелочком держится дочь Наденька, постоянная гостья Матвеевых снов и грез.

Вместе с Матвеем жадно следят за приготовлениями верные друзья, потом играть будут в эту встречу, и маленький Платов уже знает, что будет «Степаном Ефремовым».

Как жеребец отбивает себе табун, так и он, Матвей, отбил и увел старших мальчишек, ровесников своих и малышню, подбивает их на разные шалости, атаманствует безраздельно. Чуть «не по его» – враз голову набьет. Многие казачата тайком слезы и красные

¹¹ По Дону – в Азовское море за добычей.

сопли утирают. Но от материнского глаза не скроешься, и не любят соседки-казачки платовского наследника.

Увидев ефремовскую дочку, вытолкнул Матвей коня на освободившееся, специально очищенное пространство, крутнул и поставил, заставил в нетерпении копытом землю долбить; несколько затянувшихся мгновений возвышался один лицом к лицу с толпой, клейнодами и красавицей Наденькой, подбоченившись, навязав всему городу свою игру, будто не Степана Ефремова, а его, Матвея Платова, встречают.

Ни задумчивая атаманша, ни город этой выходки не заметили. Одна Наденька проводила внезапно сорвавшегося и улетевшего всадника любопытным взглядом.

Под гул и грохот приставали к берегу струги. Сходил на родимый остров разодетый Степан Ефремов. Подбрит по-польски. Под темными усами надутые вокруг рта щеки – как воды в рот набрал, сам рот маленький, припухлый, подбородок круглый, нос продолговатый. Глаза пожившего человека. Вокруг них – тени.

Раскрыв рты, разглядывали казачата красный кафтан – расшит золотыми цветами, чекмень с золотым «балетом». Отметили все, что на атамане новая серебряная сабля, а на груди на голубой ленте громадная золотая медаль.

За атаманом с такими же медалями на груди шли старшина Поздеев, войсковой дьяк Янов, есаулы Сулин и Горбиков и сотня казаков, именуемых «тайными советниками»: Василий Маньков, Карп Денисов, носатый Дмитрий Иловайский... Где-то среди них и отец Матвея – Иван Платов. Глаза разбегались – то ли отца высматривать, то ли на красивый обряд встречи глядеть...

Отец, которого Матвей не видел больше года, чужой в незнакомом бархатном кафтане, в дорогой заломленной шапке, на ходу разговаривал о чем-то с соседом и при этом неотрывно всматривался в берег, в толпу. Прошел он мимо и не глянул на гарцующего сына, не ожидал увидеть его так и таким. На какое-то мгновение ощутил себя Матвей как в страшном сне. Отец ищет его и не находит, и вроде смотрит... и я его вижу, а он не угадывает...

Дважды наезжал Матвей на атаманскую сотню. Казаки отмахивались от конской морды, думали – малец с конем не может управиться. Наконец Дмитрий Иловайский глянул, – что за напасть! – и улыбнулся:

– Тю, Иван, это не твой всю станицу конем стоптал?

Растерянно и торопливо оглянулся отец, и скорее коня, чем всадника, угадал:

– Ды... мой...

Махом перехватил коня под уздцы и, не отставая от сотни, повел в толпу, в шум, плач, поцелуи.

Глядели забытые Матвеем мальчишки, как уплывает над особой атаманской сотней их атаман. Глядели недолго. Кто своих узнал, кто соседей. Встретились...

Мать, тоже незнакомая из-за дорогого наряда, блеснув жарким платком, бросилась из толпы отцу на шею. Мотнул головой и дернулся испуганный конь...

Растеряв всех, ждал Матвей у храма. Надо бы внутрь занырнуть – коня бросать жалко, а привязать не догадался. Дождался и еще раз прошелся с отцом, теперь до атаманского подворья, куда, продолжая свои мужские дела, ушли и прибывшие и встречавшие их выпить из жалованного ковша царской сивушки и обсудить на пользу Войска все новости.

Матвей, обожавший вечеринки, сборища и хождение в гости, провожал их, отстав у ворот, восхищенным взглядом.

Ефремовский дом – толстостенный, с решетками, – поражает неискушенных донцов богатством и роскошью. Нагляделся покойный Данил в столице и у себя завел. У него первого на Дону появилась европейская мебель, первая карета, летняя, а потом еще и зимняя, с печью. Весь город смотреть сбегался.

Суетились ефремовские ясыри, одни столы накрывали, другие развешивали новые парсуны, что хозяин привез. Целая галерея, и лица знакомые. Сам Данила Ефремов, в парчовом халате, щурится со стены, как живой, казалось, сейчас поведет своим лисьим носом.

В последние годы жизни собрал он сотню верных ребят, молодых и отважных, нарек их «тайным советом», а когда умирал, передал, как и наследство, сыну своему Степану. Замастерели «советники», мнят себя хозяевами земли донской.

За столы рассаживались, говорили лениво – и так все в дороге переговорено. Оторванные, надменные. Наследники старых родов, попавшие вместе с отцами к атаману, по молодости глядели на «советников» с завистью.

Сказал Степан обрядные¹² слова про жалованье, про царскую ласку. Поднял дареный ковш: «Здравствуй, белая царица, в кременной Москве, а мы, казаки, на тихом Дону». Пустил по кругу. Выпили по обряду.

Из черкасн кто-то с ехидцей:

– Так царь у нас или царица?

Заговорили о столичных делах. Отпущены казаки на Дон с великой честью. Услужили, новую царицу на престол сажали. Через это и задержались. Наградила она их и вместе и порознь и Дону великие милости сулила.

Говорили снисходительно. Усмешка – признак силы и здоровья. Рассказали, посмеиваясь, как ехали две бабы перед гвардейскими полками¹³, молодые и привлекательные, в мужском платье, и, глядя на них, доходили молодые гвардейцы до умопомрачения, орали и бесновались. Ни дать, ни взять – собачья свадьба.

Старый Мартын Васильев, глуховатый, ничего не понял:

– Так иде ж царица-то?

Младший – Митрий – осторожный, морда «сиськой», толкнул отца в бок, сам спросил:

– Ну и какая ж она, Ее Величество?

Иван Янов, войсковой дьяк, ответил кратко:

– Немка... – и в трех словах довел до старого Мартына самую суть. – Там гвардия крутит.

– Ну-у, это не новость...

Кто из казаков хоть раз в столице бывал, знает, что нет там теперь священного трепета перед царями. А на Дону его никогда не было.

Посмеиваясь, слушали, как генерал Суворов с голштинцев шпагой шляпу и парики сбивал. Поняли главное – русские немцев выбили, но немку же и посадили. Ладно, бывает... Это их русские дела.

Мигнул атаман разливать. Взялись казаки за кубки. Возгласил атаман:

– Здравствуй, Всевеликое Войско Донское, снизу доверху и сверху донизу!

Дружно сомкнули. Многого и не ожидали от Степана Ефремова, но лишний раз приятно, что он «низ» прежде «верха» поминает. Ревниво следит черкасня. Один раз, еще при добром царе Федоре Иоанновиче, назвали русские в грамоте «верховцев» первыми. Долго «низовцы» сокрушались и послу Нащокину жаловались: «За что обижаете?»

Разительно «верх» от «низа» отличается.

Выше Манычи жизнь размеренная, а последнее время, как татарву запугали, и вовсе ленивая. Уходят «гулебщики» на охоту, остальные скотину пасут или рыбу ловят. Улов делят поровну, не заботясь о будущем. Удачливые ходят по станице, называются, даром раздадут:

– Возьмите рыбки. Наловили – не поедем.

– Спасить Христос. Своей много.

¹² Положенные по обычаю.

¹³ Екатерина и ее подруга-сподвижница княгиня Воронцова-Дашкова.

– Куды ж ее девать? Не выкидать же...

– Ды на тот край отнеси. Может, возьмут.

Сядут сети плести и сидят себе... Разговоры, соревнования... сонная жизнь.

На «низу» же покоя сроду не было и теперь нет. Вечная деятельность. Купцы, послы, иностранцы, пьянки. Задаром и не плюнет никто. Все судятся и торгуются. Особенно – в Черкасске. Город – он и есть город... И богаче «низ», не в пример богаче.

Верховцы разве что в лаптях не ходят. Кашу со свечным салом едят. А низовцы как разоденутся – рубашки шелковые, зипуны атласные, кафтаны камчатные. Перетянутся турецкими кушаками, притопнут сафьяновым сапогом, заломят на куньих шапках бархатный верх... Еще те щеголи!

Приглядывался Степан Ефремов, как цвет казачий с выбором – не дай Бог подумают, что голодный! – отведывает с атаманского стола, расспрашивал о том, об этом. Наконец сказал Степан Ефремов главное:

– Комиссия будет. Приказано осматривать хутора. Беглых – назад, в Россию.

Все замолчали и поглядели на него с выжиданием. Что еще скажет? Ефим Кутейников погладил любовно гнутый эфес дареной сабли и, не дожидаясь атаманова слова, сам сказал, скалясь в злой улыбке:

– С Дону выдачи нет.

И Мартынов-младший, забыв осторожность, эфес погладил:

– А мы и не выдадим.

Святые слова и на любой случай годятся. Давно уже на Дону, особенно на низу, людей с разбором принимают... Раньше сама степь народ отбирала. Селили старожилые раздорские казаки пришлых ниже и ниже по Дону, меж собой и азовцами¹⁴ – а какого роду и какой веры, не спрашивали. Кто выживет, тот и остается. Время было лихое, что ни год, то война либо набег. Бороздили казаки море Черное, море Хвалынское, уходили аж на Яик, на Дарью-реку. Семейных мало, и нуждишка в людях постоянно ощущалась.

После Разина и после булавинского разорения спорить с Россией стало накладно, и на море погулять помимо царской воли не пускали. Добычи нет. Вот и стали оглядываться, как на самом Дону прокормиться. Охота, рыбалка, торговля... Река богатая, но не беспредельная. Куда теперь беглых принимать? Самим места мало. Пытались сначала сохранять полезных в виде приписных личных и станичных¹⁵, а вредный сброд в Россию отдавать. Тут еще на кого нарвешься – находились казаки, что беглых ловили и тайно в Азов туркам продавали. Торговля людьми – дело прибыльное. От 20 до 40 руб. за человека можно выручить.

При Петре, при Анне все больше московские люди на Дон приходили, а потом – как прорвало – хлынули по Донцу и степью малороссияне, реестровые казаки¹⁶. Вышли они во время оно из Украины в Малороссию и осели поселенными полками. Но вскоре стали их в регулярство верстать¹⁷, и побежали они дальше, на Дон, вспомнив о казачьем братстве. Этих уже не продашь – они сами кого хочешь продадут.

Казаки-низовцы сказали:

– Нехай живут, нам за пожилое платят.

Но в общество¹⁸ не приняли. Тесно стало на Дону.

При Анне Иоанновне столкнулись с запорожцами из-за угодий, насилиу Елизавета помирила, чуть позже – с Волжским Войском.

¹⁴ Гарнизон и жителями турецкой тогда крепости Азов.

¹⁵ Крестьян – а не казаков, как раньше.

¹⁶ Своего рода поместное ополчение Украины при гетманах, до окончательного присоединения Украины к России.

¹⁷ Переформировывать в кавалерийские полки регулярной русской армии.

¹⁸ Т.е. в свое войско – полноправными донскими казаками.

Опомнилась черкашня, стала войсковую землю расхватывать, на ней пришлых малороссиян селить. Станицы пока за удобные места держались – леса, луга, озера. Степь же не меряна, в общем пользовании, столбов нет. Являлись желающие к атаману и старшинам и указывали, где хотят хуторок поставить. Их для виду к присяге приводили, спрашивали по крестному целованию и по святой непорочной евангельской заповеди Господней еже есть правду, ничейная ли земля. Присягали просители охотно, что ничейная, и разводную грамоту получали. Теперь за свое добро готовы горло перегрызть. Бесконечная и нудная, как зубная боль, тянется у Войска тяжба с Россией из-за беглых вообще, из-за малороссиян в частности. Уже сколько комиссий пережили. Прячутся беглые. На Дону хоть и не воля под казаками, но все ж легче, чем под панским помещичьим ярмом...

Один из Грековых сказал, как и все, зло и заодно:

– Откуда у нас беглые? Их Себряков не пускает, – и с вызовом на атамана поглядел. Взгляд его говорил: «Хозяин ты на Дону или нет? А хозяин, так наведи порядок».

При упоминании Себрякова потупился Степан Ефремов, тугую губу укусил...

Лет двадцать с лишним бригадир Сидор Себряков, специально отряженный, гоняет в верховьях меж донскими и российскими владениями, ловит беглых, раскольников разыскивает. Забогател, независим стал, с Ефремовыми не ладит. Если б только это, то и Бог с ним, но перерезал Себряков хоженую дорогу, нет новоявленным хозяевам¹⁹ крестьянской подпитки из России – прямо кусок изо рта рвет. И давили на него, и жаловались, и царице писали, что взятки берет и беглых не всех возвращает, а многих людишек на себя записал. Себряков в долгу не остался, доносил кому следует, что разорили Ефремовы Тихий Дон своим неутолимимым лакомством и нестерпимым насилием и в наибеднейшее состояние привели, а сам, между прочим, тяпнул себе опустевший с булавинских времен Кобылянский юрт²⁰ на речке Арчаде, сто верст в окружности, сглотнул и не поморщился. А чего ему бояться? Как бы ни воровал, а власть за него будет – «царский разыщик».

Глядя на него, многие перенесли свои вожделения на невские берега. Думают по скудости ума: «Что царь нам даст, ни один круг не даст». Ковши, сабли, медали, звания, ордена, чины, земля, крепостные... Так и хочется сказать: «Глупые вы люди! Это ж сколько надо выслуживать, чтоб тебя крестьянами наградили? А сколько их к тебе на Дон за это время своим ходом придет?»

С конца стола кто-то (из-за голов не разобрать) сказал трезвым голосом:

– Многие распоясались, с-собаки. Москва им полюбилась... Ты б, Степан, прибрал их к рукам.

И старый Мартын Васильев тихо, глядя атаману близко в глаза, добавил:

– Пока там бабу посадили... Это ж тебе, небось, не Петр Первый.

Обвел Степан Ефремов взглядом притихших казаков – и то ли в лице согласно изменился, то ли еще что, но поднял старый Мартын кубок:

– За здоровье войскового атамана!

– Будь здоров, Степан Данилович!

...Матвей отца у ефремовских ворот так и не дождался. Налетели свои, увели играть. Сели они с особо близкими и верными на лодки, погнали на быстрину. Остальные толпились у донского раската, стояли степенно, на деревянные сабли опирались.

С быстрины разлетелись лодки, вроде как из далекой России. Ступил на родимый берег Матвей Платов и, лихо выпятив впалый живот, вопрошал черкасских жителей:

– Ну, как вы тут без меня?

Встречающие, подкатывая глаза, вдохновенно сочиняли.

¹⁹ Казачьей старшине.

²⁰ Земли станицы Кобылянской.

– Молодцы, – говорил «атаман». – Похваляю.

Потом задрался с кем-то из запроточных, кто высмеял его и усомнился в атаманстве.

За веселыми и самонужнейшими делами не уследили, как вечер опустился. Домой при-
бился позже отца.

Мать изругала:

– Где свиньи? Я за ними глядеть должна? И так от рук отстал...

Но при отце не кричала сильно.

Отец о делах расспрашивал, беспокоился. Долго жена и единственный сын все хозяй-
ство без него тянули. При появлении Матвея отвлекся, полюбовался, за ухо и загривок потас-
кал. Матюшка по-кошачьи вцепился в ласковую его руку и повис на ней. Проворный, ловкий,
сметливый – все это отец, не скрывая удовольствия, отметил, но возился с сыном недолго,
опять к хозяйству обратился.

При знании русской грамоты, уме и твердом характере имел Иван Платов достаток
средний, а если по коренной черкасне судить, – то и слабый. Когда-то, «при царе Митрохе,
когда людей было трохи», а скорее всего, при Алексее Михайловиче, гоняли, по слухам,
Платовы лес от Переволоки вниз по Дону, через это ремесло и прозвище якобы получили.
Остался с тех пор сарай под лесной склад. Плоты гонять – дело хлопотное, требует постоян-
ной отлучки, что при нынешней казачьей службе стало невозможно. Осели Платовы у про-
токи в Прибылянской станице, из черкасских одиннадцати не самой старой, но и не моло-
дой, и стали, как другие, рыбу ловить.

Иван Платов отмечаем был на службе, тянулся более других, оттого и женился поздно,
жену взял на десять лет моложе, да и с той пожить служба не давала. Забрал Данила Ефремов
Ивана Платова за верность и лихость его в сотную команду, в «тайные советники», гонял по
всей России с секретными делами. Попал Платов с ним в Петербург и осел там на несколько
лет. Молодая жена его, Анна Ларионовна, получив весточку, что сидит Иван в столице на
«Казачьем подворье» и включен молодым Ефремовым в особое посольство, стала надеяться,
что хозяйство поправится. Этим только и держалась. Великая была честь в зимовую станицу,
то есть в посольство, попасть, и выгоды немалые. При приезде и при отъезде послы царю
представлялись и подарки получали. Рядовые самое малое – руб. по десять и сукно. А кто
заслуженный, иногда и соболями. Бывало, сабли драгоценные привозили и ковши. Но, зная
черкасскую повадку, что оружия у казаков и своего много и выпить есть чего, а из чего –
и подавно, предлагали царские слуги зимовой станице брать деньгами: вот тебе на саблю
тридцать руб., вот на ковш – пятнадцать. Брали. На такие деньги ого-го как развернуться
можно.

Иван Платов домой вернулся и с саблей, и с деньгами, и с медалью золотой. Сидел
теперь, прикидывал, как жизнь обустроить. Что ж, сорок лет человеку, пора и о хозяйстве
подумать.

О делах столичных он много не рассказывал, но был весел, разжигал бабье любопыт-
ство загадочными словами:

– Я ее на престол и сажал. Теперь заживем.

Наговорившись всласть, расслабился Иван Федорович, вытянул ноги, заломил руки
над головой, с грустной усмешкой сравнил свое кажущееся убогим жилье с ефремовским.
Со всеми этими хлопотами о главном забыл. Кликнул мигом подскочившего Матвея. Что ж
сказать подростку сыну?

– Смотри, Матвей... – и задумался.

Что говорят? Царю служи, родителей почитай да на Бога надейся, так что ли? Царя
убили... видел Иван Федорович его в гробу с черным опухшим лицом, волосы у покойника
от сквозняка шевелились... И Ефремов замышляет...

Матвей ждал. Видел он во всем продолжение игры. Но отец играл плохо. Куда ему до черкасской детворы! Вот и теперь все обломал, не договорил, вздохнул и по плечу похлопал:
– Ничего... Теперь заживем.

...Ну, вот нам и герой, чью жизнь проследить можно и по ней обо всем казачестве судить. Правда, он не рядовой казак. Но мы и рядовых рассмотрим. Чуть позже.

Глава 2. Романтическая история

Жизнеописание любого человека начинается с даты рождения. В данном случае не все обстоит благополучно. Сам Платов несколько раз указывал свой возраст, но по-разному, и разница составляет шесть лет. В чем причина?

Когда Платов женился, повторно и на молоденькой (правда, к тому времени уже овдовевшей), то скостил себе четыре года. Это понятно. Но первому биографу своему Матвей Иванович назвал другую дату и почему-то накинул два года лишних.

Как бы то ни было, но «общими усилиями» удалось обнаружить в церковных книгах, что у донского старшины Ивана Федоровича Платова родился сын, нареченный Матвеем, и было это в 1753 году, 8 августа.

Если верить гороскопам, то рожден он был сражаться и повелевать, ибо по гороскопу Матвей Платов был Лев.

И не одна дата рождения вызывает сомнения. Для донских исследователей фигура Платова поневоле становится таинственной. В Государственном архиве Ростовской области, где хранятся все бумаги Атаманской канцелярии и Войскового правления, где огромные голубоватые кипы рыхлой бумаги сохраняют подробные послужные списки многих тысяч донских офицеров за конец XVIII и весь XIX век, нет ни одного послужного списка прославленного атамана. Лишь в известном «Потемкинском фонде» Военно-исторического архива в Москве есть документы, отражающие молодые годы Матвея Платова. И есть запись, что, мол, русской грамоты не знает онный Матвей...

Но здесь дело, скорее всего, в другом. Не столько Войсковая канцелярия двигала Платова по служебной лестнице, сколько всемогущий фаворит Екатерины Второй. Ему и писал Платов о жизни и службе своей, ему и отчет давал.

И родословная какая-то куца. Не то, что у других современных ему знаменитых донцов. Известно, что деда звали Федором (а деда по матери – Ларионом), а кто такой и откуда прозвище – Бог весть. Может, и вправду плоты гоняли. Написал же один биограф, что была у Платовых в Черкасске «лесная биржа». А может, прозвище то от слова «плат» – то есть нарядное расшитое покрывало, которое казаки-щеголи клали поверх седла.

Изначально не богат, не знатен. Чего там доброго и знатного в Прибылянской станице? Впоследствии первому своему биографу говорил Платов, что отец его из простых рыбаков, из апостольской профессии. При всех этих данных странен и необъясним платовский стремительный взлет. Двадцати лет не было, а полком командовал. В Царском Селе личные покои ему отводили... В наш меркантильный век никто не поверит, если все это объяснять заслугами перед Отечеством, непревзойденными личными достоинствами. И верно – великие заслуги перед Отечеством были после. После стремительного старта, после личных покоев. Ну, стремительный старт, пожалуй, можно объяснить участием отца, Ивана Федоровича, в Петергофском походе. Послужил этот поход трамплином для многих известных фамилий. Для Суворовых, например... А дальше?

Поднаторевшие в придворных интригах и внутренних донских дрызгах карьеристы оценку войсковому атаману Матвею Платову давали жесткую и нелицеприятную: когда он умер, половина Войска Донского «ура» кричала – тщеславный вор, матершинник, карьеру на бабах сделал...

Первая жена – дочь атамана Ефремова, вторая...

Но мы Платову симпатизируем. Он – наш, казак. Так что давайте усомнимся, что женился Матвей Платов на Наденьке Ефремовой ради карьеры (да и какая может быть карьера, если сам Ефремов в то время уже в опале был), и придумаем – благо это в наших силах, – какую-нибудь романтическую историю. «Дружить с детства» они, конечно же, не

могли. Тайна рождения человека соблюдается черкасней. В баню женщины с детьми ходят в особом банном фартуке, чтобы дети не смотрели. Мальчишки и девчата в Черкаске держатся порознь, стыд и срам вместе играть. Обычай этот – говорят, татарский, – среди юной черкаснии нерушим и вечен. Сверстники любого засмеют. Потом наверстывают, когда подрастут. Матушка Меланья Карповна наверняка рассказывала дочке Наденьке, когда та в возраст вошла, что при дедушке Даниле Ефремовиче специально в воронежскую консисторию таскали тех, кто четвертым браком женат. Меняли казаки жен с черкасской лихостью и легкостью, как заезженных кобыл: «Не любя. Кто желает, пусть берет»²¹. Но в отроческие годы – ни-ни.

Да и служба с малых лет мешала. Зачастившая при Степане Ефремове в столицу донская старшина насмотрелась и по примеру русских дворян стала потомков своих детьми записывать в полки или в Канцелярию на службу. Кто для виду, чтоб дитя в списках значилось, а кто и всерьез стал детвору и выростков приучать. Дел всем хватит. То целым полком на покос, то за рыбой, то малороссиян сгонять, то за Дон на бродах караулить. Весь Черкасск постоянно при деле. Дети казачьи и старшинские поначалу служили охотно, деловиты, серьезны. Нет никого серьезнее играющих детей. Раньше всех прибежали на службу, позже всех, уже после обеда, окольными путями, провожая друзей, расходились по домам.

Постепенно веселая игра превращалась в обыденную службу. Являлись с утра в Канцелярию и, поскучав, смывались домой десятилетние есаулы Ефремовы и Грековы. Но другим, с малолетства записанным на службу, Войско особо не попускало. Грамотных, «писучих» выростков оставляли при Канцелярии исправлять письменную работу, посвящали во все внутренние тяжбы и многие интереснейшие и самонужнейшие дела, а неграмотных и драчливых, вроде Матвея Платова, употребляли «подай – принеси, стой там – иди сюда». Самое интересное, когда посылали в патрули, по-казачьи, в разъезды, пристегивали по два – по три к взрослым казакам.

По-бирючьи рыскали они вокруг города на ближних подъездах и на дальних, всерьез всматривались в полуденные блики степи в сторону Кубани, населенной в то время татарами и черкесами, и в закатные краски на крымской стороне. От соседей всего можно ожидать.

И врага надо знать и его оружие, потому рассказывают старшие младшим, что стоят против донских казаков многочисленные черкесские роды: шегане, жане, мамшуг, бесней, кабартай. И татарвы не счесть: улу-ногай, кечи-ногай, шейдык-ногай, урмамбет-ногай, ширин, мансур, сержут, манкут...

Оружие крымское и ногайское от казачьего не отличается. Все – одного производства. Разве что кистени татарские казаки носить перестали. Своего оружия на Дону никто не делает, оружейники из добычи отбирают, подправляют, снимают с турецких ружей амулеты, пропускают медянку сквозь ствол²², стрелы татарские по наконечникам распределяют, какая для какой цели.

Из нового – длинный прямой ятаган, Гаврила Терезников из Кизляра привез, по-черкесски – саш-хо²³. Носится на поясе лезвием кверху, чтоб, выхватывая, коню шею не порезать; опять же без замаха бить удобно. Гаврила им и так, и этак, и через руку, и подмышку, и вокруг себя по-турецки крутил, только свист и вжик. Так это Гаврила, а – хлоп! – на турку такого нарвешься... Молодняк – сразу:

– Научи...

Хитер враг, коварен, с ним гляди на все боки. Проезжая через Монастырское урочище, вспоминали о страшной беде. Стояла там во время оно казачья стража, и с ней в землян-

²¹ Отголосок древнего казачьего обычая выводить надоевшую жену на Круг и отдавать другому или отпускать.

²² Для защиты от ржавчины.

²³ Клинок шашки по сравнению с турецким и персидским сабельными имеет совсем незначительную кривизну.

ках жили старцы-отшельники, искалеченные и бездомные, кто здоровье в походах потерял, а добра не нажил. Когда возвращались казаки из похода, старцы их первыми встречали и получали толику добычи на убожество.

В этот раз загуляли победители, не доходя до города, запили со старцами и там же заночевали. Спали вповалку старые и молодые, мелкий дождик по камышу шуршал... В Черкасске их ждали: «Наши с моря идут да подарочки везут!» Не дождались...

Проезжая, крестились казаки, а выростки долго оглядывались, и виделись им во мраке расхристанные, окровавленные казаки, последний, наудачу, отмах саблей, мельтешение стрел и волосяной аркан на горле...

С тех пор береглись казаки, зимой вокруг города на ближних подъездах и на дальних, на Дону и на протоке лед кололи²⁴. Отваживая от города всех врагов, взятых в плен на острове, под городскими стенами, несмотря на обещаемый выкуп, казнили беспощадно. По Манычу и по Миусским лесам стояли обычно сменные полки, и здесь, под Черкасском, уходили разъезды до Тимурленки.

Всматриваясь с холмов, указывали старые молодым на светящиеся полосы: «Это Старый Дон, по ихнему – Дири-Тене, а вон там Мертвый Донец – Олю-Тене. Там – Канлыджа, по-нашему – Каланча...» Знать надо как свои пять пальцев и чужим не растрепать. А то приезжали от русского царя немцы, расспрашивали. Усмехались казаки, наплели, набрехали, и нанесли немцы на ландкарты наименования вроде «Сал Топорович», а то и вовсе неприличные прозвища. Потом спохватились, да что с казаков взять – храбры, щедры, но легкомысленны и непостоянны. На том дело и кончилось.

Платов Матвей всюду как дома, не знает робости. Из лука старинного, клееного²⁵, размером в человеческий рост, на скаку стрелял не хуже татарина, в учебной разведке у бродов ужом ползал, в степи пешим шел в траве вровень с травой. Первый среди равных.

Приелось. Скучно стало побеждать сверстников. Рано, раньше многих, заскучал Матвей, на девок стал заглядываться. Вытянулся, вширь раздался. Казачки других станиц сходили с мостков в грязь, уступая ему дорогу, принимая за взрослого казака.

Время военное. Казаки – кто в Кубанской степи, кто под Крымом, а кто и на Дунае. Бабы заскучавшие и вдовицы молодые в один миг приметили юного Платова. Новое кружение началось, новые подвиги. Бегал он по бабам, словно сам себе чего доказывал, вновь и вновь. Вроде и уверился в своей неотразимости, цену своему обаянию знал, а все мало...

Васька Лиманов, рыковский матершинник, раз в разъезде сказал ему:

– Ты, Платов, небось, только с атаманской дочкой и не спал, а так уж всех, весь Черкасск.

Матвей, как подстегнутый, вскинул голову, подумал и Лиманову озорно подмигнул.

– Хвалишься? – заводил его Васька.

– А гляди...

В разъезде ребята молодые, дураковатые. Завелись сразу.

С той поры стал поглядывать Матвей на островок с домом и садом – загородный дом Ефремовых, названный по красной крыше «Красным куренем», мимо атаманского дворца со службы домой ходить. Наденька Ефремова, сидящая где-то за крепкими стенами, обольстительная, ласковая, манерная, казалась ему красивой, как «азовский цветок» на атаманском подворье. Ходили слухи, что сватать ее будут из царского рода, на худой конец – за какого-нибудь князя.

²⁴ Чтобы воспрепятствовать переправе врага.

²⁵ Татарский лук склеивался из нескольких полос разного материала.

При всем самомнении и мальчишеских громких победах понял Матвей, что не по себе дерево рубит, но раз уж влез, отступить не мог. И уверился незаметно, что другой дороги нет. Пристально вглядывался в являющуюся мимолетным взорам ефремовскую дочку. Выражение безмятежности на девичьем личике убивало все надежды. Еще не заговорил он с ней, и имени она его не знала, а уже терзала юношу болезненная ревность – вдруг она найдет лучше меня?

Раз удалось завлечь ее словом, задержала она взгляд на молодом казаке. Поговорили ни о чем. Умна, осторожна, поулыбалась застенчиво, никакого превосходства не выказала и упорхнула за высокую стену. Матвей с тех пор только о ней и думал, и на службе и дома места не находил. Все мерещилась ее улыбка – мягкая, нежная, сладкая... По дому все дела забросил.

И Наденька Ефремова, вызнав у подруг, что это за юный урядник крутится за высокой стеной атаманского подворья, обомлела. Выдали радостные подруги, что это первый бабник среди молодых, не расписанных еще в полки, перечислили, привирая с перехлестом, все его победы.

С тех пор кратковременные, летучие встречи с Матвеем Платовым стали главным в жизни Наденьки. Всю неделю она думала об этом, сомневалась, колебалась, строила догадки. Раз в день, а то и в два дня она в одно и то же время встречалась с ним взглядами, краснела и пряталась и вновь думала, мечтала, сомневалась. Иногда страшные фантазии уводили ее далеко и казались уже свершившейся жизнью, и она негодовала на соблазнившего и бросившего ее юношу, вскрикивала и размахивала руками. Потом вспоминала, что все это выдумала, ничего и не было. Так, вроде сна...

К тому времени отец Матвея, Иван Федорович, обнадеженный царской лаской, начал было хозяйство поднимать. Поставил его Ефремов собирать с малороссиян подушный оклад – дело как будто выгодное. За эти годы они с матерью еще троих сыновей нарожали, но добра не нажили.

Как ушел отец с полком на службу, на Матвея хозяйство навесил: рыболовные заводы и лесной склад. Хозяйство в молодых руках не спорилось и вообще на ум не шло. Мать ругалась:

– Все б ты алатырничал, все б спал да гулял...

Он отмахивался:

– Я на службе, некогда!

– Да какая служба?! Балычница не коптит совсем. Сбегай погляди, что там такое.

Матвей рыбалить – и любитель и мастер. Это – когда сам, а на других глядеть радости мало.

– Ладно, сбегая...

Вечером опять:

– Чего там?

– Где?

– Да на заводах?

Матвей, хлебая борщ с осетром на лещовой юшке, пожимал плечами.

– Ах ты, аманатово дитё, такой обманщик...

Брала Ларионовна младшего, Петеньку, на руки, сама шла к Протоке, голопузые Стешка и Андрюшка плелись следом.

– Бери коня, сбегай на Аксайский стан...

Заводы платовские – простые сараи, где нанятые люди разделявают, солят, сушат и коптят рыбу. Таких у Черкасска и на Азовском стане множество. Запах удушливый. Сухая рыба кучами без присмотра лежит. Грузи да вези. Хохлушки и калмычки новые партии чистят и развешивают сушить на жердях меж сараями.

Сейчас на стане затишье. А весной, бывало, только-только лед сошел – столпотворение. Казак-низовец если и работает, то на рыбном промысле.

Слетал Матвей, поглядел на замызанную, всю в крови и шелухе наемную калмычку, пугнул собак и свиней от кучи сушеной рыбы, переговорил со знакомыми ребятами, спросил про купцов: какую цену дают. Нет торгу. Все доброе еще зимой и весной разобрали.

Обратно вплынь перемахнул через Аксай и низом, мимо Монастырского озера, погнал переменным аллюром.

У Танькина ерика знал Матвей мелкое место и направил припотевшего коня вброд. Только брызги осели, градом с той стороны камни посыпались, и толпа мальчишек с криком поднялась из-за заборов, прямо в засаду попал. Припал к гриве. Конь в два скачка, взметая новые брызги, вынес его обратно на берег. Ошарашенный предательским нападением Матвей пригрозил предводителю босоногой орды: «Ну, Кислячонок, гляди!..» и, недоумевая, пустил коня кругом на Никольский раскат.

В городе встретило его известие, объяснившее недавнее нападение. При въезде в квартал младший Гревцов схватил его коня за повод:

– Давай к Алексеевскому²⁶. Наши скородумовских помели²⁷.

– Чего ж вы сбегались?

– Пришел с Хопра боец... На Скородумах сидит...

Драка, оказывается, только начиналась.

Не рассусоливая, влетел Матвей во двор, коня передал старшему из братцев, Стефану:

– Выводи его хорошенько²⁸...

В воротах – мать. Ничего не знает:

– Будет тебе бегаться, сядь да посиди.

И в этот миг в конце квартала у крепостной стены – крик, застывший все на свете:

– Рыковские черкасию гонят!..

– Да погоди ты... Некогда... – и, чуть не сбив с ног родную мать, кинулся Матвей вдоль по улице к Алексеевскому раскату.

От ворот в глубь города по одному и кучками откатывались городские²⁹. Первой правилась малышня, которая, похоже, и завязала все дело. Потные, грязные... У многих мордашки позапухали. Матвей одного, другого – за шиворот и возле себя поставил. Стали кучковаться.

Рыковских пока не видать было, а скородумские густо лезли. Да казаки все матерые, служилые: Сухаревсковы ребята, Осип Садчиков, Филипп Чеботарев. Этому лучше не попадайся... Петро Рыжухин, оторвила известный, увидел, как вокруг Матвея станичные сбатовались³⁰:

– Эй, вы, прибылянские! – и пошел прямо на Матвея, за ним – Бугайков Иван, тоже еще тот «друг».

– Ну что, Платов? Давно мы тебя не били, в говне не валяли?

Матвей «ни богов, ни рогов» не боялся и шуток о себе не понимал. Ответил коротко:

– Выходи, брухнемся!

Гордость его была уязвлена.

Ребят крепких, надежных под рукой – Андрей Сулин да Матвей Гревцов. Общего натиска не выдержать. И он дал знак расчищать боевое место.

– Ну, Бугайков, кто кого!

²⁶ Раскату.

²⁷ Здесь и далее речь идет о кулачных боях «станица на станицу».

²⁸ После скачки коня некоторое время «вываживают» – водят шагом.

²⁹ Бойцы станиц, составлявших город Черкасск.

³⁰ Остановились.

Разгоряченные дракой казаки приостановились. Поединок, бой один на один, всегда вызывал интерес.

Правил единых нету. Могут, по-татарски, на пояски схватиться, могут, по-русски, кулаками. Одно отличие – дерутся жестоко, до озверения, до визга.

Гришка Родионов, окровавленный, оборванный, пробрался задами, хватал теперь Матвея за рукав:

– На той стороне рыковские наших у стены зажали...

Матвей, не слушая, выдергивал руку, старался поймать взглядом зрочки Бугайкова, переглядеть врага, победить до боя. Не успел.

Бугайков ударил с левой, всем телом, чтоб с одного маха уложить врага. Матвей поднырнул под каменно-твердый, лоснящийся кулак, обхватил потерявшего от собственной тяжести равновесие Бугайкова, рванул и повалился вместе с ним в пыль. Только так, навязав обычную мальчишескую возню на земле, в которой верткий и цепучий, как кошка, Матвей был издавна непобедим, можно было одолеть плотного, крепкого казака.

Они сопели и катались, и Платов неизменно выскальзывал и оказывался сверху.

– Тю, Иван! Связался... – опомнился кто-то из скородумовских. Двое или трое кинулись поднимать и оттаскивать припозоренного Бугайкова. Гревцов и Сулин дружно прыгнули им на плечи, устроили кучу-малу.

Драка вспыхнула с новой силой, словно в костер сушняку бросили. Задрались вперемешку и стар и мал.

Бугайкова от Матвея оторвали. Давнишний обидчик, встретивший на ерике камнями, Андрюшка Кисляков кинулся Платову в ноги. Матвей успел подпрыгнуть, подбирая пятки, и сразу же Никита Халимонов звонко достал его по скуле, опрокидывая на землю и вгоняя сознание в желтый туман.

Чуть придя в себя (двое-трое своих, прибылянских, прикрывали и помогли подняться), он снова кинулся в гущу сопения, визга и хлестких ударов.

Задрались, по обычаю, городские и селившиеся за крепостными стенами, старожилые с пришлыми. Вскоре переломилось. Прибежали с Павловской Андрей Поздеев, с Дурновской – Ребриков и Харитонов, со Средней – известный кулачник Тацын. Тяжелым трюпком прибыли на поле боя черкасские деды и пошли основательно – гок! гок! гок! Хоперского бойца, которым хвалились скородумские, так и не разглядели.

С командой конных казаков влетел в побоище есаул Иван Кумшацкий:

– Р-разойдись!!! Что вам, идолы дети? Масленая?

Заработали плети, ногойки. Кого-то сгоряча поволокли с коня.

– Перфильев, уводи своих!..

Гаврила Перфильев, скородумский станичный атаман, забегал, разбороняя.

Как вспыхнули быстро, так и остыли. Утирались, сходились в кучки постанично. Команда поскакала за ворота разгонять рыковских.

Кумшацкий и с ним писарь Федька Мелентьев на горячащихся конях возвышались над толпой. Гревцов, почесывая сквозь разорванную рубаху рубец на спине и боязливо поглядывая на есаульскую плеть, рассказывал:

– Деды как узнали, что нас сбили, враз – сюда; пока бегали, кулаки обгрызли от нетерпения.

– Зачинщиков – к Ефремову!

Кто-то из запроточных голодранцев, кто и в атаманском переборе усматривал возможность поразвлечься, сказал с усмешкой:

– Пошли.

Из толпы скородумских и рыковских закричали прибылянским и другим городским:

– А вы чего стоите? Вас не касается?

Пошел Матвей, оглядев всех победителем, за ним Родионов, Сулин, Гревцов и – после говора в толпе: «Чего ж? Мальцы крайние, что ли?» – двое взрослых из Средней.

По дороге Кумшацкого догнал конный казак:

– У рыковских одного – до смерти... – в голосе слышалось восхищение лихой дракой.

– Тяни его к атаману и рыковских гони.

Родионов кашлял и жаловался:

– Что-то у меня у нутрях болит. Чеботареву на кулак попал. Все бебухи отбил, зараза...

– У нас на масленой один на него нарвался, – пугал Сулин, – кровь носом пошла, вощеный сделался и к утру помер.

– Да будь ты проклят... Накаркаешь...

– Не бойсь, не подохнешь.

Степан Ефремов ждал их не в Канцелярии, а у себя дома. В халате.

– Ну? С чего началось?

Никто не помнил.

– Да вроде детишки задрались...

– Детишки? В Сибирь захотели?! – гаркнул войсковой атаман. – На Масленую человека убили... Нашли? – обернулся он к Кумшацкому.

– Не, не говорят...

Ясно было, что и не скажут. На Масленице кулачный бой – святое дело. За что ж человеку страдать?

– Ноне еще одного... Ваша работа? – обратился атаман к запроточным зачинщикам, которые и здесь всем своим видом являли непокорство.

– Нас в другом месте взяли, – оскಾಲылись те и широким жестом показывали. – Весь народ – свидетель.

– Ага! Вот вы какие! Невинные! Я вас таких, невинных...

– На одном тебе кланяемся, – юродствовали рыковские. – Не вели нас доразу топить, дай спервоначалу Богу помолиться.

После того как отечерял, был Ефремов добрый и понимал, что казаки еще от драки не отошли. Перемолчал, засунул пальцы за витой пояс с махрами, разглядывал битых да непобитых. Прошелся, задержал взгляд на Матвее, который вертел головой – не появится ли атаманская дочка.

– Ну а тебя чем наградить?

– Меня? – вскинул глаза юноша, помялся. – Надежду вашу за меня не отдадите? – и быстро добавил, уловив изменение в атаманском лице:

– Я по-честному...

Все замерли. Это почище рыковских причуд...

– Ты чей? – хрипло спросил атаман и прокашлялся.

– Ивана Платова.

«Неужели осмелился? Или сам не знает, что плетет?» – соображал Ефремов. И люди смотрели, затаив дыхание. Надо было что-то говорить...

– Ну, что... Уважил... – кивнул Степан Ефремов, выдавливая усмешку. Он нашел выход. – Ивана знаю. Но и ты не с простыми людьми роднишься. Батюшка наш, Данила Ефремович, дед Надежды, жалован в тайные советники, то бишь в генералы Российской империи. Жениться – так на ровне. Станешь генералом, приходи в наш скромный курень, поговорим.

Люди заулыбались.

Матвей насмешки не понял и, шагнув вперед, хотел сказать: «Побожись, Степан Данилович!»

– А пока, – властным окрепшим голосом продолжал атаман, – всех не в очередь в полки³¹. Всё. Идите.

Город спал, озаренный сиянием. У Дона, покрывая все звуки, стрекотали кузнечики. Поэтому и казалось, что город спит. Редко-редко неясный звук долетал из-за высоких черных стен и снова гас. Стрекот, звонкий стрекот в лунной ночи...

На другом краю города, у Протоки, крепко спал Матвей Платов, как спят уверенные, с чистой совестью люди. А вот мать его не спала. Сидела за столом, ушивала, харчи готовила с собой взять. Через комнату поглядывала на спящего сына. Лежит, раскинув руки, вены проступают. Расстегнутая рубаша обнажает мощные ключицы. Здоровый, худющий. Темная грива разметалась. А личико тонкое, нежное, и рот по-детски полуоткрыт.

Смотрит мать, наглядеться не может, и мерещится ей страшное: будет – не дай Бог! – лежать вот так же сын ее, загоревший от солнца, почерневший от ветра, и из-под раскинутых бессильно рук потянется к свету примятая падением трава. Война, она и есть война; то там то тут, слышно, приходят домой осиротелые кони – спаси и оборони, Царица Небесная! – а потом возвращаются уцелевшие казаки и рассказывают: загнались станичные ребята, наре-зались на засаду... Ну что ты будешь делать?!.. А то были наши кормильцы в расплохе³², не успели до коней добечь, ружья ухватить...

Плачут матери, убиваются, а их уж не вернешь...

Кто лучше матери своего дитя знает? Смотрит она на спящего Матвея: неосторожен, того и гляди в ловушку попадет, легко впутывается, но легко и выпутывается, и по природе веселый. Любит быть на виду, чтоб глядели на него, любовались, на любые жертвы готов ради славы, ради похвалы. А главное в нем все же доброта... И что вы за люди такие, донские казаки?

Уходит Матвей Платов на войну, уходит с радостью. Война – источник довольствия и богатства. Охота, рыбалка – это потом, если войны нет. Цари дополнительное жалованье дают, только чтоб не воевали казаки, не задирали соседей. Удержи их, попробуй!

Стоят казачьи полки в Польше с походным атаманом Поздеевым, стоят в Кизляре с Яковом Сулиным, десять тысяч донцов увел на турок Никифор Сулин, и столько же ушли на крымчаков с Тимофеем Грековым. Ефремов на Дону остатки подгребают.

В Войсковой Канцелярии, где все свои – братья, сваты и кумовья – Матвея, не спросясь, записали на Днепровскую линию, где отец его с полком стоял.

Раньше, уходя в поход, собирался полк казачий в единый круг, есаула выбирал и сотников. Теперь полковые командиры своей волей детей малолетних пишат к себе в полк полковыми есаулами. И казаки не против: есть надежда, что сын отца, отец сына в бою не бросят, помогут.

Матвею так и сказали:

– К отцу езжай.

Предупредили, чтоб все однообразно одеты были: кафтан синий, кушак малиновый.

Юный Платов по-хозяйски влез в сундук, порылся в отцовском платье, надел лучшее, в галунах и позументах. Мать вздохнула: очень уж пестро. Саблю, ружье подобрал, дротик... Взял с собой по-старшински трех коней. Последних с табуна увел. Двух гнедых, одного – серого в яблоках. На серого положил без спросу отцовское седло, на котором тот только к атаману ездил: выложенный серебром арчак, крытые подтершимся бархатом подушки, потник, обшитый немецким кружевом, прикрыл седло сверху суконным платком, шитым по углам зеленым шелком, и так же прикрыл расшитой чушкой немецкий пистолет к седлу. Полюбо-

³¹ Т.е. в действующую армию, куда казаков назначали «по очереди».

³² Т.е. напали на них врасплох.

вался. Подтянул пахвы и подперся. На второго положил простой монгольский арчак, а третьему лишь накинуд на морду уздечку сыромятного ремня.

Оглядел хозяйство, потирая шею и подбородок. Недели через две все казаки соберутся, будут проводы. То-то бы покрасовался... но некогда.

Той же ночью, перед самым рассветом, Матвей уехал. Наскоро распрощался с задумчивой, утирающей углы глаз матерью. По обычаю, упал ей в ноги. Сонный Стефан, привыкший ничему не удивляться, держал у ворот коней.

– Как же ты собираешься?..

– По Несветаю и по Крепкой, а там до самой Берды³³.

– Ну, с Богом... Христос с тобой...

Верстах в ста за Таганрогом, от речки Берды начиналась и до самого Днепра тянулась, прикрывая южные пределы Отечества, Днепровская линия. Казачьи полки, раскинув пикеты по Берде и Конке, стояли в старых запорожских зимовниках, редких зеленых островках в желтом море выгоревшей степи и камыша.

Полковую избу Матвей определил по обвисшему голубоватому значку над одной из мазанок. Отца увидел сразу. Иван Федорович чертил что-то прутиком на земле среди склонившихся казаков, а потом выпрямился и резкими взмахами указывал в сторону моря и закатного солнца.

– Здорово дневали, – приветствовал Матвей, спешиваясь. Казаки оглянулись, не отвечая. Иван Федорович удивленно округлил глаза:

– Матвей?.. Ты чего?

– Да вот, приехал к вам. На службу, значит.

– Я ж тебя на хозяйстве оставил.

– Мать приглядит. Чего там... – махнул Матвей, становясь меж потеснившихся казаков.

– Ради кого я стараюсь? А? – запереживал отец, оглядываясь и будто ища сочувствия. Казаки молчали.

– Я ж не своей волей, – утешил Матвей. – Там нас всю станицу не в очередь в полки загнали. И трети не оставили.

– Вечерять, – крикнул из мазанки знакомый сотник; узнав приезжего, сказал удивленно: – Здорово, Матвей! – и, опять старшему Платову: – Вечерять. Хозяйка зовет...

Иван Федорович, приобняв сына за плечи, повел в мазанку, посадил за стол справа от себя, только потом, уже с ложкой в руке, спросил:

– Чего так строго?

Матвей неопределенно промывчал с набитым ртом и сделал безнадежный жест.

Хозяйка, скуластая, раскосая, диковато-красивая женщина, суежилась у начерно разложенного очага, с любопытством поглядывала на красивого юношу. Два сотника, полковой есаул и писарь, ужинавшие с полковым командиром, безразлично налегали на приправленную мукой похлебку.

– Я чего тебе сказать хотел, – выждав время, начал юный Платов. – Я дочку атаманскую сосватал.

Казаки подняли глаза.

– Не рано? – спросил Иван Федорович. – Какого атамана-то? Нашего, прибылянского?

– Да нет, Ефремова, – как можно спокойнее сказал Матвей.

Сотники переглянулись. Есаул, ухмыльнувшись, склонился над чашкой.

– С тобой не заскучаешь, – отложил ложку отец. – Когда ж успел?

– Да нас к нему за драку на перебор тягали. Ну, я и... это... так и этак...

– А он чего ж?

³³ Платов указывает свой маршрут, ориентируясь по рекам.

– Да ничего. Стань, говорит, генералом и – за милую душу.

Иван Федорович облегченно вздохнул. Похлебал, пристально рассматривая край деревянной тарелки, и наставительно сказал:

– У нас, у донских казаков, нет генералов.

– Так отправь меня к русским.

Старший Платов искоса глянул на сына, дожевывая сосредоточенно, словно старался уловить какой-то ускользающий вкус, и развел руками:

– Иди.

Русские армии летом 1770 года шли, огибая Крым, за Днестр, Прут и далее к Дунаю. Румянцев разнес, развеял турок у Рябой Могилы, на речках Ларге и Кагуле, гнал по Дунаю, но дальше не пошел за опасением чумы. Вслед за ним, от Днепра к Днестру, медленно, возводя редуты, двигался Панин. 15 июля он осадил Бендеры.

Из-за Дуная, мстя за побитых инородцев, напознала чума. Как ни оберегались от нее, спасенья не было. Пошел мор по армии, по всей Украине, к зиме докатился до Москвы.

На Днепровской линии, вдали от пушечного грома, казаки сторожили степь, пробирались к речке Молочной и к самому Утлюкскому лиману. Вздыхали о временах кроткой Елизаветы. В начале ее царствования за представленную татарскую голову сто руб. давали и пять быков. Теперь гроша медного не дают... Во время передышки собирались ватажки, ловили в запорожских угодьях бобров, рыбу, иное зверье гоняли. И все время истово молились, чтоб миновала их чумная зараза.

Вглядывались казаки, высматривали ползущую смерть. Да разве ее углядишь. Невидимая опасность щекочет. Откуда? Откуда? Люди разносят, звери... Нет, не видно. А ночью лай и визг шакалов, будто девчата хороводятся. Ага, где-то есть... Днем ветер, синь неба, и болят глаза от безнадежного ощупывания пустоты. Пустота стоит стеклянной стеной, и от опасности мир неизъяснимо прекрасен...

Матвей Платов, обвыкаясь на новом месте, много спит и видит яркие сны. Надежда, – со мной не может случиться ничего плохого, – делает его в глазах казаков лихим и беззаботным.

Чины в полку давно разделены и расписаны, и, чтоб не ссориться с людьми, записал его отец в полк хорунжим, к знамени. Видному, красивому парню – самое место. И забот по службе никаких. Спи, Матвей...

Так ли оно было? Может быть, и не так. Скорее всего – не так. Личная жизнь... Как узнать о ней? Мемуаров, писем они не оставили. Не в обычае это было на Дону в XVIII веке.

Но поверим, что знали они друг друга задолго до женитьбы. Поверим, что любила она его. А он – ее. По крайней мере – симпатизировали друг другу.

А вдруг так оно и было?..

Глава 3. Конец атамана Ефремова

Зима на Дон спустилась сверху суровая. Мороз, ветер. Сильная тяга пожирала запасы камыша и навоза³⁴, вызнабливала жилища. Табунщикам – ни сна, ни покоя: гоняли животину по балкам в поисках корма и укрытия, отбивались от осмелевших волков.

В Черкасске тревожно: зашла чума в российские пределы, и ожидали, что весной опять пыхнет. Заранее готовили кордоны вокруг города: «Кто идет? Говори, убью...»

Степану Ефремову и зима и чума на руку: требуют его для объяснений в Петербург в Военную коллегию, а он который месяц выжидает, не едет. Случись чума, целый год еще отсиживаться можно. Ждать да догонять – хуже некуда. А приходится. Сидит Степан Данилович в шелковом халате у стеклянного окошка. В комнате темно и прохладно. От полых стен-дымоходов подступает тепло. Сам сидит, а мысли скачут.

Как не стало от войны дохода, доглядели умные люди: новый источник – земля. И беглые, которых можно на нее посадить, чтоб работали.

Самих казаков на землю сажать нельзя. Обмужичатся. Прикрепляя их к той же земле, обложат податями – прощай, Тихий Дон!

Раньше на Дону таких, кто землю пахал, топили. И правильно делали. Ты – не мужик, ты – казак. Рыцарь. Лови беглых, сажай на землю.

Русские мешают. Гонят на службу, не дают хозяйствовать. Малороссиян не пускают. Эх, нам бы прежние вольности!

И начиналось хорошо: раскидали хуторки по войсковой земле вдоль дорог, разбойников сократили, которые на тех дорогах многие годы разбивали. Но по-доброму, по-тихому не можем: хапнули умники сверх меры у своих же, а теперь судятся. Поздеев – с мелиховцами, Денисов – с пятиизбянцами³⁵. Себряковым Кобылянского юрта мало, с усть-быстрянскими сцепились... Досудились. Явился на Дон генерал Романиус: «С какого времени атаманы и старшины и на каком основании владеют юртами, какие с них получают доходы и куда расходуются, и давно ли появились крестьяне на их землях, и откуда пришли». Ему в нос – Себрякова с Кобылянским юртом. «Нет, этого не трожь!»

Снарядили целую ревизию малороссиян считать, которые из слободских полков на Дон бегут, служить не хотят. Как их сочтешь? Косяками идут, не хотят ни в гусарах, ни в других регулярных войсках служить. Лубенцы, полтавцы, Гадячского полка... Еле отбредались на Дону, что начал найти невозможно «по вольности бродящего», но тысяч двадцать все же зацепили и переписали.

Упреждая русских, стал Степан Данилович власть под себя подгрести. Зная цену петербургской власти, помня, кто кого и как на престол сажал, так и порывался сказать: «Нет, я вам не батюшка!..» Скрипит зубами Степан Ефремов. После пожара, унесшего семь станиц, ездил батюшка к Долгорукову «за милостивым отеческим наставлением». Вспомнить стыдно!.. Да кто он такой, Долгоруков этот?!

Но выше головы не прыгнешь. В 1765 году повез он в Петербург прожект, как Войском управлять. Выбрал бы он сам восемь старшин в Войсковую Канцелярию, чтоб всем вертели. Расписал полки³⁶, а жалованье им, суды и расправы брал на себя. Деньги – за счет прежнего жалованья, которое слали бы, как и раньше, в Черкасс, да с малороссиян окладные деньги туда же, в Войско со станиц...

³⁴ Основные виды топлива в степи.

³⁵ Речь идет о конфликтах казачьих старшин с казачьими же станицами о земельной собственности.

³⁶ Расписал казачье население Дона по полкам, выставляемым на службу.

Ездил, 7 тысяч войсковых денег отвез на взятки. Надеялся, что за всегдашним праздником да гульбой пропустят его проект, дадут власть. На Гришку Орлова крепко надеялся, но под него теперь Панин копает и свояки его, Чернышевы. Сидел атаман в Петербурге, подмазывал и не знал ничего, не догадывался.

Никому верить нельзя. Сплотилась черкашня, старшина, сама же подвигла его на это дело, поддакивала. Сама же теперь сдает.

Янов – «Головушка Ванюшкина». Помнил Степан его мальчишкой, как гладила его бабка по голове-кубику и вздыхала, а он сидел, прижмурялся. С-собака... Этот первый стал писать. Туда же, но вразрез. Чтоб возложили на Войсковую Канцелярию от высочайшего имени надзирать за атаманом.

Батюшку его за взятки на месяц в рядовые записали и штрафовали, а этот честный выискался. Контролер...

Кирсанов Сидорка – Иуда Искарот. Ефремов его наказным³⁷ оставил, Войском управлять, пока сам в Петербурге. Так он такого понаписал!

Вернувшись, разогнал его Ефремов, стал посылать в Ачуев походным, до Крепкой. По мелочам, но хлопотно – чтоб служба медом не казалась и чтоб Бога не забывал. Но дела не поправишь. Начитавшись Сидоркиных измышлений, затребовала Военная коллегия Степана Ефремова обратно в Петербург. Не едет Степан, выжидает. Далеко дело зашло. Если б не война, да были бы все полки на Дону...

Как и все воины, казаки – народ расчетливый. За атаманом пойдут, если в силе его будут уверены. Москву побить, пограбить и сейчас dobroхоты найдутся. Но чтоб все Войско!.. Это надо, чтоб жизнь стала хуже смерти, да чтоб надежда на победу была.

Хмельницкий во время оно от поляков с татарской помощью только и отбился, из-под короля к царю ушел. Неизвестно, что лучше...

Сейчас крымчаков не позовешь. Ослабели. Да и большая кровь меж ними и казаками. Присматривался атаман к ногаям, к черкесам, к некрасовцам³⁸. Все они либо на турецкой земле, либо в турецком подданстве. Режутся. Не с русскими, так с калмыками. Тонко бы надо, чтоб открытой измены не было... Остановился на кумыках. Да те и сами назвались.

До Наденьки все новости в доме доходили в последнюю очередь. Приехал в Черкасск человек из далекой стороны, с берегов зеленого Каспийского моря, от князя Темира. Посол – не посол, вроде гостя, по-русски говорит чисто. Сидит с батюшкой в зале. Наденька шла по своим делам, задержалась из любопытства, разглядела: одет гость по-черкесски, но на лицо беленький и держится, как дома. Говорит доброжелательно:

– Вы – казаки, и мы – казаки. Надолго нас судьба разлучила, но мы о вас помним.

Наденьку увидел, поклонился почтительно и дальше – к отцу, глаза веселые, зубы белые. Прямо тебе родственник. Вечером, убирая, служанка шепнула Наденьке:

– Хочет тебя батюшка за ихнего князя Темира отдать... Этот... договаривается...

При первой возможности Иван Федорович отослал Матвея к русским. Разбудил его как-то и стал рассказывать:

– Панин уехал, всех распустил. Нового прислали. Какого-то Долгорукова, – Иван Федорович многозначительно помолчал. – Пришла бумага, чтоб слали к нему смышленных чиновников в ординарцы, чтоб, значит, на посылках при нем состояли. Наши к нему – не дюже. Гребуют, а может, и побаиваются – Долгоруков... – Хоть и не тот, а, наверное ж, родня³⁹.

³⁷ Наказным атаманом, т. е. собственным заместителем «по наказу».

³⁸ Казаки, ушедшие после поражения восстания булавинцев в Турцию под началом Игната Некрасова. Вернулись в Россию только после революции.

³⁹ Князь Долгоруков, приезжавший на Дон с командой солдат для розыска беглых, был убит булавинцами, по преданию – одним ударом сабли самого Кондрата Булавина, откуда и пошло выражение: «Кондрашка хватил».

– Э-э. Когда это было! – легкомысленно махнул Матвей. – Ну, так что? Собираться?

В главную квартиру Матвей выехал в тот же вечер, прихватив с собой еще двоих казаков. Косячком пошли за путниками заводные кони.

Один из сотников, слышавший всю историю с ефремовской дочкой, сказал ему вслед с усмешкой:

– Поехал за генеральским чином.

Другой, проводив взглядом исчезающие в синих сумерках фигуры всадников, тоже усмехнулся:

– А вдруг! Все может быть...

Полный, красивый, лет под пятьдесят, мужчина, Василий Михайлович Долгоруков, родной племянник того самого, что карал Тихий Дон сверху донизу и снизу доверху, жил в главной квартире с сыном Василием Васильевичем, а с ними – скучавшее российское барство, пристроившееся при штабе 2-й армии. Жили по старинке, на широкую ногу. Василий Михайлович возвышался над штабом, как барин над дворней. Не зная законов, отечески творил суд и расправу. «Я, – говаривал, – человек военный, в чернилах не окупан». Считалось почему-то, что князь Василий Михайлович храбр, но в воинских науках не искусен. Когда заходил разговор о последних европейских кампаниях, о прусском короле, великом полководце, он больше отмалчивался. Слушал, ласково улыбаясь, как молодой князь Прозоровский косые атаки описывает⁴⁰, но сам Великим Фридрихом не восторгался, позевывал. Вообще же был честен, добродушен и, казалось, чувствовал внутреннее удовольствие от деланья добра. Бездельников не любил и сам работал много.

Матвей Платов его сразу раскусил, и Долгоруков молодого хорунжего сразу приметил. Зашел он по прибытии к командующему, как сын-наследник к престарелому отцу, почтительно, но не подобострастно. Держался достойно. Во взаимоотношениях его с раболепствующими штабными чувствовались снисходительность и даже неуловимое презрение вольного человека к холопам.

Приглядываясь, зачислил князь молодого Платова наравне с другими молодыми офицерами бессменным ординарцем, и заметался тот как угорелый. Поручения выполнял неукоснительно и безукоризненно. А кто на службе выкладывался, тех князь любил. И о Платове говаривал он со вздохом:

– Я б его по своему штабу провел... молодец! Одно плохо: русской грамоты – читать и писать – не знает.

Выделялся юный хорунжий среди русских бар. На одном месте не сживал и готов был даром жизнью рискнуть. Вот все и любовались им, как в последний раз. Смел и дерзок, весел и игрив. Прозоровскому, усердному почитателю прусского короля, как-то сказал за столом:

– Да били мы его, этого Фридриха.

Жилистый, подвижный Прозоровский резко обернулся:

– Вы сами изволили бить, Матвей Иванович?

– Ну, не я, так отец мой.

– Ах, отец...

Командующий, сам раненный под Кюстрином⁴¹, улыбнулся, накрыл рукой сжатый кулак Прозоровского:

– Ладно, Сашенька, будет...

А Платову впоследствии внушил отечески:

– Не задирайся, а то всю жизнь будешь в донских старшинах куковать.

⁴⁰ Прусский император Фридрих, общепризнанный тогда в Европе военный авторитет, предпочитал фланговые атаки.

⁴¹ В. М. Долгоруков отличился в сражении против войск Фридриха под Кюстрином в 1758 г.

Вскоре после того, как отпраздновали апостола Андрея Первозванного, Долгоруков записал Матвея есаулом и велел собрать ему в команду всех казаков, бывших при главной квартире на посылках. Матвею сказал:

– Ты бы грамоте учился, Святое Писание читал. Или из этой... гиштории...

Весной засобирались Крым воевать. Долгоруков и Прозоровский за дело взялись круто. Нагнали войск. Потянулись по молодой травке из украинских сел к границе красногрудые солдатские полки, за ними – гусары, карабинеры. С линии и с самого Дона подошли со своими полками Краснощеков, Кутейников, Колпаков, Денисовы ребята, Илья и Михаил, Дмитрий Иловайский и Михаил Себряков. Отец, Иван Федорович, со своими казаками явился.

Апрель и начало мая стояли, не двигаясь, кормили лошадей, выжидали. От Днестра и до Кубани, через Днепр и Дон, шла бесконечным потоком, пыльным и разноголосым, присягнувшая России на верность ногайская орда. В прошлом году не пустили их турки за Дунай, бросили на съедение Румянцеву тысяч двести, а то и триста. Теперь их, замирившихся, отсылали русские куда-нибудь подальше, в прикубанскую степь, чтоб в грядущей драке с крымчаками под ногами не путались.

25 мая внезапным ударом армия Долгорукова захватила Маячок и, раскинув крылья боковых охранений, вышла к сплошному семиверстному рву перекопских укреплений. Сам командующий со всеми своими адъютантами, ординарцами и конвоем выехал к войскам.

Под Перекопом пошаливали наездники, выезжали удариться, подловить друг друга. Кого-то за ров утянули на аркане, кого-то в степи вызревшей, начавшей блекнуть⁴², навек положили. И казаки не выдавали. Иван Кошкин из полка Иловайского двух татар схватил и представил. Сознались те, что турок в крепости тысяч до семи и татар вдоль рва и вала тысяч до пятидесяти. Главные силы крымчаков – на Дунае, там после прошлогоднего погрома главного удара ждут.

Штурм Перекопа «неискусный» Долгорукий разыграл как по нотам. Короткой июльской ночью четыре полка с шанцевым инструментом, лестницами и полковыми пушками (по две на полк) со всей фурией⁴³ ударили на укрепления, скатились в ров и полезли на стену.

В одно с ними время вертлявый в седле, поджарый Прозоровский повел конницу вброд через Сиваш. Зачвакали, заплескали по гнилой вонючей воде тысячи копыт. Уплыли в невидь четыре бунчука Михайлы Себрякова. Тяжело пошли регулярные⁴⁴...

Командующий с генералами на холме у шатра ждали. Поглядывали на всполохи стрельбы, на сереющий восход, подносили к уху часы.

– Пора!

– Не слышно чего-то...

– Пора!

Долгоруков, в нетерпении комкая платочек в пухлой руке, срывающимся голосом тихо сказал Матвею:

– Скачи, голубчик. Передай, чтоб начинали.

Матвей упал животом на гриву, пугая коня откинутой рукой, понесся...

Третья колонна, самая мощная, в нескольких верстах от разгоревшегося боя бесшумно подступила и так же перемахнула через ров и вал.

Матвей покрутился у рва, напиравшая пехота так и норовила спихнуть лошадь вниз. Зло и дружно лезли солдаты, посвиста татарских стрел за топотом не слышно. Увязавшемуся за ним казаку наказал:

⁴² Степь цветет в апреле – мае, до наступления летней жары.

⁴³ Т.е. дико, неистово – от итал. *furia* – «помрачение, буйство».

⁴⁴ Казаки были иррегулярной конницей в русской армии.

– Скачи, скажи, что полезли. Коня моего не потеряй... – а сам саблю в руку и по-кошачьи мягко сорвался с седла прямо в черный провал кипящего солдатами рва...

К утру заметавшиеся меж прорвавшимися русскими отрядами татары умчались на юг, к горам. Турок добивали в самой крепости. Ворота распахнули. Въехавший в них Долгоруков от обилия чувств недоуменно разводил руками, словно удивлялся: «Чего тут брать-то? И как мы раньше не смогли?»

Матвей Платов встретил командующего в крепости в разорванном кафтане. Отсалютовал саблей гордо, словно сам, один, крепость взял и передал из рук в руки. Весь вид его не позволял недооценить сей славный подвиг.

Долгоруков на награды был скуп. И хотя Матвей молчал да тянулся, командующий поулыбался, вроде расслышал в молчании просьбу, опять развел руками:

– За что ж тебя, голубчик, награждать? Долг наш такой, – отъезжая добавил. – Впрочем, служи, Христос с тобой, а я тебя не забуду.

И впрямь не забыл. После жестокого боя под Кафой и оккупации Крыма, на Новый год, получил Матвей по его представлению «войскового старшину» и стал ждать вакансии – полк в командование принять.

В юности дни летят быстро, а время тянется медленно. Два года, как ушел Матвей Платов на войну. Это ж целая жизнь! Вся молодость пройти может. Чего только за это время ни случилось! Язву моровую пережили. Заглохла как-то отцова мысль выдать Наденьку за хана Темира... Так и осталась она в Черкасске, в каменном беленом доме, изящная, как статуэтка, с изысканными манерами. Вспыхивала и проходила очередная влюбленность. Самое время девке замуж, но воздерживались сваты. То ли отказа побаивались от вознесшегося Ефремова – не было ему на Дону равного по богатству, по гордости, – то ли предчувствовали нехорошее.

Матвей Платов как-то забылся. Слышала она краем уха, что принял он полк Карпа Колпакова. Но таких полковников на Дону – море. Да и не до него было. Тревожно, неудобно, и все из-за батюшкиных дел. Ненавидела Наденька споры, осложнения. Дорог ей покой. Ради чего все? Мир так прекрасен, так чудно устроен...

Но батюшка никак успокоиться не мог. Лет шесть тянул, в Петербург не выезжал, выжидал. Может, переломится там, в Петербурге? Следил внимательно: пока Гришка Орлов Москву от чумы спасал, Панин и Чернышевы царице в койку Сашку Васильчикова подложили. Чем-то это для войска Донского кончится?!

Меж тем подбирались к нему, к Ефремову. Генерал Черепов, Гаврила Петрович, явился на Дон якобы для прекращения заразы, а сам принуждал ехать в столицу. И еще навис над душой: «Пошли десять тысяч казаков на службу».

– Да где ж я тебе столько возьму?

В разоре Войско Донское: моровая язва, война, межевание земли между станицами и старшиной. Четыре года война идет. Нет семьи, чтоб казаки на царскую службу не ушли. А хохлы реестровые от оной службы бегают и за донской старшиной за малую плату запи-сываются. Идет по войску ропот, сыплются доносы, что на старшинских хуторах малорос-сияне утопают в удовольствиях и богатстве, а казаки по городкам и речкам разоряются и приходят в неисправность, к службе неспособны делаются. Пойди, набери еще десять тысяч на службу...

Один атаман, и в обиде на всех. Кому верить? На кого положиться? Отец родной, Данила Ефремович, его маленького в залог калмыкам оставлял⁴⁵. «Государственный чело-век, – говорил, – себе не принадлежит». В Санкт-Петербурге нашли сей поступок отменно

⁴⁵ Имеется в виду обычай оставлять заложников как гарант поддержания мирных взаимоотношений. Это древний степ-ной обычай.

высоконравственным и благородным. Но потрясенный Степан отцу этого залога не простил и забыть не мог. Рос единственным наследником, принял от отца Войско, как вотчину⁴⁶, но велела царица – и обязался он поступать по ордерам и постановлениям престарелого батюшки Данилы Ефремова. Под пятьдесят было, а все в пристяжных ходил. С отцом не встречались, письма друг другу писали: один – про коварные происки, другой про злобные гонения.

Запивал атаман в угловой низкой комнате с Васькой Маньковым, хранителем войсковых магазинов, с другими ближними. Блуждали в воспоминаниях, мыкались душой в четырех стенах. Не то большую охоту устроить не в урочное время? Есть у Черкасска курган, сборное место «гулебщиков»... Вспоминали, как охотились. Вдыхали, что дичина уже не та. Кабаны да волки. А бывало... А рассказывали... И лоси тут водились, и медведи, и гиена из Закубанских лесов выходила, этакая пакость!..

Сидели допоздна. От беленых стен светло, как в снегу. Приходила Меланья Карповна, становилась – руки в боки – и начинала их выпроваживать, не стесняясь людей и унижая всем своим поведением мужа перед гостями. Всю жизнь Ефремов «скромные цветочки» подбирал. Подобрал на свою голову... Хозяйка дает вид дому и всей семье. Убил бы, да лишний грех на душу брать не хочется.

В разгар перебранки, когда казаки, неловко посмеиваясь, потянулись мимо хозяйки к двери, заглянул в комнату есаул атаманской сотни:

– Степан Данилович, там к тебе Черепов...

Казаки переглянулись, посерьезнели, вопросительно глянули на атамана. Тот кивнул: «Идите». Ушла и Меланья Карповна, «москалей» она не любила. С атаманом остался один Васька Маньков.

Черепова атаман встретил у двери, повел к столу. Заметалась прислуга, обметая лавки, расставляя приборы.

Наденька отца жалела, знала, что после таких переборов в угловой, особенно если мать ругалась с ним в чьем-то присутствии, отец становился вспыльчивым, мог рывкнуть, наорать на кого-нибудь незаслуженно. Увидев, как мать, зло поджав губы, поднималась к себе, она соскользнула по лестнице и вкруговую побежала успокоить, утешить отца.

У закрытой двери, прислонившись плечом к притолоке и скрестив на груди руки, стоял есаул. На немой вопрос он отрицательно покачал головой: «Нельзя. Занят».

Наденька, став вплотную, – есаул невольно подвинулся, – вслушалась. Слов не разобрать, но голос говорившего был спокоен, развязен даже язвителен. Она переводила взгляд с дубовой двери на напряженное лицо есаула и дождалась.

– А теперь слушай и не перебивай! – прогремел отец. – Я тебе все расскажу.

У есаула pokrивилось лицо, он досадливо заелозил плечом по притолоке.

– Ежели в Петербурге мне не доверяют и прислали следить за мной своих соглядатаев, то... я вам наделаю делов, чтоб уж было о чем доносить. Я Войско в горы уведу, – сорвавшись, орал отец, – тогда царица меня точно не забудет.

Неизвестный Наденьке голос быстро и напористо заговорил.

– Что «Джан-Малик-бей», – перебил отец. – Да я без него одно слово скажу, и на Дону ни одна московская душа...

Тут есаул застонал, как от боли, и досадливо стал сучить кулаками.

⁴⁶ Образовалась своего рода недолгая «династия» войсковых атаманов Ефремовых... В описываемое время атаман Войска Донского уже назначались Императорами Всероссийскими; позднее установился даже порядок назначения только «наказных атаманов» из казаков – атаманом же всех казачьих войск автоматически считался наследник престола.

– Степан Дани... Степан... – испуганно вскрикнул кто-то за дверью. Дверь распахнулась. Красный, в съехавшем парике генерал Черепов быстро прошел к выходу, за ним, чуть не сбив Наденьку, выскочил Маньков.

– Эй, кто там? – громыхнул отец. – Собираться! Едем в Петербург!

Наденька так и осталась безмолвным свидетелем всей этой сцены.

Никто с ней не говорил, ничего не спрашивал.

Отец уехал в Санкт-Петербург. Потом верные люди тихо предупредили, чтоб ехала Меланья Карповна со всем семейством в Зеленый дворец⁴⁷, за город.

Из разговоров и недомолвок уже в Зеленом дворце поняла Наденька, что отец в столицу не поехал, а отправился по речкам – пугает казаков, что запишут их в регулярство⁴⁸. Меланья Карповна только крестилась, не ожидала она такого поворота.

Слухи путали и опутывали обитателей Зеленого подворья. Вокруг все всё знали, друг другу доносили, друг друга пугали. Знали, что пришел из Санкт-Петербурга решительный приказ явиться Ефремову в Военную коллегию, а нет – доставил бы его Черепов в кандалах. Знали, что ездят закутанные в башлыки люди по городкам и говорят разные слова... Вдруг отец вернулся. Сбросил с плеч сырой кафтан, велел:

– Никого не пускать. Болею...

Походил нетерпеливо из угла в угол и замер в боковой комнате у окна. Ночью приезжали не знакомые по ухватке, по выговору люди. Может, с «верха», а может, – с Хопра⁴⁹. Шептались с отцом. Вспугнув всех, прискакал один из Средней станицы.

– Ну, чего там?

– Караулы вокруг Черкаска ставят. Велено тебя отсель в город не пускать...

Сгрудились, сдвинули головы. Зашептали зло:

– Круг на Покров...

– Ладно...

– Может, и выйдет...

– Всё. Договорились...

Брался атаман за великое дело, а сам боялся. Терзали сомнения. Встанут низовцы, слухи о регулярстве их подвигнут, а верховцам, похоже, «один черт», все равно. Эх, калмыков бы поднять!.. Калмыки, Терек, Чечня, Закубанье... Эти прибегут, когда увидят за Ефремовым силу. А где эта сила? Черкасна, новая аристократия, вступится за него, за мятежного атамана? Он им землю донскую раздал, казаков разул, раздел, оголил. Этого пока не видно...

Думает Ефремов, вглядывается из боковушки в окошко. Нет, не вступятся. Утвердит царица им льготы, оставит по городкам атаманишь, упадут к ее царским ножкам, обольют слезами, а себе на Дон нового Ефремова найдут. Или Иловайского... или Орлова...

1 октября, на праздник Покрова Пресвятой Богородицы, собрался в главном городе Черкасске круг. Со времен Петра Первого собирали его лишь для виду. Но теперь, когда ефремовская власть зашаталась, другой, кроме круга, на Дону не было.

Заломили донцы, по обычаю, шапки на ухо, сошлись, стали плечом к плечу. Встретили регалии. Поплыл над разномастным кругом символ Войска – белый бунчук. Светился золотой шар с двуглавым орлом, под ним свисал, струился по древку щелочно-белый конский хвост. Шум, гомон:

– Иде ж атаман-то?..

⁴⁷ На хутор Краснодворский близ Черкаска.

⁴⁸ То есть солдатами, лишив казачьих земель и вольностей.

⁴⁹ Хоперские казаки жили «на крайнем севере» Области Войска Донского, в стороне от течения р. Дон.

Отец с утра сидел в Зеленем дворце, тревожно ждал чего-то. Подъехали из Черкаска человек десять, вошли с поклоном; двоих он увел в дальнюю комнату, пошептался, к остальным вышел и сказал:

– Отдаю себя и власть свою на милость круга.

Казаки постояли, понимающе переглянулись. Один из тех, с кем шептался отец, надел шапку, поправил на голове:

– Ладно. Побегли...

Посадились верхами, гикнули. Присели и рванули наметом гнедые, черноногие кони, заслоняясь пылью.

Отец глядел вслед, покусывал губу. Глаза пустые.

– Ты смотри... Панин через Васильчикова свалил Орловых...

Она не знала, не догадывалась, а если б узнала, то не посмела бы жалеть всеильного отца.

Казалось, все идет, как надо. У крыльца столпились верные казаки атаманской сотни. Спокойные, развязные. Поздняя паутина сиротливо проплыла через двор, осела у кого-то на яблоке золоченого эфеса⁵⁰, поникла. Ждали, переговаривались. Так, ни о чем. Или о домашнем. Показался конный. Все смолкли, ожидая. Подлетел, указал куда-то, оглядываясь:

– Тянут...

Кто-то засмеялся.

Оказывается, читал Черепов на круге грамоту, чтоб атаманских приказов не исполняли, и решил круг, что в том обида атаману, и положил вязать Черепова и выдать его Ефремову головой.

Убоялась Наденька, что велит разгневанный отец Черепова утопить и сам поедет присутствовать при оном утоплении, забилась в дальние комнаты, чтоб не видеть и не слышать.

На заднем дворе, не поднимая голов, хлопотали малороссиянки. И праздник⁵¹ им не в праздник.

Долго стояла Наденька, наблюдая за кутерьмой, и отвлеклась невольно. Не дождалась она ни воплей, ни алчного до крови рева толпы. Отпустил атаман генерала Черепова. Разъехались казаки.

После Покрова занепогодило. Налетела «низовка», несколько раз снег находил и таял. Мать собиралась перебираться всем семейством в Черкасск, отец не хотел. Сидел один бирюком в угловой комнате, отмалчивался. Чего-то ждал и не надеялся дожждаться.

Канителилась обычная предзимняя хозяйственная суета. Ничего вроде не изменилось. Но принято было решение и сказано было людям, что делать. И покатилося все в тартарары.

Не понимала Наденька, что ее гнетет. Упустила она этот миг, когда все решалось, а теперь – как проснулась. Стала она прислушиваться, приглядываться...

Роптали казаки. Отступил атаман, «скинул следы»... Сдал своих... Дескать, это Все-великое Войско бунтует, а он, Ефремов, один царице верный, один Войско в узде держать может. Хитер!.. Но с Москвой такие шутки не проходят...

Эти речи, вполуха услышанные за пределами и в самом поместье, повергали Наденьку в ужас и уныние. Она вынашивала свой страх и еще боялась, что речи эти дойдут до отца...

Приближался Михайлов день. Ночью сквозь сон ей почудились топот, крик. Она заворочалась, приподняла голову от подушки, и в это мгновение громко, на весь дом, бабахнул выстрел. Мысль: «Отец...» пробудила ошеломленную Наденьку окончательно. По стене – блики от горящих во дворе факелов.

⁵⁰ Рукоять сабли восточного типа завершалась либо «яблоком», либо «башмачком».

⁵¹ Покров Пресвятой Богородицы, который считался особым праздником у казаков.

В одной рубашке бросилась она к двери, распахнула... По коридору, обдав ее пороховой гарью, с топотом промчались двое. Передний, дежурный из атаманской сотни, шукой скользнул в боковушку и захлопнулся. Бегущий за ним человек ударился о дубовую дверь. Кривая полоска сабли, белки глаз и зубы одинаково влажно блеснули в качнувшемся огне свечей.

– О, Господи!.. Что это?!

Она бросилась в комнаты отца и налетела на толпу холодных, чужих людей. Черные, усатые, горбоносые, с висков перед ушами свисали косички⁵², в свете факелов сверкали отчаянные глаза, как у чертей. Из-за их спин и голов долетел звонкий, с вызовом, голос:

– Капитан-поручик Ржевский. Извольте, господин Ефремов, следовать за мной.

Над Войском сиротливо гудела тревога: капитан-поручик Ржевский с гусарами похитил и увез в крепость Дмитрия Ростовского войскового атамана. Обезглавленное казачество вяло содрогалось. Тянущиеся к старине голодранцы и кое-кто из обиженной ефремовской родни готовились садиться в осаду. Меланья Карповна, которой злая судьба неожиданно-негаданно устроила знатный «бирючий обед»⁵³, пыталась, по примеру великих современниц, сама управлять растерявшимся Войском. Несколько станиц появились по сполоху, писали грамоты и ходили к крепости выручать атамана. Орала и свистели под стенами. На стенах горбатились под выюгой гарнизонные солдаты и доломаны Азовского полка. Туда же комендант Потапов вывел закованного Ефремова, и Ефремов просил казаков разойтись и мирно заступаться за него перед царицей: «Просите царицу, чтоб вернула меня».

Собрался новый круг, и в проникновенно-лестливых, со слезами, выражениях составил бумагу, что бунта нет и не помышлялось. Кое-кого из своих горластых, кто давно уже всем насточертел, сдали в розыск Черепову и Потапову: не они ли подбивали Войско на разные нехорошие дела? Засвистели плети, взвыли пытаемые.

На широкий ефремовский двор, заметно опустевший, появился Васька Машлыкин с друзьями:

– Ты, Карповна, не дюже... Ты думаешь, что делаешь?... Ты чего тут делаешь? А?... Короче – я теперь наказной атаман. Давай, показывай, где ты чего хоронишь...

Завыла, заругалась матушка Меланья Карповна. Но это не при муже, Степане Даниловиче. Взломали Васькины люди глухую стенку у потаенной комнаты на первом этаже и поволокли, рассыпая по снегу, рухлядь, потянули чугуны с золотом. То и дело руки в карманах грели – монеты прятали.

Реванула Меланья Карповна в голос:

– Да милая моя дочушка. Да кто ж тебя, сироту-бесприданницу, теперь замуж возьмет?..

Наденька окаменела, ошеломленная страшными переменами. Молча прошла к себе сквозь наполненный чужими людьми двор.

Два верных казака – последние – стояли, прислонясь к перилам лестницы, ведущей на второй этаж.

– Побунтовали, мать твою... – говорил старый. – Кто ж так бунтует?!

– Что ж делать? Все казаки на войне, – отвечал молодой. Оба не обратили на Наденьку ни малейшего внимания.

Она закрылась в своей комнате и упала сухим горячим лицом в подушки: «И правда... Кто ж меня теперь замуж возьмет?»

Пропадающая жизнь, казалось. И ничего не поможет.

⁵² Сербь и венгры, из которых первоначально вербовали гусар, заплетали волосы в три косицы: две перед ушами, одну за спину.

⁵³ Т.е. падаль, остатки мужниной власти.

Отца в кандалах отправили в Санкт-Петербург, где, прочитав многочисленные «вины», приговорили к «правильному повешенью». Но помнила царица добро – Петергофский поход и иные услуги. Подарила она Степану Ефремову жизнь и определила на жительство в город Пернов.

Семья все это время, весь год, жила как на иголках. Вслед за чумой пожаловал голод. Казаки роптали. Осенью затихшее было следствие вспыхнуло на Дону с новой силой в связи с пугачевским возмущением. Панин, недоброжелатель ефремовский, говорил на Государственном совете: «Если бы атаман Ефремов впору схвачен не был, имели бы всю Кубань на плечах». Васька Машлыкин уехал в Санкт-Петербург доказывать, что верны донцы царице.

Облетевшая Меланья Карповна только плакала и вздыхала:

– О, Господи! Когда ж это кончится?

Глава 4. Подвиг Платова

Матвей Платов, попавший в случай и получивший в восемнадцать лет без видимых усилий и особых заслуг в командование полк, воспринял это без удивления, как должное. Велика важность! У отца свой полк, у него – свой. А как иначе в войсковые атаманы выйти?

Привычка верховодить черкасской детворой помогла. Он орал за упущения, поощрял за усердие. Знал, кому что поручить. Теща тщеславие, покрасовался перед пятью сотнями (казачьи полки имели тогда пятисотенный состав). Единственно, что смущало, – полковая отчетность. Каждый новый срок собирал Матвей сотенных командиров, делили они при нем положенные суммы, писарь писал, а Матвей, напрягшись, подписывал. О своем содержании он не заботился. В донском полку командир голодать не будет. Лишь бы казаки не роптали. «А там, – мечтал, – выучусь грамоте».

Казаки пока не роптали. Набрали их в полк с верхних речек, с Цимлы и выше, с Пяти Изб, с Трех Островов⁵⁴, многие – старой веры. Платова они не знали. Догадывались, что чей-то сынок.

После суеты и блеска главной квартиры началась жизнь скучная, полковая. Крым даже при новом союзном хане Саиб-Гирее такую ораву прокормить не мог. Полк Платова загнали в Берды, на нудную кордонную службу, охранять на всякий случай старые земли от вновь покоренных татар. «Время – целое берем». Облетев ближние кордоны и смотавшись на дальние, заваливался Матвей спать или слушал бесконечные рассказы в полковой избе.

К удивлению его, казаки с верхних речек по-своему рассказывали о жизни казачьей с предвеку веков. Якобы пришли первые казаки на Дон из-за реки Терека, но были не татары, а во всем сообразны с великороссиянами⁵⁵.

Вертелся разговор вокруг того, что воевали раньше или ради обороны, или за обиду, сговаривались по доброй воле, а не по наряду или по приказу⁵⁶. Все были женаты, но существовал развод, а чтоб две жены иметь, не было и примера. Конечно, о чем на службе говорить? О самой службе и о бабах.

Ближе к ночи и разговор становился темнее, злее.

– За кражу – смерть. А если кто на другого скажет: «Трус», того бить по голеним палками, пока не докажет или не испросит прощения... Охрият, изменников, что в магометанство ушли, вешали на якоре...

– Чего так? Дал саблей по башке – и весь адат...

– Ну, не-е-ет... От сабли смерть легкая. Смахнул башку, и улетела душа на волю. А как вешают кого, душе выхода нет, она через ж... выходит. С изменниками только так!..

В начале зимы казаков оглушили вестью: «Ефремова взяли!..» Что там на самом деле? Слухи шли разные. Говорили, что на Дону голодно, ничего нету, хоть топор вари. Стоят в станицах солдаты Багратиона и Бринка, и только потому казаки не возмущаются.

В марте появился какой-то – упаси Господи! – пасквиль. Велено было искать. Но сколько ни высматривали его в степи...

Ошеломленный новостями Матвей Платов впал в хандру. Как же так? Ради чего теперь служить? Все рухнуло. А так хорошо задумано!.. Так хорошо мечталось...

Весной полк перебросили под Кинбурн, отражать предполагаемый десант. Василий Михайлович Долгоруков, расслабившись, ждал чина фельдмаршала за покорение Крыма.

⁵⁴ Станиц Цимлянской, Пятиизбянской, Трехостровной.

⁵⁵ Различные легендарные версии происхождения казачества бытовали у казаков до XX в. и, возможно, отражали не его историю в целом, а прошлое общностей, в разное время вошедших в его состав.

⁵⁶ Речь идет о порядках вольных «христианских казачьих республик» до их присяги Петру I и его преемникам.

Всеми делами в армии заправлял непоседливый генерал-поручик Прозоровский. Ожидая турецкой диверсии, загонял он казаков, охраняющих побережье. Сам Платов с двумя казаками, Данилой Ареховым и Иваном Кошкиным, носился от поста к посту. Казаков этих он выбрал со всего полка. Затесались низовцы, отбились от своих. Одного Матвей помнил по Черкасску, другого – по Аксайскому стану, лихие были ребята, так и трясли бедой, то перевернуть, то разбить чего. Теперь шли за ним в огонь и в воду, спокойно ночевали под открытым небом среди замирившихся татар.

Чужая степь светилась огнем волчьих глаз, шныряли хитрые и наглые собаки, более опасные, чем волки. Казаки подозревали в них варкулак-оборотней. Чтoб расколдовать таких, надо у них на животе серпом пояс разрезать. Да где здесь в степи серп возьмешь? Оставалось креститься и отплеиваться.

Но все это была жизнь обыденная, казачья. Матвея же неудержимо тянуло в жизнь новую, служило-офицерскую, в главную квартиру.

В штабе прикрывавшего Кинбурн отряда собралось свое веселое общество. Верховодил двадцатисемилетний полковник Мишенька Голенищев-Кутузов. Перевели его во 2-ю армию из 1-й за дерзость: передразнил командующего, самого Румянцева. Был он среднего роста, крепко сложен, рано начал полнеть, нрава скрытного и недоверчивого, но веселого. Матвей он распознал с первого взгляда и подтрунивал над ним. Чего привязался, неизвестно. Наверное, из-за советов, с которыми Матвей лез к кому ни попади. Кутузов же чужих советов терпеть не мог.

– А чего ты, Матвей, парика не носишь?

Платов смутно помнил про то, как какой-то царь жаловал казаков бородой, но в подробности не вдавался:

– Да у меня свои добрые...

Среди коротко остриженных, снявших парики офицеров он один сидел с кудрями до плеч.

– А-а, да-да, – понимающе тянул Кутузов. – А что, Платов?

Расстарались бы твои казачки насчет женщин...

Матвей знал, что полонянок, у татар отбитых, мало, а за коренную татарку вся орда поднимется, но главное – командующий Прозоровский не терпит в лагере женщин, с Прозоровским же ссориться не хотелось.

– Александр Александрович не разрешают, – опуская глаза, говорил Матвей, – а то б мы...

– Главная квартира – не монастырь, – поучал Кутузов, страстный обаятель женщин. Кроме того, любил блюда, великолепные палаты, мягкое ложе и обо всем со знанием дела говорил, но на войне никогда по ночам не раздевался.

– ...Главная квартира – не монастырь. Это запомни перво-наперво. Ты такой молоденький, а уже донской полковник. Еще годика два послужишь – в генералы выйдешь. При тебе, батюшка, может, и проживем. Ты – человек веселый, баб любишь, не то, что Прозоровский.

– Ты сам – полковник, а молодой, – огрызался Платов, поняв насмешку.

– По заслугам отцов и дедов, – смиренно вздыхал Мишенька. – К благоверному князю Александру Невскому вышел из немцев честен муж именем Гаврила. У сего Гаврилы был праправнук Федор Александрович Кутуз, от которого пошли Кутузовы...

Русские офицеры от таких речей приосанивались, на приблудившихся донцов поглядывали кто искоса, а кто и свысока.

– ...Сего Кутузова потомка дочь была замужем за казанским царем Симеоном, – продолжал Мишенька, потягиваясь и томно прикрывая глаза. – А у Андрея Александровича, брата родного помянутого Кутуза, сын был Василий, прозванный Голенище. Потомки их Голенищевы-Кутузовы Российскому престолу служили разные дворянские службы. Герб у

них, – тут Мишенька исподтишка оглядывал насупившегося Матвея, – черный одноглавый орел на голубом щите держит в правой лапе серебряную шпагу...

Платов, в свою очередь, оглядывал вальяжного, раздобревшего Кутузова. Разузнали казаки – из русских кто-то проговорился, – что в Петербурге, в Астраханском полку, если что не по его на учениях, падал Мишенька Кутузов в досаде на землю, грыз ее и кулаками пыль выбивал.

– «Из немцев честен муж», – с недоверием переспрашивал Матвей. – По-турецки «кутуз» – значит «вспыльчивый» или «бешеный». Был у нас в станице один казак, по кличке Алеша Бешеный, и один раз...

Кутузов ласково, как на несмышленища, глядел на Матвея, зевал и одним-двумя остроумными словами отвлекая внимание офицеров, поворачивался к Матвею спиной.

Меж тем турки решились: подвели флот к косе и высадили десант – беглых запорожцев, чьи предки еще с Костей Гордиенко (соратником гетмана Мазепы) ушли в туретчину да так и не вернулись.

Русские двинулись сбрасывать. Прикрывая развертывание войск, раскинули впереди боевых порядков казачью лаву.

Запорожцы, уцепившись за берег, зарылись в землю, без нужды не стреляли, а донцы близко не совались, приглядывались с любопытством.

На Дону запорожцы в чести, но, зная за ними, в Черкасск их никогда помногу не пускали. Эти и подавно изменники, а вдуматься – несчастные люди. Воля или родина, что дороже? Эти, не поддавшись «москалям», родину покинули, и понять их можно: свои, некраковцы, с тех же времен вот так же скитаются, кто в плавнях, а кто и вовсе в туретчине.

Матвей в такие тонкости не вдумывался. И не на запорожцев больше смотрел, а на своих: любопытно, кто как себя в сражении ведет. Мишенька Кутузов при виде неприятеля становился важен и хладнокровен. И слабостей видимых Платов в нем угадать не мог. Никогда Кутузов не роптал, никогда не просил за себя, но, как и Матвей, любил представительствовать. И были у него обширнейшие знания, коими он неграмотного Матвея неизмеримо превосходил.

Но в ратном деле готов был Матвей с ним потягаться и, уверенный в себе, с удовольствием красовался перед лавой, а дали бы армию, он и перед ней покрасовался бы – чем больше народу в свидетелях, тем лучше.

Был у него под командой уникальный военных механизм – Донской казачий полк – в уникальном боевом порядке, опробованном веками, от скифских времен⁵⁷. Вроде и в россыпи, вроде и в беспорядке, но наметанный глаз определит звенья человек по десять-двадцать, это односумы, у которых все добро общее и которые друг друга с малых лет знают и без слов понимают. Возвращаться им вместе в станицы, где с каждого и за каждого спросят. Соревнуются они, родные и друзья, в лихости и доблести, но знают, кто первый рубака, и пойдет тот, очертя голову, напролом, уверенный, что односумы тыл и бока прикроют. А коль уж увязнут и край подступит, налетят от «маяка» – резерва – первые из первых, отцы и дядьки, вырвут молодых из вражьих рук, собой заслонят.

Даст командир знак – и сомкнутся звенья, пойдут стеной, даст – и рассыпятся, облепят или схлынут, рассеются, а надо – слева, справа, наперехват и как угодно звеньями по очереди или вместе налетят. Играет ими командир, как пальцами по клавишам. Одно слово – односумы. И у запорожцев – такие же, только название другое – «казаны». Потому и медлят те и другие, уважают силу. Чего ж понапрасну штучный товар расходовать?

⁵⁷ Далее описывается порядок действий казачьей лавы.

Так и не вышло сражения. Покрасовались друг перед другом под орудийным огнем: по донцам турки с кораблей стреляли, по запорожцам – русские батареи. Ночью сняли турки запорожцев с косы.

После блистательных русских побед в Таврии и на Дунае центр военных действий сместился на Кубань. Турецкий ставленник, хан Девлет-Гирей, высадился с десятитысячным войском в Тамани и мутил воду среди замирившихся ногайцев. Чечня восстала, калмыцкий хан изменил и ушел за Волгу, раскрыв немирным черкесам дорогу на Дон. И в это самое время вспыхнуло пугачевское возмущение, поставившее на дыбы все Поволжье и весь Урал. Самозванец, сам донской казак, шел с Казани по Волге, приближался к донским пределам.

Вновь решалась судьба многих. Находила туча, не то кровью великою прольется, не то осыплет рьяных донцов чинами и наградами. Два поворотных момента, выплеснувших наверх будущих «верных» и «избранных», были в екатерининские времена для Войска Донского, а может, и для всей России – Петергофский поход и подавление Пугачевского бунта. Ни одна война столько признанных и обласканных властью героев не дала. Собирались по всему Дону отставные и калечные и, выпив на станичном сборе пенного, шли с лихими полковниками навстречу благосклонной (к полковникам) судьбе. А Матвею Платову судьба пока медлила улыбаться, наулыбалась уже, устала. Перебрасывали его с полком на Кубань усмирять зашевелившихся ногаев и закубанские налеты пресекать. Служба бесконечно нудная, кровавая и неблагодарная, хотя и привычная. А кроме того, возвращался он к своим, под другого походного атамана. Кого-то еще назначат, как-то свои Матвея примут... Не выбран он и Канцелярией Войска Донского не назначен, а написан в донские старшины князем Долгоруковым. Потому перед выступлением, набравшись храбрости, оставил Матвей полк и поехал проститься к Долгорукову, как к отцу родному.

Долгоруков его принял ласково:

– Знаю, чего ты боишься. Не бойся, ни одна собака не бросится. Служи честно. Я тебя поддержу.

На немой вопрос Матвея, как же князь его на Кубани поддержит, Василий Михайлович объяснил:

– Я выслал к ногайцам отряд Бухвостова, дабы интересы их соблюдал. Он в состав Кавказского корпуса не входит, по нашей армии числится. Будешь при Бухвостове, – помолчал князь, разглядывая довольного Матвея, потом сказал задумчиво. – Я знаю, казаки меня не любят. И тебя любить не будут, потому что я тебя двигаю. Казаки России служат с оглядкой. Один ты пошел ко мне без оглядки. И впредь так поступай. На Бога надейся, служи верно Ее Величеству, может, и вправду в люди выйдешь. А казаки... – князь Василий Михайлович нахмурился и сказал непривычно жестко: – Казаков мы научим Россию любить. Ты сам, гляди, не влезь там куда-нибудь. А то знаем мы вас. Всё. С Богом! Ступай!

На этом заканчивается романтический и во многом выдуманный нами период жизни молодого Матвея Платова, и мы переходим к событию, которое сделало Платова известным всей России (по крайней мере той, что газеты читала) и которое довольно хорошо изучено по сохранившимся документам.

Итак...

Весной 1774 года два крымских хана, ставленник русских и ставленник турок, оспаривали власть над Крымом. Ставленник русских Саиб-Гирей, подкрепленный войсками князя Долгорукова, сидел в Крыму, а ставленник турок, Девлет-Гирей, с десятитысячным войском высадился в Тамани и, ссылаясь на фирман турецкого султана, подбивал закубанцев присоединиться к нему для борьбы с русскими. Но истинно лакомым куском для Девлет-Гирея была трехсоттысячная ногайская орда, помирившаяся с русскими и переселившаяся из Бес-

сарабии на Кубань. Неизвестно, пошли бы ногайцы, взбунтуй их Девлет-Гирей, отбивать для беспокойного хана отцовский престол, но шестьдесят тысяч семей-казанов, шестьдесят тысяч немирных всадников под боком у Войска Донского, разославшего всех боеспособных казаков в полки на Дунай, в тот же Крым и на другие кордоны, – тут было над чем задуматься. По всему Волго-Донскому междуречью и до примкнувших к Пугачеву башкир не было у России прикрытия от возможного набега ногайской орды. А пойдут они вверх по Волге? А присоединятся к Пугачеву?..

В середине марта Девлет-Гирей с десятью тысячами своего войска и с пятнадцатью тысячами присоединившихся «хищников» вышел из Тамани и двинулся к кочевьям ногайской орды. Были у него и татары, и черкесы, и донцы-некрасовцы, и какие-то «арапы».

Ногайцы колебались. Получилось так, что Девлет-Гирей и противостоявший ему отряд подполковника Бухвостова, пришедший из 2-й армии «блюсти ногайские интересы», дрались на ногайской территории за влияние на этих самых ногайцев.

Девлет-Гирей напирал, хотел схватить и вырезать ногайскую верхушку, верную союзу с русскими (а может, и не вырезать, а по-хорошему договориться), ногайцы пятились, поскольку ненавидели, но боялись русских, устроивших им несколько лет назад на Дунайском театре знатное кровопускание, не верили туркам и крымчакам, – но не могли поднять оружия против единоверцев. Естественно, что всадники и целые отряды ездили из крымского лагеря в ногайский и обратно, уговаривали, сомневались, обещали, обманывали. А Бухвостов, как сторожевой пес, отгонял крымских «волков» от ногайских «овец». На территории Едичанской ногайской орды полторатысячный отряд Бухвостова разгромил авангард крымчаков под началом брата хана Шаббас-Гирея. Ногайцы «определились» и вместе с гусарами и казаками преследовали и рубили разбитых крымчаков. Ночной налет разбитых крымцев на казачий полк Ларионова тоже был отбит. Но все эти стычки, в которых «забавы много, толку мало», скоро закончились. Девлет-Гирей со всем своим войском подступил вплотную, и Бухвостов настоял, не надеясь на ногайскую дружбу, чтоб Едичанская орда передвинулась ближе к русской границе, под прикрытием русских пограничных войск. Орда снялась. Прикрывать ее уход на речке Калалах были оставлены казачьи полки Ларионова и Матвея Платова. На другой день, 3 апреля, на речку Калалах нагрянул сам Девлет-Гирей со всем своим войском. Есть еще одна версия, что Платов и Ларионов с полками сопровождали обоз с продовольствием, направленный для русских войск, стоявших на Кубани, а Девлет-Гирей со всем своим войском устроил им засаду, провиант хотел отбить. Странно. Два полка прикрывают транспорт с продовольствием (обычно для этого снаряжали не более нескольких сотен), а двадцать пять тысяч всадников ждут их в засаде... Очень странно. Нет, скорее прав Потто, который в своей «Кавказской войне» писал: «Ногайская орда поднялась и стала уходить на речку Ею. Но для того, чтобы прикрыть ее переселение и вместе с тем забрать провиант, имущество, скот и даже больных, покинутых жителями в местах, где были их становища, подполковник Бухвостов оставил из своего отряда два слабых казачьих полка под начальством полковников Платова и Ларионова». Переселение, видимо, шло «добровольно-принудительно», а потому мешки с зерном, к которым мы еще вернемся, столь необходимые и бесценные для ногаев весной после голодного года, были под охраной двух донских полков. И для Девлет-Гирея это зерно (явно не местного производства, а присланное из России подкормить замиренную ногайскую орду) было очень кстати.

Через много-много лет престарелый Матвей Иванович рассказал, его первый биограф записал, а доверчивые историки пересказали следующую историю: «Когда донцы расположились на ночлег, к Платову подошел один из старых казаков и предложил ему прилечь ухом к земле. На вопрос казака, что слышит молодой полковник, последний ответил, что слышит шум, похожий на крик птицы. Опытный казак объяснил, что это действительно кричат птицы, но птицы кричат ночью тогда, когда бывают разложены огни и, судя по крику

птиц на большом пространстве, огней должно быть много. Из этого казак заключил, что вблизи должно находиться много татар и что к утру надо ждать их нападения на транспорт. Платов и Ларионов немедленно распорядились устроить вагенбург, то есть род заграждения людей повозками и кулями с хлебом, и казаки засели в этом вагенбурге». Это Ф. А. Щербина, «История Кубанского казачьего войска», том 1.

Очень интересно. Мы знаем описание многих великих сражений, которым предшествует описание ночи перед боем, море разложенных огней, ликующие французы, тихий русский бивак... Но то, что разложенные ночью костры вызывают крик птиц, мы слышим впервые. Далее. Можно ли, припав ухом к земле, услышать далекий крик птиц? Можно ли услышать крик птиц, потревоженных огромным количеством разложенных костров, и не видеть зарева от этих костров?

Может быть, птицы действительно кричат, если ночью разложить много костров. Может быть, они в ту ночь кричали. Ведь рядом, совсем рядом стояла Едичанская ногайская орда, позже, во время боя, казаки простым глазом видели, «как из едисанских аулов бежали татары в ханское войско и обратно оттуда прибегали... которым ни в той, ни в другой стороне, как однокоренникам своим не причиняли никакой обиды...» А Едичанская орда – это двадцать тысяч семей, двадцать тысяч костров в ту апрельскую ночь совсем близко. Светло было, как днем.

Огни эти Матвей Платов видел, но что же он услышал, припав ухом к земле?

Хитры были казаки и вместе с тем тактичны. Зная, как молод и самонадеян их полковник, как трудно уговорить двадцатилетнего мальчишку, делающего невиданную пока на Дону карьеру, проявить здравый смысл и не атаковать, а обороняться, они предложили ему самому послушать землю, а потом, когда он услышал гудение от топота многих тысяч копыт и какие-то странные скрипучие звуки, спросили его казаки, невинно улыбаясь, не напоминают ли ему эти звуки крик потревоженной птицы. Да, шла орда, и скрипели кибитки.

«А половцы неготовыми дорогами побегоша к Дону Великому: кричат телеги полунощны, рци, лебеди распущены...» Это «Слово о полку Игореве». Б. А. Рыбаков в своей работе «Петр Бориславич» в поиске автора «Слова о полку Игореве» писал: «Упоминание “телег” отнюдь не случайно. Это не кибитки-“вежи”, в которых живут жены и дети, только обременительные в походах и сражениях. Это – конные повозки военного значения, в которых возили доспехи и запасы стрел».

Ничего не изменилось в степи за шестьсот лет. По скрипу телег, напоминающему лебединые крики, понял Матвей Платов, что крадется в ночи Девлет-Гирей со всем войском и всем обозом. Хан шел медленно, не отрываясь от обозов с запасом стрел, поэтому и решили казаки, что нападение будет утром. Просто биограф неправильно понял его, Платова.

«Если ехать с Дона по большому Черкасскому тракту, то вправо от него, там, где речка Калалах впадает с Большой Егорлык, на вершине весьма пологой и длинной покалостности доньне заметны еще остатки земляного вала, за которым, по преданию, бились казаки и Платов с горстью донцов отражал нападение двадцатитысячного турецкого корпуса» (Потто В. А. «Кавказская война.» Т. I). Место это находится на севере современного Ставропольского края, возле границ Ростовской области. Чуть западнее, если пересечь границу Краснодарского края, на возвышенности берут свое начало речки Ея, Челбас, Рассыпная и сам Калалах.

Перед рассветом ушедшая вперед казачья разведка дала знать, что «валит силы татарской видимо-невидимо». Татары приближались стремительно и охватывали казачий лагерь со всех сторон. Исследователи единодушны, что казаки «не успели опомниться и сесть на коней», «растерялся даже более опытный Ларионов, бывший лет на десять старше своего товарища», казаки были «близки к панике». Платов же, естественно, не растерялся. Счастье его характера заключалось в том, что при всех своих лености и сибаритстве, при массе дру-

гих отрицательных черт (ведь пишем мы не о Боге, а о человеке), в критических ситуациях был Матвей Платов хладнокровен и деятелен и действовал молниеносно.

Он приказал быстро сдвинуть телеги и загородить со всех сторон небольшой окоп, возведенный за ночь, а затем отобрал двоих казаков на лучших лошадях и направил их за помощью к Бухвостову, который был неподалеку со всей едичанской ногайской знатью. Опустим выпренные речи, которые приписывали Платову его биографы («... Знайте, что вы положите головы в честном бою за край ваших отцов, за православную веру, за ваших братьев, за матушку-царицу – за все, что есть на земле святого и драгоценного для русского чувства!»), зададимся вопросом, почему не послали гонцов раньше, ведь знали, всю ночь «окоп» возводили. Или что-то рассмотрели в подлетевших татарах наметанным глазом донские полковники? Обоза не бросили, в осаду сели. И это из-за ногайского добра?.. Гонцы в окружении небольшой команды бросились на прорыв. В короткой рукопашной татары эту команду рассеяли и загнали в вагенбург, один из гонцов погиб, но другой, пользуясь круговертью и неразберихой скоротечного боя, прорвался и исчез за речкой Калалах, что, собственно, и нужно было Платову и всем осажденным.

В восемь утра, как явствует из документов, «окоп» был окружен со всех сторон, и крымчаки предложили донцам сдаться. В. И. Лесин в своей книге «Бунтари и воины» приводит гордый ответ осажденных: «По долгу присяги, учиненной Ее Величеству, мы отказываемся принять ваше требование. Из укрепления нашего не выйдем. Умрем за веру христианскую, но живыми в руки бусурманские не отдадимся».

Переговоры закончились. Часть войска Девлет-Гирея спешилась и бросилась на штурм...

Будь у осаждавших регулярная турецкая пехота или хотя бы одна пушка, казакам пришлось бы туго. Да им и так было не сладко, но часов до четырех они продержались. Ружейным огнем и картечью из единственного орудия отразили шесть приступов. Потери пока были минимальны, татарские стрелы, пущенные снизу, от подножья холма, на излете били сгрудившихся посреди укрепления казачьих лошадей, люди же почти не пострадали.

Полковник Ларионов предлагал «политическое решение вопроса». Бой шел на ногайской территории, за ногайское имущество, и те же союзные России ногаи-едичанцы по одному и кучками крутились среди крымчаков не то в качестве зрителей, не то участников штурма. Можно было начать переговоры, привлечь к ним ногайцев и, обращаясь к неписаным степным законам, регламентирующим ситуации «гость – хозяин», «свой – чужой – доверившийся» и т. д., затянуть «переговорный процесс». Именно так, скорее всего, развивались бы подобные события сегодня. Но Платов отказался от каких бы то ни было переговоров. И другим не позволил их начать.

Меж тем старший в отряде подполковник Бухвостов (будучи подполковником русской армии, он считался чином на два выше донских полковников, тех вообще на уровне капитанов почитали) получил известие о развернувшемся сражении и велел седлать. У него был эскадрон ахтырских гусар, легкая драгунская команда и казачий полк Уварова, всего всадников пятьсот, еще меньше, чем у осажденных Платова и Ларионова. Союзные ногайцы вместе с Бухвостовым идти отказались, и вождь их, Джан Мамбет, «с изумлением и жалостью смотрел на отряд, скакавший, как он полагал, на свою гибель». Отражая седьмую атаку, Платов заметил в степи пыль подходившей подмоги и обратил на нее внимание уже пришедших в отчаяние своих товарищей.

Полковник Уваров со своим полком – это двести-триста казаков – врезался в тыл неприятеля. «Это была атака отчаянная, безумная, не оправдываемая ничем, кроме слепой и дерзкой отваги, но именно эти-то свойства ее и имели решающее влияние на судьбу Калалахской битвы». Платов посадил своих казаков на уцелевших коней и ударил из «окопа».

Атакованные с двух сторон татары попытались «отскочить», отходили «по эллипсу», чтобы не смять своих, ведь атаке подвергались далеко не все силы Девлет-Гирея. Но отходившие «по эллипсу», вбок, крымчаки навалились на огонь четырех легких пушек Бухвостова, а затем на них налетели ахтырские гусары. «Это был финал, после которого все татарское скопище разбежалось в разные стороны, и собрать его не представлялось уже никакой возможности», – пишет В. А. Потто в «Кавказской войне».

Досталось и едичанцам, крутившимся среди крымчаков. «Огорченные» их двуличием казаки рубили всех «до смерти», рассказывая потом, что «трудно в баталии, а особенно между ногами распознать приятеля с неприятелем»:

«То была единственная победа, едва ли когда встречающаяся еще в наших военных летописях: тысяча всадников гнала перед собой двадцатитысячную армию, охваченную паникой! Три раза пытался неприятель остановиться, чтобы собрать свои рассеянные силы, и три раза, сбитый Бухвостовым, снова бросался в бегство» (это опять В. А. Потто).

Со стороны казаков было убито 8, 15 без вести пропало и 54 человека ранено, лошадей убито 288 и переранено около трехсот. Татарских трупов подобрали около пяти сотен.

Опомнившиеся ногайцы приняли в преследовании Девлет-Гирея живейшее участие и предавали смерти всех, кого удалось настигнуть.

Крымчаков и закубанский сброд преследовали до Кубани. И здесь Платов отличился. Бухвостов доносил, что «он с величайшей опасностью для жизни бросался на многочисленные толпы неприятеля, подавая пример своим подчиненным, особенно в лесном сражении близ Кубани, где ободренные им спешенные казаки оказали храбрость примерную».

«Калалахская битва была выиграна, – пишет В. А. Потто. – Дон был спасен от погрома, и с этих пор казаки заговорили о Платове, как о чем-то чудесном. Начальство обратило на него особенное внимание, и даже вся армия, двор и сама Императрица узнали его имя. Но всех более полюбил его знаменитый Потемкин, который до самой смерти своей оставался истинным его благодетелем и покровителем. Калалахское сражение было, можно сказать, яркой зарей блистательной славы, которая сделалась с тех пор неразлучной спутницей его на военном поприще».

– Почему Платов? – спросим мы. – Почему не Уваров, не Бухвостов?

Нет, это, конечно, преувеличение. О Платове и вправду узнали. В «Петербургских ведомостях» 16 мая 1774 года, через полтора месяца после сражения, появилась корреспонденция о его подвиге, и автором ее был не кто иной, как сам командующий 2-й армией князь Василий Михайлович Долгоруков. Когда и в какой еще армии командармы писали в газеты хвалебные заметки о подчиненных им полковниках? Эта умелая поддержка сыграла свою роль. Просвещенная российская Императрица, женщина, читающая газеты, узнала, что есть у нее такой полковник. Узнала и наградила. Матвей получил такую же, как и отец, золотую медаль с изображением императрицы. На обороте была надпись: «За ревностную и усердную службу Донского войска. Полковнику Матвею Платову».

Видимо, в это время узнал о нем и Потемкин. С марта 1774 и по апрель 1776 года, как раз во время описываемых нами событий, он был «фаворитом», официальным возлюбленным Екатерины Второй. Может быть, в это время они и газеты вместе читали. Ведь всего два месяца, как любовники, – ясно, что живут душа в душу.

О Платове узнали. Не более. До потемкинской любви к нему было еще далеко, до следующей турецкой войны, когда взлетел вдруг Платов и воссиял. А пока, кроме медали, ничего особого не случилось. «Дальнейшая служба Платова не принадлежит Кавказу», – писал далее Потто. Еще как принадлежит! Другое дело, что ничего не было известно об этой службе, ибо и после Калалаха остался Матвей Платов обычным донским полковником, лихим, совершающим подвиги, что было в порядке вещей, так как донских полковников, совершающих подвиги, в России было много.

Вернемся к Платову, к Бухвостову, к Девлет-Гирею, чье войско рассеялось, как дым. Хорошо же было войско! Закубанские хищники, отчаявшись поджиться на Дону и в ногойских стойбищах, покинули незадачливого хана. Однако Девлет-Гирей не пал духом, неожиданные волнения в Чечне и Кабарде увлекли его под Моздок, откуда, вновь разбитый, он бежал к Чегему.

Отряд Бухвостова на плечах бегущего противника достиг Кубани, перешел ее вброд и здесь втянулся в бои с черкесами. В начале июня Бухвостов с гусарами и полковники Уваров, Платов и Данилов с казаками в жестоком бою разбили «громадное скопище черкесов» у города Копыл (ныне Славянск-на-Кубани). В разгар битвы Бухвостов и Уваров ворвались в сам город, где захватили тридцать четыре турецкие пушки. За этот подвиг Бухвостов был награжден орденом Святого Георгия третьей степени. Весь июль и начало августа над Кубанью гремели выстрелы. Наконец стало известно, что в Кучук-Кайнарджи подписан мир. Беспокойного Девлет-Гирея сами турки обвинили в том, что он все время преследовал личные цели, хотел объединить всех татар и сделаться независимым от Турции. Султан Абдул-Гамид велел схватить хана и доставить в Константинополь. На Кубани и Тереке стало потише. «Кабарда, татары и Чечня, не смея повторять открытых нападений без поддержки Турции, занялись своими, искони неразрешимыми и нескончаемыми распрями...» – пишет историк. Полк Матвея Платова с Кубани был переброшен в Россию «гонять самозванца Пугача».

Глава 5. Пугачевщина, Сечь и выгодная женитьба

Следующие десять лет служебной биографии Платова бесцветны, и особого продвижения по службе нет. А ведь это лучшие годы в жизни человека, от двадцати до тридцати. На что же потратил он их? Ну, во-первых, усмирять пугачевское возмущение...

Пугачева на Дону не приняли. Может, и поддержали бы его в бедных верхних станицах, но шел со злодеем разный наброд, нищета, которой терять нечего и которая надеется приобрести больше, чем потерять. По Хопру, Медведице, Иловле скатились от Саратова шайки пугачевцев на верхние станицы не хуже татарской орды.

Луковкин, походный атаман верных царице казаков, с пятью сотнями после восьмидесятиверстного ночного перехода обрушился внезапно на пьянствующую в станице Етеревской пугачевскую братию, разметал и выбил за пределы Войска.

Обтекая землю донских казаков, спустились пугачевцы дальше, к Царицыну, где ждали их уже собранные со всего Дона полки.

Сомневались донцы, и бегали многие казаки из лагеря в лагерь, но Царицына Пугач не взял, прошел мимо, и здесь, на Астраханской дороге, настиг его Михельсон с коронными войсками и разбил вдребезги.

Пугачев бежал на Волгу, на Яик, и донской старшина Иловайский устремился за ним, бросая запаленных лошадей и выбившихся из сил казаков, кинулся ловить злодея, хватать за хвост птицу-удачу.

Платова тоже посылали под Царицын. Из трех полков, Акима Уварова, Павла Кирсанова и Матвея Платова, вернувшихся «на льготу» (отпуск со службы – до нового «призыва») с Кубани, скомпоновали два полнокровных, по пятьсот сабель, и под командованием Кирсанова и Платова отправили на мятежников.

После поимки самозванца не вернулся Матвей на Дон, а целых два с лишним года искал и преследовал шайки пугачевцев, которые разбрелись по Волге и прилегающим губерниям.

По приказанию графа Петра Ивановича Панина, руководившего подавлением восстания, ставили в каждом селении по одной виселице, по одному колесу – кости ломать. Растягивали истязаемого на колесе, ломали ему ломом каждую конечность в двух местах и, наконец, ударом по животу ломали хребет. Помните казнь Остапа в «Тарасе Бульбе» Н. В. Гоголя, когда кости захрустели? Ставили еще в селении «глаголь» для вешания некоторых за ребро. И наводили под этими нехитрыми орудиями порядок и тишину в великорусских селениях ребята молодого полковника Платова.

Долго еще в этих селениях донскими казаками детей пугали.

Скучная служба, а никуда не денешься. Благодетель, князь Василий Михайлович Долгоруков, ушел в отставку. И «Крымским» его назвали, и Георгия первой степени пожаловали, а вот фельдмаршальский чин – никак, он и обиделся. Можно бы на Серебрякова понадеяться, на походного атамана казачьих полков в Крыму... Тот, как и Матвей, больше к русской власти, чем к своей, донской, прислонялся, одного поля ягоды. Но при встрече с пугачевцами прошиб Серебрякова геморрой, казаки смеялись: «От страху кровью ус...ся». Разгневанный Потемкин чуть было не казнил его, Императрица отстояла. Но был теперь Серебряков конченой фигурой. Не на кого Матвею надеяться. Разве что на батюшку, Ивана Федоровича.

Батюшка, Иван Федорович Платов, побывал с полком в Польше, в Санкт-Петербурге, переброшен был оттуда под Москву и теперь так же, как и Матвей, ловил ослушников вокруг древней столицы. На виду, на отличном счету...

Оставим на время отца и сына Платовых гонять за бунтовщиками по бескрайним российским просторам и посмотрим на Дон, где устанавливалась в это время новая власть, дели-

лись посты, к которым службистых и приверженных российской короне Платовых и близко не подпустили.

Опасаясь, как бы пугачевская зараза не прижилась на Дону, дали власти донцам послабления. Следствие над ефремовскими сторонниками прекратили и всех, кто выжил, отпустили. Самому Ефремову из Пернова разрешили перебраться в Таганрог, но опальный атаман отказался и поселился в Санкт-Петербурге; не захотел, а может, и побоялся на Дон возвращаться. Старшего сына его, к тому времени подростка, загнали со сменным полком одного из Иловайских на Кубань.

Навезли власти в Черкасск хлеба в счет жалованья, осчастливили черкасню. Шестьдесят четыре тысячи четвертей! Потемкин, смело взявший на себя главное начальствование над Войском, да и не над ним одним, доискивался истинных причин возмущения и предполагал их на Дону заранее пресечь. Усмотрел, что одна из причин – самовластие старшинское. Ввел он на Дону Гражданское правительство, сохранив за ним прежнее название – Войсковая Канцелярия. Двух членов, старшин, он в это правительство сам назначал, а четверых Войско выбирало на один год. Руководствовалось отныне правительство не донским обычаем, а российскими законами, соблюдая, однако, данные Войску ранее привилегии. Вместо Семена Сулина, атаманившего на Дону во время беспокойствия, наказным поставили доказавшего свою преданность Алексея Иловайского.

И Иловайского и все правительство посадил Потемкин на жалованье. Атаману положил в год тысячу да «столовых» денег четыре тысячи, правительству, конечно, поменьше. Но кто и когда на Дону жил на жалованье?..

И еще одно событие, важное для Дона, которое и нашего героя коснулось. Всех, кто в это время полками командовал, приравняли к русским воинским чинам, считали их пониже майора, но повыше капитана.

Привыкало Войско Донское, обустроивалась старшина на новом положении. Средняя станица и без Ефремова власть в Черкасске удержала. Вылезли вверх многочисленные Иловайские, родня их Дячкины, Луковкин, усидел наверху ефремовский прихвостень Васька Маньков, доказал свою преданность царице, лазутчиков пугачевских нещадно налавливая. Из коренной черкаснии вышел наверх Дмитрий Мартынов, герой дунайских батальей. Бесменно заправлял всеми бумажными делами Иван Артемович Янов. Да ликовали, не уставали, свалившие Ефремова дружки Кирсанов и Юдин.

Блеска прежнего у атаманской власти не стало. Иловайский с его утиным носом, тонкими губами и усиками не дотягивал до величественного, породистого Ефремова. И полковника ему дали, и генерал-майора, и из наказных в войсковые атаманы возвели. Нет – мелковат.

Слухи весь год будоражили Канцелярию и весь Черкасск один страшнее и нелепее другого. Вроде и успокоилось все, но упорно ждали страшного. Да и как не ждать? Все ходили и друг друга пугали: «Сечь разогнали, и нам то же самое будет».

Запорожскую Сечь в 1775 году разогнали, и донские казаки в этом участвовали. Дожились...

Два было старейших великих войска – Дон и Запорожье. Много Россия от них терпела, особенно в Смутное время, и, памятуя о прошлом, в 1622 году особой грамотой запрещала Москва донцам запорожцев на Дон принимать. Но постепенно перешли вольные запорожские казаки в подданство России. И до и после этого события теснейшая связь была меж донцами и запорожцами. Вместе на море ходили «за зипунами», вместе турок били, татарву... Когда поднялся Хмельницкий, то многие донцы его поддерживали, хотя и с оглядкой на союзного Хмельницкому крымского хана. Вместе от царя Петра отбивались. Украина Мазепу выставила, Дон – Булавина. Перессорила их, донцов и запорожцев, земля...

При Петре Первом ушла часть запорожцев с Костей Гордиенко под турка и образовала новую Сечь. Но скоро стали запорожцы обратно проситься, и Императрица Анна Иоанновна пустила их домой, на Днепр, где поставили они в Базавлуцких плавнях очередную Сечь – Пидпиленскую. И оказалось тут, что земли у Войска Запорожского мало. Никак не могли с донцами угодья разделить и рыбные промыслы. До драк дело доходило. В 1741 году донцы с атаманом Максимом Федоровым сгоняли их с морских кос⁵⁸. В октябре 1743-го кошевой Кондратий Милошевич жаловался на донцов, и прислали из Санкт-Петербурга указ бригадиру Вырубову, коменданту крепости Святой Анны, чтоб он запорожцев с донскими помирил. Донцы мириться не хотели, поскольку дело было не в обиде, а в куске насущном. Через два года опять ходили они с Василием Григорьевым запорожцев с ейских кос⁵⁹ сбивать, а Степан Ефремов, сын войскового атамана, налетел с калмыками и разорил запорожские зимовники по речке Кальмиусу. Все сено черти узкоглазые пожгли и бобров из капканов позабрали. Жаловались потом на убытки куренные Деревянковский, Титоровский, Ивановский, Кореновский, Иркиевский⁶⁰ и с ними Семен Кунпан, куренной Кисляковский (у последнего на 10 руб. сена пожгли).

Вновь указ пришел: киевскому губернатору провести границу меж донцами и запорожцами по речке Кальмиусу. И на Дон грамоту прислали: «...и для того быть между запорожскими и вами, донскими казаками, упомянутой речке Кальмиусу границей, а от вершин оной прямою чертою до прежней 1714 года России с Портой Оттоманской границы учинить приличную межу и поставить грани». От Днепра, по речкам Самаре, Волчьи Воды, Берде, Калчику и до Кальмиуса – земля запорожская, а от Кальмиуса, по речкам Еланчику, Кринке, Миусу, Темернику, и до Дона – донская. И особая грамота была, чтоб Донское и Запорожское войска не ссорились и чтоб запорожцев не убивали и не грабили.

«Крайними», конечно, калмыки оказались, которых Степан Ефремов привел. Их все время в православие обратить хотели, а они плакались, что у них на кресты денег нет. Прислали им из России деньги на кресты... Калмыки, однако, в православную веру переходить не спешили. Вот пожечь, пограбить во славу русского оружия – другое дело! Заодно пограбили они малороссиян, которые с Ахтырки в Черкасск ездили и на Гнилотоке на пристани рыбу покупали. Собрали их всех (калмыков этих) и отправили служить в Лифляндию. Только вроде все утихло, налетели запорожцы и у донцов коней отогнали... Возвращаясь с турецкой войны, обложили русские войска Сечь. Два серба⁶¹, Текеллий и Чорба, с мадьярами, валахами, сербами и другими наемниками, с русской пехотой разогнали запорожское рыцарство. Были при этом деле четыре донских полка, а из известных донцов – Федор Кутейников и Андрей Сулин. Был еще полк Дмитрия Мартынова, но сам Мартынов не показывался, передал свой полк Андрею Сулину.

Верхушку запорожскую упрятали в монастыри, грехи замаливать, а сами запорожцы, не смирившись, вновь ушли к туркам. Оставленная без хозяев Сечь, естественно, пала жертвою грабежа, и донцы, говорят, неплохо поживились.

С тех пор за Сечь разгромленную и за Покровскую церковь разграбленную у запорожцев к донцам особый счет. Станет Войско Запорожское Войском Черноморским, а затем и Кубанским, но вскакивать будут через сотню лет посреди пирушки казаки и с пьяной настойчивостью требовать: «Давайте коня – пойду у Старе Черкаське паникадило у донцов отбивать...»

⁵⁸ Песчаных кос, возникающих на побережье Азовского моря.

⁵⁹ В устье р. Ея на Кубани, которая не принадлежала еще запорожцам.

⁶⁰ Здесь перечислены названия куреней, а не имена их атаманов.

⁶¹ Генералы на русской службе.

Матвей Платов вдали от этих важнейших событий подыхал на царской службе от скуки. Ни славы, ни подвигов. Холодно, черно, угарно. Резали глаза черные деревни посреди снегов, укрывших волжские просторы. «Горели они здесь все, что ли?» Нет. Не белят, не красят, вот дерево и почернело.

Полк его стоял по многим селениям вразброс. Народонаселение исподтишка пако-стило. А как нагрянет сам Матвей, падало на колени, голов не поднимали, одного образа платовского ужасались. Окрестные помещики, по одному с опаской возвращавшиеся в родные места, перед ним заискивали, норовили к себе залучить, но не одного, а с командой, и тогда, собрав подданных, дорвавшись, наконец, впадали в гнев, как псы бешеные, хрипели: «Р-рабы... Я вас, анафемы... – и властно махали рукой или платочком. – Давай, ребята!» Казаки оглядывались на Матвея. Матвей безразлично кивал. Нагляделся, привык.

Будем надеяться, что спас он когда-нибудь кого-то безвинного от жестокой расправы. А может, – не дай Бог! – кого-то лишнего раньше времени на тот свет отправил...

Чиновники, твари неблагодарные, народ разоряли, а платовских казаков что ни день обвиняли в мародерстве. И как отбрешешься, если русской грамоты не знаешь? В общем, скука.

Как развлекаться в глухомани молодому здоровому парню? Девки дворовые, которым Матвей счет потерял по разоренным усадьбам, да водка. Вина виноградного не достать. От браги Матвей кривился. Сивуха казенная в нос била. Научился юный Платов водку на разных травах настаивать. Особенно полюбились ему горчишная, гартальная, обжигала она горло, вышибала слезу, и застилала та слеза опостылевшую действительность.

Как о мимолетном счастье вздыхал он горько об ушедших крымских временах, о веселой и интересной штабной жизни, где всё любезны и обходительны, в курсе сплетен и интриг, знают все на свете, преданы Матушке-Императрице, глядят на нее, как на богиню и как... на женщину, и нет ни у кого иллюзий, какие пружины задают ход государственной машине. Знаем мы эти скрипучие пружины!.. Стирал Матвей выдавленную горчишной водкой слезу синим рукавом, оглядывался, словно проснувшись, на черные, как после пожара, дворы. Мутный мир, беспросветный. «Хоть бы война началась. Может, майорский чин дадут...»

Восстанавливалась торговлишка, заезжали промышлявшие ею казаки к Матвею за протекцией, рассказывали ему донские вести, а домой на Дон родне платовской переказывали, что совсем «плохой» казак, худой, желтый, того и гляди доразу сопьется. А жалко, такой молоденький! На Дону от всех скорбей, если войны нет, один выход – женить. Дошло все до батюшки, Ивана Федоровича, который с полком в Москве и вокруг Москвы разбойников ловил, служил усердно, а кроме того, пользуясь уравнием в чинах, скупал помаленьку крепостных и на Дон отправлял – медленно, но упорно карабкался в настоящие помещики. Батюшка подтвердил:

– Женить! – крепко задумался и невесту подсказал: – Сватайте за него ефремовскую дочку.

Все рассчитал: девке за двадцать перевалило, и если не больная, то в такую пору за любого выскочить готова, чтоб в «вековухах» не остаться; и Меланья Карповна в ее нынешнем положении не посмеет отказать полковнику, беззаветно несущему царскую службу.

Важно было упредить возможных соперников, которые, напуганные прежними временами, когда искореняли крамолу семьями, со всей родней, близкой и дальней, обходили теперь ефремовский двор десятой дорогой. Думали, что лишь из-за пугачевщины забыли про Ефремовых, но скоро вспомнят, ибо нет в России ничего и никого злопамятнее самого государства. Иван Федорович так не думал, было ему из Москвы виднее, что другие времена наступают, можно сказать – просвещенные.

– Сватайте ефремовскую дочку, а ему передайте, чтоб не рассусоливал, а поторопился.

С оглядкою, но все дружнее и дружнее подключилась вся платовская родня, соседи из самых надежных. Матвей приехал в отпуск, отоспался, порозовел.

Сосватали и «окрутили» молодых стремительно. Было это в феврале 1777 года, на Масленой неделе. А на пост уехал Матвей обратно в полк, дослуживать.

Тут только дошло до черкасских женихов, какой кус они упустили. Грабили в прежние времена Ефремовых, усадьбу разносили, но остались в неприкосновенности стада и табуны, земли и хутора, заселенные малороссиянами, иная недвижимость. Да и дворец ефремовский как стоял, так и стоит. Какая же часть от этого несметного богатства отойдет в приданое единственной дочери? И как это мы проглядели?..

Батюшка Иван Федорович, с разрешения Войсковой Канцелярии, основал для сына Матвея два хутора: один – в верховьях речки Малой Крепенькой, а другой – на балке Ольховой при реке Миусе, туда же переселил сорок три души крепостных, купленных в России. Обустроил молодым будущую жизнь. Но что эти платовские крохи против ефремовского приданого?

Обездоленные платовской женитьбой кандидаты в ефремовские зятья, теперь спешно опомнившиеся, а особенно их проморгавшая все дело родня, заходились в сплетнях, шумел черкасский базар. Досталось Матвею и всем близким его, голодранцам и выскочкам.

– Не-ет, сам бы он ни в жисть не догадался бы. Это все старый удумал...

– Да что ты будешь делать?!..

– Бедный Степан Данилович! Поглядел бы, покойник, за кого его любимую дочушку выдали.

– Окстись, кума! Он живой...

– Отца упекли и дочерю черт-те за кого отдали. Конец Ефремовым!..

– Да-а...

Матушка Анна Ларионовна к шуму этому отнеслась спокойно:

– Ничего. Вернется Матюшка со службы, в один миг все свои языки прищемят.

Вскоре ветреная и лакомая на зрелища толпа отвлечена была от платовской женитьбы иными, не менее интересными событиями. Искал весь базар некую Авдотью Марченкову, из скородумовских малороссийских женок, которая от мужа своего, Ивана Марченкова, побег учинила и обратилась в прелюбодейство, чинимое с ней армянами Ширеевым и Богусовым, кои скрывали ее у себя в квартире на полатах, откуда она и вынута была. Ободрали бабенку «кошками» и розыск учинили, почему она себя так нескромно ведет, приютивший ее город позорит. Было это 28 февраля.

Выпоротая Авдотья доказала на женку Средней станицы Персиянинову Аксиныю Ивановну, что свела та ее, Авдотью, с армяном Богусовым. А поскольку была та Аксиныя казачья женка, то спрос был со станичного атамана. Атаман Средней станицы на розыске показал, что о сводничестве не знает, иначе пресекал бы, но сама «Персиянинова в блудодействе обращается и всякая сволочь в дом с ним прибежна». 10 марта справедливые донцы ободрали «кошками» и казачью женку Персиянинову, а с мужа ее взяли подписку, чтоб впредь в его доме «сволочи не было».

И дальше баловала жизнь черкасский базар разного рода событиями, войсковой базарный Леонов только глаза пучил и головой крутил. На то оно и гражданское общество при Гражданском правительстве! А по станицам уже собирали казаков на смену прежним полкам «в рассуждении весьма долговременной их на службе бытности». Сменяли в Польше полки Саврасова, Алаева и Сарычева, в Кизляре – Сулина и Табунщикова, в Москве – полк Ивана Платова, в Великороссии – сына его Матвея, еще в Астрахань сотню посылали. Всего, по приказу Потемкина, – 3400 казаков, и сбор, по обычаю, 25 апреля. В мае, смененный в Воронежской губернии полком Андрея Орлова, заявился Матвей Платов домой, и началась его семейная жизнь.

Теперь мы подходим к деликатному и даже щекотливому вопросу: как же он, грубо говоря, с женой-то жил?

Задумываемся мы: а стоит ли вообще лезть в личную жизнь Матвея Ивановича? Интеллигентные люди, ну зачем вам в чужом белье копаться?

Или прав был Данила Ефремов, когда отдавал малолетнего сына Степку в заложники калмыкам ради соблюдения российских интересов: «Государственный человек себе не принадлежит»?

Фразу эту мы, честно говоря, ему сами приписали. И думал ли он так, отдавая сына в аманаты, гарантии не даем. Может, он ради карьеры, ради царской милости готов был единственным сыном пожертвовать? Не зря же отец и сын Ефремовы до самого конца в контрах были.

Ну да Бог с ними, с Ефремовыми, к ним мы еще вернемся. А вот как с платовской личной жизнью быть? Тем более, что и не знаем мы ничего об этой самой жизни. В смысле – ничего интересного. Сам Платов и первая жена его, Надежда Степановна, мемуаров не оставили, а кто из современников и оставил, тот помнил Матвея Ивановича уже пожилым и женатым повторно. А сверстники лихого атамана до времен, когда принято стало писать мемуары, не дожили. Воинственные донцы имели обыкновение умирать рано. И не в своей постели.

Можно допустить, что была Наденька, Надежда Степановна, грамотна. Младший брат ее, Степан Степанович, судя по послужному списку, знал географию, арифметику, риторику, немецкий язык и латынь.

Матвей Платов, если верить ранним послужным спискам, грамоты вообще не знал, но на старости лет писал бойко, хотя и с ошибками. Будем надеяться, что Наденька его и выучила грамоте. Ужаснулась: «Да ты ж неграмотен! Как же ты, милый мой, полком командовал?!» – и стала учить.

Еще что сразу заметно: слаба была, прожила недолго, и сын Платова от нее прожил недолго. И со всеми Ефремовыми так: женятся поздно, долго нет детей, если есть, то по одному ребенку, зато умирают рано, и дети умирают. А старший сын Степана Ефремова, Данила Степанович, еще молодым вдруг напишет, что лет своих не помнит, помнит только, что начал службу есаулом 2 марта 1772 года, и сыну своему единственному в разных списках разный возраст напишет, и разница не какая-нибудь – девять лет.

Вот и пойдی Расскажи, что не было на Дону своей аристократии. Была она, аристократия эта, и даже вырождалась.

Видимо, не помогла свежая кровь базарной торговки Меланьи Карповны, не оросила она, не пробудила к жизни высохшее ефремовское родовое древо.

Досталась Матвею Платову изнеженная аристократочка, если верить легенде, – пылкая, созданная для того, чтобы поставить ее на пьедестал и боготворить. Для семейной жизни обстоятельство это не совсем благоприятно, но можно предположить с большой долей вероятности, что о скуке в семейной жизни Матвей Платов забыл надолго.

Припомним, кстати, что были у этой аристократочки такая мама (а у Матвея Платова – теща), как Меланья Карповна, и два младших болезненных братца, а девочки, если с детства привыкли заботиться о младших братьях, то вырастают и становятся прекрасными хозяйками, идеальными женами для непостоянных, ветреных, инфантильных мужей.

Кроме того, наверняка научила она его неординарно мыслить и выражать свои мысли, отточила приобретенное в долгоруковском штабе умение держаться и одеваться, уверенно говорить (ну, это он и сам прекрасно мог делать), помогала советом, а может быть, и деньгами. Даже по логике выдуманного нами сюжета ждало их неизбежно некое разочарование, ведь образы друг друга были ими самими придуманы. Застенчивые улыбки до свадьбы могли смениться фразами: «Да вы, любезнейший, просто чурбан неотесанный». Но не

думаю, чтобы изнеженная аристократочка устояла против такого орла, как Матвей Платов, рубака и матерщинник, в его лучшие годы.

Позавидуем Матвею, вся жизнь которого крутилась вокруг такого явления, как любовь, который всю жизнь или сиял, или был убит горем (в зависимости от любовных дел), то мирился, то ссорился со своенравной женой, был страстен, но непоследователен, болезненно ревнив и ветрен, и все домашние «концерты» с любовным лепетом, свечами, обожанием, восторгами и лестью делил не с кем-нибудь, а с дочкой самого Ефремова. И «оттягивался» так целых пять лет.

Другое дело, что новая родня и черкасские верхи, куда он ворвался благодаря новому своему положению, считали его выскочкой и не скрывали этого. Один из братцев Наденьки женился на дочери известного Акима Карпова, другой на Авдотье Иловойской, дочери войскового атамана, и сам Алексей Иванович, опаматовавшись, просил в письме у сидевшего в Санкт-Петербурге Степана Ефремова разрешения на этот брак. Вдумаемся: правящий на Дону войсковой атаман просит разрешения у опального, чтоб сын опального женился на дочке правящего. Абсурд? Нет, был теперь пострадавший «за казаков» Степан Ефремов для донцов вроде святого. И пострадал человек, и спасся чудесно, и... далеко от Дона, от неисчислимых дрязг. А если вспомнить его бывшее величие?!

Не знаем мы, честно говоря, как уживался Матвей со своей тещей, красавицей Меланьей Карповной, при ее властности и иных достойных уважения качествах. Но как-то ужился.

Что ж, и Суворова, который женился на молоденькой и очень знатной Прозоровской, новая родня, то есть весь высший свет, считала выскочкой. Не ты, Матвей, первый, не ты и последний.

Пять лет прожил Матвей Платов с молодой женой и родившимся очень скоро сыном Иваном. Только в 1782 году ушел на службу. Считалось, что все эти пять лет состоит он «по Войску», в общем – служит, но дома сидит. Срок для исправного офицера немыслимо большой. Редко кто так долго без реальной службы оставался. Изучаем мы службу донских офицеров: год, самое многое – два при Войске, а там опять поход года на три-четыре. Пять лет при Войске высиживали рядовые казаки, трудяги, обремененные семьей. И Матвея Платова выдержали при Войске пять лет, как рядового казака. То ли полковников много за предыдущую войну расплодилось, что на всех полков не хватало, то ли специально показывали, «кто есть кто» в Войске Донском.

Приглядимся к спискам донской старшины того времени. Есть тут одно темное место, непонятное нам.

За 1783 год числится в донской старшине 47 человек. Потом это число возрастает. Перехватывая у донской казачьей верхушки власть, центральное правительство традиционно увеличивает количество лиц, причастных к этой верхушке. Еще римские цезари так делали: если хотели ослабить римский Сенат, удваивали количество сенаторов. Чем больше народу, тем труднее договориться меж собой.

Было среди донской старшины пятеро Денисовых, четверо Грековых, трое Иловых, двое Кутейниковых, двое Ребриковых, двое Агеевых, прочих родов представителей по одному. Сразу видно, кто Дон «держит». Главнейшим из старшин считался Алексей Иловый, атаман, за ним – Себряков Михаил, далее двое Денисовых, потом Мартынов и Луковкин, поднимаемые Потемкиным вверх за верность престолу. Большая часть – потомственные старшины. Некоторые получили «старшинство», как только в службу вступили, таковы Себряков, Григорий и Кондрат Денисовы, Алексей Пушкарев, Иван Дячкин, Алексей Краснощеков. Последний стал донским старшиной в одиннадцатилетнем возрасте. Но были и простые «казачьи дети» среди донской старшины. Таков Луковкин, отличившийся против Пугачева и удачно женившийся, выкрест из чеченцев Осип Данилов, старший из Грековых

– Макар, и еще один – Василий, Еким Карпов, оба Агеевы, Петр Кубанов, здесь же Иван Федорович Платов. Встречаем мы выходца из польской шляхты Петра Попова и сына священника Попова – Афанасия. Но не это для нас главное. Каждый год донская старшина – первый десяток, награжденный чинами, и все прочие, русских чинов не имеющие, – подавали в войсковую Канцелярию послужные списки: кто где был и какую службу нес с начала ее. И лишь против фамилии Матвея Платова с завидным постоянством все 80-е годы встречается запись: «На посланный ему войсковой приказ по подаче с прописанием его службы рапорта поданным рапортом представил, что он о том подал о себе рапорт его светлости генералу-фельдмаршалу и разных орденов кавалеру князю Григорию Алексеевичу Потемкину». И еще – за один год есть краткая запись: «В Петербурге». Что ж, будем надеяться, что он туда не с доносами ездил.

Весной, до того как выехать на все лето с семьей на хутор, Платов пропадал на рыбалке. И в тот день вернулся усталый, обветренный, пропахший рыбой и весенней сыростью. Похозяйски в грязных сапогах прошел в залу и расселся там, наблюдая, как загудел дом, встревоженный его возвращением. Жена, Надежда Степановна, вскричала трагически:

– Матвей Иванович, да что же это такое?! – и потащила служанку срочно затирать грязные и мокрые следы.

Сын, прозевавший возвращение отца, выскочил откуда-то, и жена сразу тревожно вскрикнула:

– Ванечка, не мешай отцу!..

Через минуту она обвила шею мужа руками и, отрываясь от разговора со служанкой, которой давала последние наставления, спросила:

– Друг мой, тебе хорошо со мной? Правда?

Матвей промычал что-то приличествующее моменту.

– Нет, иногда мне кажется, что я все делаю не так. Ты поправляй меня, сделай милость, – она отстранилась, пристально рассматривая в зеркало, как уложены у нее волосы.

– Там казак ждет с ордером от Иловайского, – сказала служанка.

– По крайней мере, отогрется и напьется чаю. Ступай, – велела Надежда Степановна.

– Ордер от Иловайского? – переспросил Матвей, снимая ее руки у себя с шеи.

Мимолетные объятия и поцелуи при прислуге, и всё как-то не вовремя, то, что само собой установилось за последние пять лет, стали раздражать его в последнее время. И жена, он заметил, стала худая и какая-то дерганая, никакого удовольствия.

– Эй, позовите казака! – крикнула Наденька, вновь обнимая его за шею и прижимаясь щекой к щеке.

Матвей попытался подняться навстречу посыльному, но она одним легким движением всего тела оказалась у него на коленях и радостно, словно обманула кого-то, рассмеялась.

– Давай, – протянул Матвей руку за пакетом, встречая казака сидящим и с женой на коленях.

Казак, не меняясь в лице, молча протянул искусно сложенную бумагу.

Матвей знал, что это ордер ему формировать полк для выступления на службу. Свои ребята в Войсковой канцелярии держали его в курсе всех подобных дел.

– И что же там нам пишут? – прижималась Наденька, заглядывая в бумагу.

Доставляя ей удовольствие, Матвей разборчиво прочитал ордер, задумался. Жена тоже притихла.

– Надо к атаману сходить, – решил Матвей, перехватил Наденьку одной рукой под колени, поднялся, держа ее на весу, опустил на освободившееся после себя место и крикнул. – Эй! Кто там?.. Одеваться!

Иловайский был добр и ласков. Обдeldывал он как раз одно дельце, сосватывал Степана Ефремова-младшего и дочь свою Екатерину, и потому угождал всей ефремовской родне и

зятю, Матвею Платову в том числе. Поговорил, поулыбался, напоказ полюбовался высоким красивым полковничком. Сказал, что в апреле собираться, а в мае выступать, и отпустил.

На другой день к вечеру появился к Матвею батюшка, Иван Федорович:

– Куда ж тебя?..

– На Кавказскую Линию.

– Кого ж сменяете?

– Каршина... Еще кого-то...

Видно было, что батюшка и сам все прекрасно знает, а пришел со своеобразным экзаменом. Упустил он время, не проводил сына в первый раз на службу, тот сам к нему появился, теперь вот наверстывал. В разговоре намекнул, что это он упросил Дмитрия Иловайского, ходившего на Кавказскую линию походным атаманом во главе трех донских полков, взять Матвея полковником.

– Твой полк, самого Иловайского и Василия Орлова. Подходящая компания, казаки надежные...

– Ладно уж. Как-нибудь...

– Не «как-нибудь»! Ты гляди, Матвей, тебе раз повезло, другой раз так не повезет. Тут служить надо будет. Тебя и так молодостью попрекают...

– Хорошая молодость! Вон Степан Кутейников с полком на Кагальник идет, а ему сколько? Восемнадцать лет! А мне, слава Богу, уж под тридцать.

– Так то Кутейников. Ты не равняй... Там он всю черкасию с собой собирает, Луковкина, сопляка... Других...

Понятно. Каждый метит на самый верх и загодя собирает команду, с малых лет будет тащить верных ребят, представлять к чинам, чтоб сплотились они вокруг него, зависимые и благодарные, чтоб поддержали в нужную минуту.

– Ты-то кого берешь? Список есть? Или не подобрал еще чиновников?

– Вот он.

– Данила Арехов... Это хорошо, – вчитывался батюшка. – А что Кошкина не взял?

– Его сам Иловайский хорунжим берет.

– А-а... Ну, Иловайский знает дело... А это кто? Мержанов? Он сроду на службе не был, а ты его зауряд-есаулом берешь? Ни сноровки, ни опыта...

– Зато деньги большие есть, – ухмыльнулся Матвей.

Алексей Мержанов, сын грека, служившего на таможне, в формируемом полку Матвея Платова был самым грамотным, знал три языка – русский, греческий, французский, – русскую грамоту, а кроме нее арифметику и географию. Двадцать один год, на службе ни разу не был, но Матвей брал его на вакансию есаула, рассчитывая на мержановские несправедливые деньги в трудную для хозяйственной жизни полка минуту⁶².

– Кто там еще? Еким Карпов... Васька Герцов... Оболтусы, им лет по семнадцать-восемнадцать. Их тоже в есаулы хочешь? Ежов... Этот постарше...

– Всё в наших руках, – усмехался Матвей. – Давай Петьку ко мне в полк запишем, я его тоже в есаулы выведу.

Петька, младший из братьев, подрос уже, надо было его пристраивать.

– Я его в полк к Ивану Янову сотником записал, – не отрывая глаз от списка, ответил Иван Федорович.

– Вот видишь, ты четырнадцатилетнего сотником записал, а мои, Карпов и Герцов, старше, – усмехался младший Платов. – А что не ко мне? Что Янов – на Кубань, что я – на Кавказ...

⁶² Неказак Мержанов мог бы пройти в полковые есаулы с согласия Круга казачьего полка. До царствования Павла это практиковалось.

– С Яновым надежнее, – поднял глаза Иван Фёдорович и своей усмешкой сбил усмешку Матвея. – Ты вот что... Ты запиши к себе хотя бы хорунжим моего Сашку Чудина. Он со мной везде был, все знает, вроде твоего Арехова. Это не твои... чжигиты...

В мае 1782 года полк Матвея Платова вместе с другими донскими полками наконец-то выступил на Кавказскую линию. Вновь началась служба.

Об очередной службе Матвея Платова на Кавказе известно крайне мало. В. А. Потто, собравший в своей многотомной «Кавказской войне» данные о всех мало-мальски известных людях, участвовавших в тех событиях, и детально описавший бой при речке Калалах, больше Платова на Кавказе не упоминает, более того – пишет: «Дальнейшая служба Платова не принадлежит Кавказу».

Однако послужные списки «чиновников» платовского полка говорят нам иное. Стоял полк на Кавказской линии, на речке Лабе, дрался с черкесами и чеченцами. Платов двигал вверх взятых с собой юных дружков. 4 января 1783 года был произведен в есаулы восемнадцатилетний Аким Карпов, брат жены платовского шурина Данилы Ефремова. Есаулом был утвержден Алексей Мержанов, «греческий сын», чей папа подвизался на Темерницкой таможне. Из послужного списка Мержанова видно, что боев было немного. В феврале 1783 года – перестрелка с «закубанцами», а в сентябре того же года – четырехдневное сражение с чеченцами. Речь, видимо, идет об известной экспедиции генерал-поручика графа Павла Сергеевича Потемкина, двоюродного брата светлейшего князя Таврического, который в это время командовал Кавказским корпусом. В марте 1783 года он сжег аул Атаги и положил четыреста чеченцев в Ханкальском ущелье. Но дальнейшее строительство им укреплений на кабардинской земле вызвало новое «единодушное неудовольствие всех горских племен». Не только кабардинцы, но и лезгины, чеченцы и кумыки пытались помешать работам. Осенью 1783 года русские войска перешли Сунжу. Сам Потемкин штурмом брал Ханкальское ущелье, а отряд генерала Самойлова шел дремучими гехинскими лесами, «и битвы гремели на берегах Валерика, Гойты, Рошны и Гехи», – пишет Потто. На этих четырех речках и дрался, видно, четыре дня полк Платова. «Чеченцы на время присмирели. Вся экспедиция эта окончилась в несколько дней...»

Поздней осенью того же 1783 года пришло печальное известие: 15 ноября скончалась жена Платова, Надежда Степановна.

Был ли он в отпуску дома в связи с этим траурным событием, Бог весть. Но 1 июня 1784 года с Дона посылаются новые полки сменить на Кавказской линии четыре полка походного атамана Дмитрия Иловайского; среди сменяемых – полк донского полковника Матвея Платова.

Может быть, потому не замечены оказались новые платовские подвиги, что как раз в это время, в 1783 году, все внимание современников было обращено на другие очень важные и очень кровавые события.

Глава 6. Ногайцы, царская ласка и Адриан Денисов

В 1783 году Россия присоединила Крым, а на Кубани были разбиты и уничтожены ногайцы.

Лет за двенадцать до этого переселила Матушка-Императрица из Бессарабии на Кубань четыре ногайские орды, тысяч двести, а то и триста. Переправились они через Дон и стали за Кагальником между черкесами, калмыками и казаками. А степь – она не бескрайняя. Тут и так до этого три орды ногайские кочевали. Десять лет прожили пришельцы мирно. Изредка с черкесами цапались, за Кубань их прогоняли. А потом началось...

Год был голодный. Зима морозная. У казаков полмиллиона голов скота пало, а у ногайцев и не счесть. Летом – саранча с калмыцкой стороны...

Запросились ногайцы на Маныч, на казачьи уголья. Сборища начались и передвижения массами. Как водится, меж собой задрались, да еще и поветрие пошло.

Казаки сами сена почти не запасали, на сенокос по повинности выходили, целый полк для этого снаряжали. Что скотина под снегом найдет, то и ее. Так что ногайцев к Манычу, к богатым местам, Войско и близко подпускать не хотело. Разрешил им Иловайский кочевать по Кагальнику и Егорлыку, к Манычу на двадцать верст не подходить.

Зимой все ж столкнулись. Изранили татары какого-то казака. Кинулись донцы: «Согнать!» Подскакали к кибиткам, глядь – гибнут ногайцы от стужи и голода, просят: «Хоть режьте нас, но не дайте скоту погибнуть...»

Летом приехал на Дон Суворов, а зимой ездил Иловайский в Херсон, к Потемкину, вернулся и обнадежил:

– Конец ногаям!

После Пасхи через Дон по понтонному мосту пошли на Кубань русские войска.

Ходили старые казаки по Черкасску, пугали:

– Вот поглядите! Татарву прикончат – за нас возьмутся. Через чего ж это?

– Только нам и ласки, пока на рубеже стоим...

Ногайцы перепугались, повторно России присягнули. Стали Суворов и Потемкин их «добровольно» на Урал переселять. Султаны ногайские плакались, просили, чтоб их на Маныче оставили. Тут уж казаки уперлись. В верхах в конце концов решили поселить ногайцев на левом берегу Волги. Вести их на Маныч, на Сал и над Доном до Царицына. Богатые уйдут, а байгушей, кто останется, расписать по станицам, в казаки поверстать. Донцы же, зная за ногайцами, что они «легкомысленны, лакомы, лживы, неверны и пьяны», выставили к границам Войска поголовное ополчение.

Переселение началось. Но, выйдя на топкую речку Ею, ногайцы взбунтовались, повернули и стали прорываться обратно на Кубань. Русские нажали на переправе и устроили побоище. Кибитки ногайские увязли, степняки, порезав в отчаянии скот, порубив жен и детей, ушли налегке, верхами, укрылись за Кубанью.

Суворов за неудачу с переселением получил выговор...

Ясно стало, что ногаев в покое оставлять нельзя, они теперь озверели, будут мстить и все разорять. Только донцы на Кагальнике успокоились – Иловайскому от Суворова приказ: десять полков в ночь под Покров выставить скрытно к устью Лабы.

Набрали донцы молодняк, пополнили им полки. Для молодых первый поход, как сон или сказка. Шли всем войском по золотой, сухо блестящей степи. В назначенный час стекли беззвучно в кубанскую пойму. Здесь уже ждали их три полка казачьих, пехота, кавалерия, сам Суворов.

Лазутчики донесли: стоит орда за Кубанью, у Керменчика, растянулась по-над Лабой верст на десять. Не медля, начали переправу – 75 сажень чуть ли не вплавь – на ту сторону

обмелевшей Кубани. Пока пехота отогревалась, казаки пошли вперед. Крались, затаив дыхание, беззвучно, невесомо... На рассвете накрыли ногайцев.

И пробуждением от чудесного сна были атаки и резня жестокая, когда не щадят ни стариков седых, ни детишек малых. Одни сутки решили все дело.

Пригнали казаки на Дон тридцать тысяч коней, сорок тысяч голов скота, овец без счета. Четыре тысячи ногайцев привели и разобрали в работники, в рабство. Давно такой добычи не было! Закубанские черкесы ногайцев добились. Забирали их тысячами, двух ногайцев на одну лошадь меняли. Исчезла орда, как слизнуло ее.

Перестал Дон быть пограничной чертой. И впрямь стал он «тихим» и «задремал, как старец, утомленный многолетними боевыми трудами». Жизнь пошла иная, и времена наступили новые. Но это еще не известно, что лучше.

В 1784 году Матвей Платов вернулся с полком с Кавказской линии в новый мир и в новом качестве, молодым вдовцом. И всем это бросилось в глаза. Жизнь свою и чувства он от людей не скрывал, и все видели, когда он был пламенно влюблен, или только что счастливо женился, или собирается, или, потеряв супругу, горем убит.

Но безвременную потерю Матвей перенес мужественно. Как там у Льва Толстого? «Нет, жизнь не кончена в тридцать один год, – вдруг окончательно, бесперенно решил князь Андрей...»

И Платов в том же году женился на Марфе Дмитриевне Кирсановой, вдове полковника Павла Кирсанова, дочери известного всем и каждому на Дону Дмитрия Мартынова, взял ее с двумя детьми. Был «ефремовский зять», стал «мартыновский».

Ефремовы и вся их родня надулись. Родной брат Павла Кирсанова, Сидорка, собственно, Ефремова и «посадили», доносов на него настрепал. Выходит, что переходил Матвей Платов из лагеря в лагерь.

Власти мартыновской предела не было, богатству – исчисления. Тут лихому Платову и чины пошли. Из донских полковников пожаловали его в армейские майоры, а там и в подполковники. Но главное, сохранив ефремовское приданое, взял он за Марфой Дмитриевной немало и стал одним из богатейших на Дону людей.

Жена, Марфа Дмитриевна, была моложе его на семь лет. Платову она, видимо, нравилась, и он желал соответствовать. Когда перешел он из церкви Петра и Павла в прихожане «аристократической» Воскресенской, то, записываясь в исповедальной книге, скостил себе четыре года. И она исправно рожала ему детей. Помимо двоих от первого мужа, еще шестерых Матвеем Ивановичу родила.

Опираясь на обрывочные сведения, представим и даже домыслим, какой была Марфа Дмитриевна. При богатстве и связях отца и при собственных средствах она спокойно могла бы вывести в люди детей от первого брака, но, видимо, страдала, оставшись в одиночестве, без ощущения близости, без осязания тепла. Опять же – всего двадцать четыре года женщине. Потому и вышла за Платова, вдовца, с ребенком, семь лет разницы...

Внешне она представляется стройной, худощавой, с умными красивыми глазами, привлекательная, и в зеркало, наверное, частенько заглядывала. Тиха, бесшумна, спокойная, чистенькая, с прекрасными манерами. Морально чиста, правдива, но не наивна.

Мы знаем, что все огромное хозяйство она взяла на себя, и Платову ни о чем не надо было заботиться. У нее в руках, видно, был и семейный бюджет.

В наследство от отца получила она острый, язвительный ум, речи ее были с подтекстом, и выговаривать могла за какую-нибудь мелочь, становясь колкой, ехидной. И если уж упиралась, то ничего ей не докажешь.

Любила птичек и кошечек, а попрошайек, нищих и бездельников презирала.

Вечно болела (когда муж отсутствовал): желудок, голова, ноги, кашель нехороший...

Но при всем при этом была Марфа Дмитриевна спокойна и хладнокровна, не хныкала и помощи не просила, сама помогала. Представляется, что взаимоотношения ее с мужем более напоминали дружбу, чем любовь.

Он любил покрасоваться, а она любила им полюбоваться. Прекрасная пара!

После свадьбы тесть, Дмитрий Мартынович, отмеченный самим Потемкиным и поставленный по его указу неперменным войсковым судьей, уехал на два года в Петербург с ходатайством Войска Донского об утверждении границ Земли Донских Казаков. Остался Матвей сам себе хозяин. Отлучался часто: то поголовный поход на волков, расплотившихся на войсковых угодьях, то всеобщий поход за Кубань на обнаглевших черкесов. Каждый год месяца на полтора собирали всех, кто дома на льготе сидел, шли, гоняли хищников, иной раз до снеговых гор доходили.

А когда, наскочившись, являлся он домой, то встречал верность и преданность, готовность к любви, никаких сцен ревности и справное хозяйство.

Родилась дочь Марфуша...

Детей Матвей всегда любил и жалел. И пасынка Павла, и падчерицу Екатерину всегда наравне со своими отличал, одаривал.

В 1786 году половодье было невиданное. Помер как раз бригадир Краснощеков – Царствие ему Небесное! – так два месяца без погребения лежал, ни лоскутка земли в островном Черкасске для могилы найти не могли. Так и называли тот разлив Краснощековской водой.

Матвей Платов в «Краснощековскую воду» хоть дома посидел, в семье, пока не уехал вновь и надолго. С Кубани, куда Матвей ушел с полком в очередной раз, его вытребовали в начале 1787 года.

В Войсковой Канцелярии было суетно. Все ждали возвращения Мартынова с утвержденной картой войсковых земель. И не только Мартынова. Все должностные лица во главе с атаманом Иловайским в то же время готовились куда-то ехать.

В Канцелярии Платов перехватил знакомого писаренка, Ваську Миллера:

– Что за беготня?

– Царицу встречать, царица едет...

– К нам, на Дон?

– Упаси, Боже!.. В Таврию...

– А-а...

Императрица Екатерина Великая еще в январе выехала из Петербурга в Киев, где ждал ее верный Потемкин, и там в окружении блестящей свиты, своей и потемкинской, проводила время на балах, ожидая, когда вскрыется Днепр, чтобы продолжить путешествие на судах.

Весь юг империи, как наэлектризованный, ждал, когда же двинется в путь августейшая путешественница, готовился встречать, вожделел наград и трепетал перед возможными карами.

Атаман Алексей Иванович Иловайский с супругой и толпой родных и близких, Иван Каршин со степенными казаками и всеми войсковыми регалиями, несколько полков, спешно снятых с Линии, и войсковой есаул Иван Родионов с особой пятисотной командой лучших доброконных казаков двинулись, прихватив еще и калмыцкий отряд, в сторону Перекопа в самом конце месяца.

Степь у Черного моря уже расцвела. Неисчислимые стаи птиц кочевали на лиманах; взлетая, закрывали половину неба. Лебеди, утки, кулики. Дальше в степь появились стрепеты, жаворонки, шныряли бесстрашно лисы в поисках легкой добычи.

У Каменного Моста донцы стали табором. Всего собралось тысячи три с половиной. Раскидали дозоры, назначили дежурства. С изумлением оглядывались на невиданную по размаху работу, которая кипела в новоприобретенной⁶³ Тавриде.

Переселенцы, потемкинские рабы, собранные с украинских городов однодворцы поднимали и возделывали сроду непаханную землю, мостили дороги, прорежали леса, превращая в парки, возводили арки и целые дворцы. Солдаты из блестящих лагерей в форме нового покроя ежедневно упражнялись в маршах, стрельбе, сложном маневрировании; орала до хрипоты офицеры, но мордобоя особого не было заметно...

В ожидании оглядывали себя, подтягивались, шли первые прикидки: все ли по достоинству представлены, нет ли ущемления какому роду или станице.

Матвею черкасские ребята в первый же день, как разместились, сказали:

– Тут одни Денисовы да Иловайские. Черкасню задвигают. Крутит чего-то атаман...

Да, бывало, красовался Черкасск на одиннадцати станицах, как Рим на семи холмах. Богатели казаки, расцветали, переплетались (роднились фамилиями). В Гражданском правительстве пухли папки дел гражданских: заняли... перезаняли... втемную всучили... В Скородумской при «кроткой Елисафет» даже деньги фальшивые делали, был такой – Гусельщик, воровских денег мастер. Черкасна – Грековы, Яновы, Мартыновы, Кутейниковы – насквозь родные и кумовья, все захватили, все Войско в кулаке держали. Столица! Иных станиц казаков левой ногой отпихивали. А те, провинциалы тщеславные – Красновы, Денисовы, – лезли, места себе выцарапывали или в Россию пускались, во все тяжкие, и знатную карьеру себе там делали.

В Таврии встречали императрицу полковые командиры Карп Денисов, Петр Денисов, Илья Денисов, Петр и Павел Иловайские, Василий Орлов, и в полках их все те же Денисовы и Иловайские, только выростки. Подполковник Карп Денисов с сыном Логгином и двадцатидвухлетний войсковой старшина Павел Иловайский, атаманов племянник, конвоировали Ее Величество во главе двух полков от места высадки и до самого Перекопа. Иван Родионов пятисотную команду разбил на подставы, чтоб никакой задержки царице не было.

Спускалась по Днепру вся компания на 80 судах, в Кременчуге смотрели потешное сражение, данное войсками генерал-аншефа Суворова, достигли Херсона и двинулись степью.

Войско Донское во главе с самим атаманом встретило императрицу «уклонением знамен» далеко в степи и сопровождало до Каменного Моста, где приветствовала ее салютом донская артиллерия, а казаки изобразили общую атаку с гиком, свистом и стрельбой.

Здесь же, в заранее разбитом лагере, отведывая от местных блюд, Екатерина знакомилась с Алексеем Ивановичем Иловайским и некоторыми донскими штаб-офицерами.

Какая-то юркая личность из потемкинского окружения расставила представляемых по парам, подбирая по росту и даже внешнему сходству. Матвей Платов попал с Василием Орловым. Оба рослые, темноволосые, горбоносые, но у Василия глаза темные, горячие, и сам потушистее, Матвей же стройнее и глаза холодновато-голубые.

Императрица, одинаково ласковая со всеми, милостиво улыбнулась представляемым и сказала кому-то из свиты:

– А что, Левушка, каковы у князя Григория казаки!

Платов и Орлов, поклонившись, отступили в угол. Следующая пара явилась пред светлые очи.

На другой день перед отъездом представлялись государыне и были пожалованы к ручке жена атамана (урожденная Дячкина), дочь его и жена бригадира Денисова (урожденная Чернозубова), а также сам атаман и многие донские чиновники.

⁶³ Завоеванной у крымских татар.

И Платов царице руку целовал, и улыбнулась она ему, словно узнала. Рассаживалась свита, с кем-то кто-то прощался, а Матвею уже шептали:

– Ты царице понравился. Езжай заследом... Ничего, главное – Потемкин за нас...

Поскакали в Перекоп. Там под надписью: «Предпослала страх и принесла мир» на городских воротах Императрица сказала несколько хвалебных слов, а потом за завтраком особо был представлен ей бригадир Федор Денисов, среброкудрый красавец, страшный врагам, который должен был конвоировать Ее Величество с отборной командой в пределах Таврической области.

– Переплюнули Денисовы, Федьку подставили. Ну, этот своего не упустит, – разгоряченно шептали Матвею увлеченные черкасцы.

Поскакали далее по Крыму блестящие кавалькады. Федор Денисов, вызывая невольное восхищение, картинно рысил, чуть приотстав от Императорской кареты. Видный, ловкий, учтивый и находчивый, должен был он сделать во время этой поездки блестящую карьеру...

Иловайский, довольно потирая руки, стоял в толпе радостных донцов.

– Облаготельствовала матушка... Обсыпала наградами... Вечно Бога молить...

Тесть, Мартынов, не выказывая особого восторга, но, увлеченный общим возбуждением, отвел Матвея в сторону:

– Всем чины новые дала. Тебе тоже, – заговорщицки понизил голос. – Присматривай ребят... из наших... Дело одно затевают... Пока помалкивай...

Матвей согласно кивал. Новая, сдобренная интригами жизнь, та же, что при долгорукском штабе, но неизмеримо пикантнее и прекраснее из-за присутствия самой Императрицы, да иностранцы, тонкие, насмешливые, заметные среди расфуфыренного царского окружения, что придавали всей этой жизни новый заморский аромат, – все это привлекало, манило его, заставляло невольно оглядываться на покидаемые, опустевшие и притихшие места царской стоянки.

Шумно и радостно тронулись донцы в обратный путь. Чиновники – с чинами и орденами, остальные – одаренные сукном. Платов несколько раз спрашивал вроде невзначай тестя, что за дело начинается, на что ребят подбирать, подговаривать. Мартынов отмалчивался, тугое пузо поглаживал. Тоже еще тот упертый дядя. При Петре Великом, после страшных булавинских дел, хвастал один атаман, Наум Мартынов, нимало расправой не напуганный, есть-де у нас донские вольности, а если царь будет непорядком смотреть и поступать, то хвалился царя смирить. Что с тем Мартыновым стало, неизвестно, но и этот, войсковой непереманный судья, не хуже.

Только вернулись, не успели оглядеться, настиг Матвея Платова ордер от князя Потемкина явиться в Екатеринослав за новым назначением. «Ага! – но так и не мог придумать, на что мог всесильному князю понадобиться. – Либо в какую-нибудь глухомань походным?..»

В Екатеринослав, городишко на берегу Днепра, Платов прискакал в полуденное время, а к Потемкину попал в обед. Дежурный офицер провел Матвея мимо парных часовых в полутемную комнату, переполненную и шумную. Распахнутые окна не могли рассеять духоты. Во главе низкого стола, на диване, сидел мужчина лет пятидесяти, одноглазый, в распахнутом на груди халате, и задумчиво жевал, подперев рукою двигающуюся челюсть, отчего вместе с челюстью размеренно двигался кулак.

На рапорт Платова он поднял один ставший пронзительным глаз, который сразу же потух, потускнел, левой рукой вяло провел над столом:

– Садись, казак, обедай с нами, – и повысил голос: – Эй, Петруха, подвинься, усади полковника!

На краю стола один из ординарцев, молоденький носатый инородец, молча потеснился, высвобождая место. Слуги подскочили с прибором.

Халат Матвея не удивил. В Черкасске и ближних станицах в халатах даже в церковь ходили. Удивило обилие блюд, редких даже у Долгорукова. Одни он угадал с первого взгляда, другие так и не смог опознать. Осетрина, устрицы, маслины, сыры стояли вперемешку с дымящейся медвежатиной. Хозяин отдавал должное дичине, сам жевал темную зайчатину, заедал ее хлебом с чесноком. Крошки сыпались на волосатую грудь, и он иногда их лениво смахивал. Разноцветные настойки, водки соседствовали с закупоренными бутылками шипучего. И то и другое пилось так же вперемешку. Какие-то бабы, и благородного вида, и попроще, сидели меж офицеров и особо густо вокруг самого Потемкина. По правую руку от светлейшего сидел не замеченный поначалу Матвеем бандурист.

Обедали долго, до поздней летней темноты, временами Потемкин что-то вспоминал и посылал куда-то сидевших за столом ординарцев. На освободившиеся места садились беспрестанно появлявшиеся новые люди, те же вернувшиеся ординарцы или новоприбывшие чиновники, вроде Матвея. Неторопливо и постоянно вершилась целая сотня дел. Дежурный то и дело подводил кого-то к Потемкину, рассаживал, уводил, здесь же в уголку писал бумаги.

Матвей поначалу приглядывался, потом поймал на себе повторно молниеносный взгляд хозяина, пригладил усы, взял ближайшую бутылку с настойкой, понюхал: – «Рябина?...» – набултыхал себе полный бокал, выпил, подкатывая глаза, набычился, отмахнулся, аж плечами передернул.

– Закусывай, – гулко подсказал Потемкин.

Сидевший рядом инородец «Петруха» подвинул что-то кисло-овощное:

– Кушайте, полковник.

Матвей, закусывая, шарил глазами по столу, сказал, не прожевав:

– Ох и добрая у вас водка, ваше-ство!

– А ты думал... Подлей ему вон из того графина, – указал Потемкин кому-то из офицеров.

Офицер, перегибаясь через стол, налил Платову в рюмку чего-то едко-зеленого. Матвей и этого дёрнул и сквозь наворачнувшиеся слезу взглянул на хозяина, но тот, успокоенный, больше не обращал на Платова никакого внимания до самого конца обеда.

Когда вставали и расходились от стола, дежурный офицер тронул Матвея за рукав и указал главами на боковую дверцу. Входя в нее, Платов наткнулся на какую-то молодую женщину, тоже замешкавшуюся, и долго обходил ее.

– Это моя племянница, – объяснил из глубины полутемной, освещенной факелами комнаты Потемкин. – Попов, подай бумаги... Подойди ближе, казак.

Попов, правитель потемкинской канцелярии, подал хозяину несколько листов.

– Думаем мы тут новое казачье войско создавать, Новодонское, а может, и проще – Екатеринославское, а тебя – наказным атаманом. Возьмешься?

Матвей утер усы и сказал:

– Возьмусь.

Потемкин вглядывался в поданный ему лист и объяснял:

– Здесь, на Украинской линии, однодворцы поселены. Мы их всех обратим в казачье звание и составим особый казачий корпус по образцу Войска Донского. Мало будет – еще людей нагоним. Твоя задача – сформировать из них полки по образцу донских. И быстро. Война скоро начнется... поторопись! Все мелочи тебе Попов расскажет. И про деньги тоже. Если что – заходи безо всякого, по-простому, – тут он потянулся и почесал волосатую грудь. – Выпьем, закусим... Тут бабы красивые есть... Давай, приступай!

Так началось формирование одного из многочисленных, недолго существовавших казачьих войск, на которые богат был Екатерининский век. Из однодворцев Украинской линии, из чугуевских казаков, калмыков и татар, из бугских и ингульских молдаван, вала-

хов и иных сбежавших от турок христиан, поверстанных в казачье звание, из потемкинских рабов с заднепровских поселений, из старообрядцев, мещан и цеховых Екатеринославской, Вознесенской и Харьковской губерний стал Матвей Платов создавать новое войско наподобие Донского.

Полки велено было разворачивать с размахом, более тысячи сабель. Началась перепись, оставляли в семье по одному работнику мужского пола из числа годных, остальных записывали в полки. Получил Матвей несколько новых мундиров, как образец, на остальные – немеряное количество сукна, получил седла, ремни, распределил все меж приехавшими с Дона малочисленными помощниками, себе оставил на свой собственный полк. Инспектировал подошедшие с Дона команды, чтоб новообращенных обучать. Казаки добрые, а чиновников мало. Намучился с табунами пригнанных лошадей: много было неуков, злых, брыкучих... В общем, пошла работа.

Война застала ее в самом начале, 12 августа. Объявить-то ее объявили, войну эту, но долго еще собирались и та и другая стороны, силы копили, новые полки набирали.

На Дону с 20 августа запретил Иловайский все отлучки, чтоб на ярмарки в Лугань, в Урюпин – ни ногой. Устроили перебор, станичные списки сличали: этот годен, а этот уже все – «выслужил лета, имеет в голове шум и два сына на службе».

В сентябре война началась по-настоящему. Русские войска перешли Кубань и предали огню селения поддерживавших турок закубанцев. Там же встретили их силы шейха Мансура, «пророка», мутившего весь Кавказ. Дело растянулось на несколько дней. Сам походный атаман Янов, в чьем полку служил младший Платов – Петр, получил две стрелы в голову.

Братца Петра Матвей выписал к себе в Екатеринославское войско: «Ну что? Где надежнее?», но здесь, в Екатеринославской армии, возглавляемой Потемкиным, в самом конце сентября задрались всерьез: турки высадили десант на Кинбурнской косе, и если бы не Суворов, рассекли бы русские силы на две части.

Больше до конца 1787 года больших сражений не было. «Весной начнем, – говорил Потемкин. – Готовь новое Войско». Платов, одобряемый и ободряемый светлейшим князем, из кожи лез.

Создавал Григорий Потемкин казачьи части, и не одно Екатеринославское Войско при его наместничестве было создано. А старейшее Запорожское Войско, признавшее, по легенде, его своим, «Грицьком»⁶⁴, разрушил и не поморщился. Был ли он романтиком казачества или провозвестником военных поселений, таким «блистательным Аракчеевым»? Скорее был он обычный прагматик, сын своей эпохи. Сама жизнь диктовала определенный тип поселений на приобретенной земле. Живут, землю осваивают, а если надо, обороняются лучше регулярного войска, защищают не абстрактную родину, а свой родной двор, жену, детей, удобу.

Прибыли с Дона знакомые ребята на вакантные должности полковых командиров, а полков намечалось не менее четырех, и сразу же возродилось извечное противостояние между «верхом» и «низом», черкаской и «провинциалами». Никак полки поделить не могли и не хотели. Сам Платов полк формировал, Иван Родионов полк получал, явившись к Потемкину с донесением от Кубанского корпуса, Петро Мартынов, новый родственник платовский, привел с Дона казаков новоприборных обучать и сам полк получил, а четвертым прислали Адриана Денисова, племянника Федора Петровича, того, что императрице в Таврии очень понравился. Денисовы и Мартыновы – извечные супротивники.

Адриан Денисов происходил, как и дядюшка его, Федор Петрович, из пятиизбянских староверов и был в эту породу упорен, храбр и упрямо честен. Отец его, Карп Денисов, вместе с платовским отцом, Иваном Федоровичем, участвовал в Петергофском походе, а в 1775-

⁶⁴ Есть предание, что Потемкин был принят в запорожцы с прозвищем Грицько Нечоса – т. к. носил парик.

м, уходя с собственным полком на службу в Санкт-Петербург, взял с собой двенадцатилетнего сына Адриана и отдал его в столице в учение. Учился юный Денисов по-французски читать и писать, а кроме того, изучал математику. Окончив учение, благодетелю Григорию Потемкину письмо благодарственное своей рукой с французской книжки списал, не вникая в смысл. Потемкину – а может, и секретарям его, – письмо маленького казака понравилось. Тринадцати лет записал отец в свой полк, через год дал чин есаула, а когда возвращались со службы, получил семнадцатилетний Адриан Денисов чин армии поручика. И Потемкин его знал, и граф Петр Иванович Панин, а когда в Черкасск он после службы явился и атаману представлялся, пригласил его Алексей Иванович к обеду, на котором молодой поручик удивлялся красоте девиц и прекрасным танцам, после обеда последовавшим.

Двадцати лет отправился Адриан Денисов на службу в Крым в полк дяди Тимофея Петровича, а походным атаманом там был дядюшка Федор Петрович. Батюшка, Карп Петрович, дал ему «на подъем» тридцать руб. денег и не приставил ни одного слуги. На робкий вопрос ответил, что сам он, начав служить, от отца своего и сего не получил, ныне же имеет двести душ крепостных... Полк, в котором Адриан службу нес, был брошен на Днестр, а потом совершенно неожиданно в Петербург, в разъезды и караулы. Потемкин, помнивший и отличавший Адриана, взял было его к себе в ординарцы, но служба у всесильного вельможи, которой многие тогда добивались, юному Денисову не понравилась, он отпросился у удивленного Потемкина, получил чин войскового старшины и уехал домой, где искал счастья в семейной жизни. Жenu ему взяли в Дубовке, в Волжском казачьем Войске, у чиновника Персиянова, но здоровая вроде девка после свадьбы сразу и на всю жизнь слегла, и ошарашенный таким невезением Адриан Денисов отправился на очередную службу в Новодонское Войско, в село Алябьевское, где и представился Матвеем Платову.

Был Адриан статен и крепок, но лицом худ и болезненно-бесцветен, щеки впалые, губы тонкие, сомкнутые, в Денисовых светловолос, бледен, вроде только-только Великий пост отговел. Платов его обласкал и обнадежил, как мог, когда хотел перетянуть кого-то на свою сторону, но внутренне насторожился. Сам он не был в вере особо крепок, доверялся приметам, снам, предсказаниям, а упертых староверов, вроде Денисова, не понимал и не то чтобы опасался, но все-таки был с ними настороже.

Денисов вьелся в работу, трудился до изнеможения, болел, кровь ему пускали. Наезжал к Платову, присматривался, искренне почитал Матвея за начальство. Матвей и вправду был на месте. Замашки начальника и опыт приобретенный пошли впрок, и служить при Потемкине, если уж ты князю понравился, было одно удовольствие. Чем дольше служил, тем больше нравилось. Приглядывался Платов к своему начальнику и восхищался этим человеком.

Любил тот по-детски пышность, в то же время оставался прост, горд, но обходителен, хитер, но со многими доверчив, скрытен, но часто откровенен, скуп, но если полюбит кого, ничего для того не пожалеет. Если захочет, всех затмит. Одежда, ордена, алмазы величины необыкновенной... Праздники без всякой причины давал. «Что отмечаем, Ва-ство?» – «Сто лет русской балалайки...» Потом вдруг находил на него «стих», и заваливался светлейший на софу, лежал босой и с ближними своими в карты или шахматы по неделям играл. Матвея сажал напротив и все удивлялся: «Как ты мои карты угадываешь? Подглядел?» – «С чего вы взяли, Ва-ство? Все по-честному, вот Попов свидетель...» – «Он их запоминает, – подсказывал Попов. – Я видел, он в уме считает». – «Запоминаешь, Матвей?» – «Да чего их запоминать, Ва-ство? Их всего ничего, тридцать шесть...»

Копировал Матвей потемкинские замашки и даже материться стал, чего с детства не позволял себе. Раз ворвался к князю: «Ва-ство, пропадаю... По счетам платить, а казначейство наше денег войсковых не дает». – «Отношение носил?» – спросил Потемкин, не оборачиваясь (в шахматы проигрывал). – «Носил. Говорят, что нету». – «Дай-ка...» Взял Потемкин

и написал поперек отношения: «Дать!» Молча подал Матвею через плечо. Деньги в тот же день выдали. Носатый инородец «Петруха», а по службе подпоручик князь Багратион, объяснил удивленному Платову: «Народ такой. Когда по-хорошему просишь, плохо понимают». Запомнил Матвей, стал крыть чиновников, особенно – интендантов, отборным матом, кулак под нос совать, и впрямь веселей дела пошли.

Новое войско приобрело вид. Донских казаков, прибывших на укрепление, растрясли один к десяти среди местных. Военными делами заправляли донские старшины, гражданскими – губернские власти. Определенного положения о новом Войске написать не удосужились, и донцы с Платовым во главе управляли по обычаю или по произволу. Сказал на Рождество Потемкин Платову: «Сформируешь полки за три месяца, дам тебе Владимира третьей степени». Платов и старался, опираясь на верных людей.

Петро Мартынов вернулся к донцам, а брат его, Андрей Мартынов, принял полк в Екатеринославском Войске и малолетнего сына Алешку к себе записал. Платов новому родственнику послал в помощь казака Арехова, Василия Быхалова, а заодно писучего Ефтефия Черевкова, чтоб не интриговал и козни не строил: Черевков всю жизнь к Денисовым склонялся – пусть у Мартынова послужит.

Себе в помощь выписал Матвей Ивана Кошкина, Ивана Погорелова, ну и молодых набрал, облагодетельствовал, – Марка, двадцатилетнего сына Ивана Родионова, к себе в полк есаулом записал, восемнадцатилетнего Степана Грекова тоже; ребята хорошие, но надежда на их слабая, пришлось Петра Семерникова от Петра Мартынова переманивать, есаулом ставить.

Батюшка Иван Федорович, оставленный за преждевременной старостью дома, слал к Матвею родню, протезировал. 1 марта заявился к Матвею казаком четырнадцатилетний Ванюшка, племянник двоюродный...

У Ивана Родионова – та же песня. Один Адриан Денисов сам как-то обходился. Начальников в сотни решил по-казачьи избрать – по два на сотню, – лишь бы грамотны были.

Весной полки худо-бедно, но были сформированы. Платов устроил им смотр. Казаки были на лошадях, артельные повозки – в наличии. В полку Денисова проверял посотенно: одежду, лошадей, выездку... Обученные Денисовым новонабранные, стоя на седлах, начали прыгать через рвы.

– Ты всех донских в одну сотню свел? – спросил Матвей. Денисов бесстрастно командовал:

– Пятая сотня, на препятствие... Ступа-ай!..

И пятая сотня начала на седла ногами становиться...

Платов Денисова благодарил, обнимал и обещал Владимира 4-й степени.

В апреле полки выступили на подножный корм к Елисаветграду, где им устроили учение, и сам Потемкин наблюдал с крепостного вала за «эволюциями». Платову сказал:

– Молодец, Матвей! Орден получишь, как я и обещал. Подготовь список, кого награждать или произвести.

Но когда Матвей такой список представил, уперся:

– Федька Денисов моих недругов верный клевет. Я Карпа ихнего из армии попер. А ты мне младшенького подсовываешь? Не ожидал, брат...

– Лучший командир...

– Гони его в шею! Он в сражениях участвовал? Кто его назначил?

– Да вы ж и назначили...

– Всё. Убрать. Полк его отдай Павлу Иловайскому, он парень хороший и офицер исправный. Пусть Денисовы с Иловайским столкнутся.

– Как же я Денисову скажу?..

– Ничего, скажешь. Пусть повоюет, волонтером пусть идет, без команды.

В тот же день молодой майор Павел Дмитриевич Иловайский, прихватив двух малолетних братьев, Гришку и Степку, записанных сотниками, поехал к Денисову принимать полк.

Денисов на другой же день явился к Платову, непосредственному начальнику своему, за справедливостью. Другой бы рыцарски обиделся и ушел в волонтеры, чтоб превзойти всех и назло самому князю Потемкину добиться его княжеской похвалы. Не таков был Адриан Денисов.

– Вижу, что невесел ты, Матвей Иванович, и занят делами. Извини, что беспокою. Матвей Иванович! Почему у меня полк отбирают?!

Платов так ничего и не успел придумать и сначала опрометчиво поклялся всеми святыми, что ничего не знает и ни в чем не виноват.

– Да как же, Матвей Иванович! Является ко мне Павел Иловайский...

Ладно. Отвел Денисова в сторонку:

– Это воля Потемкина. Я тут ничего сделать не могу.

– А я как же?

– Воля князя, чтоб ты шел волонтером, – сказал Платов, проклиная все на свете.

Денисов, сдерживая нервную дрожь и клацая зубами, ответил:

– Полк можно у меня взять, но принудить благородного человека влачиться по степям – не думаю, чтоб захотели, а потому я еду домой и буду учиться пахать и жить своими трудами. Так Потемкину и передай!..

Поехал в Елисаветград не то управу искать, не то жаловаться, рассказывал о своем горе князю Юрию Владимировичу Долгорукову, бригадир Горичу, кабардинцу, Попову, правилу потемкинской канцелярии, те Денисова жалели и «накручивали» еще больше. С горя он заболел и уехал в Кинбурн, в полк Орлова, лечиться. Оно и понятно – Василий Орлов на дочке Федора Денисова женат.

Потемкин, командуя целой армией, подрастерялся, как заметил Платов. Армия его, Екатеринославская, стояла один на один с турками. Румянцев с Украинской армией прикрывал Потемкина со стороны вражеской Польши. Потемкин, растерявшись, перед Румянцевым заискивал, прогибался.

Румянцев, зная слабость и распри поляков, двинул войска с польской границы, огибая потемкинскую армию, и занял Молдавию. Тогда наконец и Потемкин собрался, пошел на Очаков.

Оставив с облегчением дрязги, отправился Матвей Платов на войну. Новонабранное войско двинулось авангардом, так и называли его – Корпус передовой стражи Екатеринославских регулярных казаков. Погнали, помели турецкую конницу, загнали в Очаков, и Платов красовался перед созданными им полками. За славой и чинами слетелись к нему многие потемкинские птенцы.

Писали потом долгие годы писаки по разному поводу трафаретную фразу: «Лихие казаки молодецким ударом...» А как иначе? Так и говорили в древние времена: мол, бегут самодурью в степь в молодечество. А молодцы и бьют молодецки.

К 1 июля подошел с армией Потемкин и обложил город Очаков по всем правилам. Началась осада, которую благородный Румянцев, не выдержав, назвал «осадой Трои».

Правым крылом русских войск командовал генерал-аншеф Меллер, положивший начало славному баронскому роду вояк Меллеров-Закомельских, центром – князь Николай Васильевич Репнин, а левым флангом – прибывший из Кинбурга с войсками Суворов. Этот все подбивал начальство на штурм: «Я б этот Очаков еще в апреле взял...» Душу отводил с казаками на шермициях. Изошрялись казаки и мамелюки в лихости. Кто – кого?.. Выскакивали турки из крепости, все норовили Суворова захватить, а тот казаками загораживался. Видят раз: вьется перед русскими рядами бусурман, и не конь под ним, а сам сатана. Суворов – сейчас же: «Братцы, продайте мне этого конишку», и за кошелек. Казаки, не торгуясь,

кинулись – приводят коня: «Пожалте деньги!» Озлели мамелюки, налетели. Один было провалился, но успели, подняли его с седла на пики. Суворов ему, умирающему, из-за казачьих спин – ручкой: «Что, брат? Взяли?»

Потемкин не спешил, ждал, что турки, потеряв флот, сами ему город сдадут. Съехались в лагерь знатные господа и обольстительнейшие женщины, вроде как на пикник. Музыка гремела. Праздники устраивали под сенью крыл Амура – смертельная опасность от турецких ядер, постоянные сцены гибели и страданий обостряли инстинкты. Помимо турецкой крепости Потемкин не менее рьяно осадил некую графиню, которая из-за присутствия мужа, человека, по мнению всех, ничтожного, светлейшему князю не давалась. Раззадоренный Потемкин обещал в хмельном образе ближним своим, в том числе и Матвеем Платову: «Я эту фортецию возьму и в честь удачного приступа салют устроим. Будьте наготове!»

Раз завлек он бедную графиню в палатку, где и пала она жертвой его низких домогательств, а обделав дело, дернул светлейший особый шнурок, предупрежденные сообщники дали знак, и пушкари, с утра стоявшие наизготовку у батареи, отсалютовали на весь лагерь орудийным громом.

Муж несчастной (а может, и счастливой, – кто их, женщин, разберет?) графини, человек острый и безнравственный, лишь пожал плечами и усмехнулся: «Экое “ку-ка-ре-ку!”»

Однако турецкая крепость еще держалась. Более того, осаждавшие несли потери. В августе пуля чуть не до смерти убила Мишеньку Кутузова, на то время генерал-майора, попала ему в щеку и вылетела в затылок. А там Суворов чуть не погиб. Сбили турки пикет Бугского полка, напали на фанагорийцев. Сцепились, задрались. Стали русские одолевать. Суворов, тут как тут, решил на плечах турок в Очаков ворваться.

Выскочил он тогда перед казачьей лавой:

– Ребята, дело смертельное. Кто не виноват чужою женою – ступай за мной!

Из полка шестнадцать человек и сам полковник за ними поскакали. Дело и вправду страшное вышло. Суворова увезли, в шею раненного. Казаки, однако ж, все целы вернулись.

Простояли под Очаковым до зимы. И батареи уже возвели, и Березань запорожцы захватили⁶⁵. . . Снедаемый любовью, честолюбием и страхом князь Потемкин беседовал с музами, переводил «церковную историю» аббата Флери. Заносимые снегом, обмороженные войска рвались на штурм, чтоб хоть какой-то конец. . .

Лошади казачьи ходили в степи и гибли, провианта не было, подвоз прекратился – лошади слабы и снег глубокий. В обшитых камышом землянках валялись тысячи заболевших. Среди них – Адриан Денисов, сыпь пошла по всему телу и язвы на ногах. . . 4 декабря Василий Орлов стал скликать людей в команду сходить к Бендерам, взять языка, а, может, и из еды чего найдется. Денисов поднялся:

– Я готов. Где-либо умирать надо.

Двести казаков собрались, повел их капитан Краснов. Побрели кони по снегам, а на высотах, где снег сдуло ветром, шли казаки пешие от великого холода. . .

На 6-е, Николин день, назначил все же Потемкин штурм.

До свету слушали молебен, к 7 утра выстроились, готовые атаковать. Платов с полком – на правом фланге штурмовой колонны Палена. Тысяча спешенных казаков стояла напротив замка Гассан-паши и ретраншемента, двести конных – все, у кого кони уцелели, – маячили сзади, чтоб отбивать турок, если вылазка будет. Здесь же толпились неотличимые от других отрядов запорожцы, что остались верны России. Морозы и голод всех поравняли, все одинаково одеты были. Где-то на левом фланге так же мерзли и нудились в нетерпении донцы из полков Машлыкина и Исаева.

⁶⁵ Штурм сильно укрепленного острова Березани был осуществлен верными России, но бездомными после разгона Сечи запорожцами с казачьих «чаек» под кинжальным артиллерийским огнем.

Перед штурмом пришли к Платову проситься сверх комплекта Логгин Денисов, брат Адриана, и донской полковник Андрей Киреев из потемкинских конвойцев. Велел записать.

Предупреждены были войска, что колонна Палена ворвется в крепость первой и даст три ракеты: по первой снимать ранцы, по второй – полушубки, по третьей – не стрелять, а, полагаясь на штыки, бежать всем на штурм.

Пален, как водится в таких случаях, все напутал, а может, и схитрил. Запустил сразу все три ракеты, и войска, поскидав полушубки и ранцы, с ревом рванулись к вождленному городу.

Штурм длился час с небольшим. Зато грабили город три дня. Поговорка потом была: «Поджился, как под Очаковым». Перепились. На льду лимана бросили сотни турецких трупов. Земля мерзлая, копать некому. Понесет их весною к родным берегам...

Потом уже подсчитали своих битых и израненных. Логгин Денисов получил пулю в голову ниже затылка, но выжил. Иловайских переранили: Павла – в левую руку пулей, Ивана – в левую ногу. Данила Орехов, как и всегда, отличился, байрактара какого-то завалил и пленных Потемкину представил.

Потемкин уехал в столицу хвастаться, за ним Суворов – жаловаться, что службы не дают.

Весной уже стали приходить награды за Очаков: специальные золотые знаки на георгиевской ленте «Очаков взят 6 декабря 1788», сабли, Владимирские крестики. Матвей Платов за взятие земляного ретраншемента получил орден Святого Георгия 4-й степени.

Глава 7. Казаки и штурм Измаила

После очаковского штурма, успев заложить Николаев, уехал Потемкин в Санкт-Петербург, где ожидал его блистательный прием.

Умела Матушка-Императрица награждать верных слуг. Первая, сама, посетила приехавшего в столицу героя. Царедворцы давали в честь его праздники, стремясь превзойти друг друга. Получил он от Государыни сто тысяч руб., фельдмаршальский жезл, украшенный бриллиантами и обвитый лавровым венком, орден Святого Александра Невского для ношения на груди, прикрепленный к драгоценному «солитеру», стоившему еще сто тысяч руб., и многие другие награды и подарки. Орден возложила на Потемкина сама Императрица в Придворной церкви после заутрени на Светлое Христово Воскресение.

Но не обольщался Григорий Потемкин наградами, отдавал себе отчет, перевидав многих женщин, что – да! – нравилась когда-то Императрице восторженность чувств его к ней, но, возвышая его, делала она прежде всего ставку против Панина и Орловых. Теперь ушло то противостояние в небытие, кануло в Лету, участники попритихли, Гриша Орлов и вовсе умер в помешательстве. Сам Потемкин оказался на месте в новоприобретенной Таврии. А вокруг Императрицы плелась новая сеть, крались к власти Салтыковы, и проходную фигуру их показали светлейшему верные люди: так, ничего особенного – штаб-ротмистр Конного полка.

Надо бы возле Императрицы своего такого иметь, молодого, красивого, верного. Предлагал Григорий Александрович Ее Величеству обратить благосклонное внимание на адъютанта его Алексея Горчакова. Глянула Императрица и сказала с видом знатока: «Картина не дурна, но не имеет экспрессии». Экспрессию ей подавай! «Да ты, матушка, на себя в зеркало погляди! Не молоденькая чай...» – позволил себе подумать Потемкин. Где ж найти такого, чтоб и молод, и красив, и своей игры не начал, и при этом при виде почтенной летами дамы экспрессию проявил?

После Пасхи осыпанный наградами Потемкин вернулся в армию и привез шесть миллионов на продолжение военных действий.

Деньги были кстати. После изнурительной зимы и очаковской осады ремонтировали командиры свои полки⁶⁶, сводили, переформировывали. Главная провиантская квартира в Кременчуге денег, как правило, недодавала, а когда начальству жаловались, еще хуже получалось. Денег полковники так и не получали, а на словах им обнаглевшие интенданты передавали, что вы, мол, своими донесениями и жалобами корпусному начальству все дело испортили. С Дона за свой счет пригоняли полковые командиры лошадей, раздавали казакам в долг, а потом подолгу эти долги собирали.

Вернулся Потемкин, вызвал Платова:

– Как там мое Войско?

Платов стал жаловаться, но с усмешками, перемежая жалобы рассказами о возлияниях и амурных похождениях лихих своих казачков.

– У тебя в полку в бегах много числится?

– Девятнадцать.

– Ого! У тебя и офицеров столько нет... – Потемкин задумался и повелел: – Придумай, как переформировать, чтоб полнокровные полки были и чтоб не стыдно показать. Деньги есть...

⁶⁶ Т.е. пополняли «конский состав».

В июне из чугуевских казаков Павла Иловайского создали особый Конвойный полк при князе Потемкине, и Иловайский остался им командовать. Бугский полк не тронули, а из екатеринославских сколотил Платов особый полк, назвал его Чугуевским и сам возглавил.

Военные действия долго не начинались. Копили силы, ждали союзников-австрийцев. После взятия Очакова и истребления неприятеля в его окрестностях турецких войск перед потемкинской армией не было – собирались они за Дунаем и готовились напасть на армию Румянцева и союзных России австрийцев. Чтобы не было разнобоя в командовании, Румянцева от командования отрешили, обе армии подчинили Потемкину. Он выслал на место Румянцева князя Репнина, а сам медлил, вел переговоры, через тайных своих агентов склонял султаншу Валиду и капитан-пашу на свою сторону, чтоб нашептали они молодому султану Селиму на Великого Визиря, явного врага России. Визиря потом и вправду умертвили, но пока турецкое войско в Браилове не стало ждать и рванулось меж русскими и австрийцами, отсекая их друг от друга. Отважную сию диверсию Суворов, оказавшийся, по счастью, в репнинских войсках, пресек и разгромил турок под Фокшанами. Но, делать нечего, пришлось начинать кампанию.

Новая кампания начиналась с новыми людьми. Ушел, получив в командование полк, на Кубань верный Иван Кошкин. На смену ему пришел не менее отважный подполковник Иван Бузин. Брат Степан Платов, премьер-майор, пришел со своим полком.

В окружении Потемкина сменились люди. Произведенный за Очаков в капитаны князь Багратион с радостью удалился в бессменные ординарцы к графу Салтыкову. Говорили злые языки, что Салтыков Багратиону ближайший родственник, ближе некуда – а настоящий князь Иван Багратион явился в Россию из Грузии на недолгое время, продал подороже имя и обратно к себе в Грузию умотал.

Прибыл в армию угрюмый и неприступный генерал Гудович. Вернулся отлежавшийся, но окривевший на один глаз Мишенька Кутузов, впрочем, теперь был он не Мишенька, а давно уже Михайло Илларионович. Потемкин поручил ему весь передовой корпус.

С передовым корпусом потемкинской армии под командованием генерал-майора Кутузова пошел на турок отлежавшийся и переболевший Адриан Денисов, дали ему все же в командование полк и даже полк Орлова временно поручили; но пока он болел, три товарища обошли его чинами, и теперь искал Денисов правды у командующего корпусом генерал-майора Кутузова, который его меланхолично утешал.

Армия шла к Днестру. Навстречу тянулись пленные, взятые Суворовым у Фокшан и Дерфельденом⁶⁷ у Галаца и на Дунае.

За Днестром тянулись молдавские степи, бедные деревушки вдали от дорог поражали убожеством, торчали редкие мечети. Непросвещение и бедность виделись наблюдательному глазу.

За Днестром же была крепость Бендеры, которую Потемкин считал ключом всей провинции и желал «взять на шпагу».

В августе вспыхнули и погасли бои у Бендер. Турки заперлись в крепости и ждали, что их придут спасать. Передовые отряды Потемкина и Репнина встретились на реке Прут и двинулись дальше, к Дунаю, прикрыть осажденные Бендеры от возможного турецкого подкрепления.

В начале сентября лазутчики донесли, а перебежчики подтвердили, что стоит на реке Салче Сераскир Гассан-паша, который по должности капитан-паша. Сам Репнин выехал на рекогносцировку, была перестрелка, и казаки Репнина прикрывали.

7 сентября репнинская армия пошла в наступление. Пехота – в каре, казаки, ушедшие вперед версты на две, раскинули лаву. Командовал лавой Василий Орлов, а для Адриана

⁶⁷ Вильгельмом Христофоровичем, русским генералом.

Денисова, достававшего и Платова, и Кутузова, и самого Потемкина в поисках справедливости, это было первое настоящее сражение. Вспоминал потом Денисов, что вывалили на казаков две толпы турок на добрых лошадях и в хорошем убранстве, был крик и наездничество⁶⁸, подскакали они вплотную и стреляли. Денисов свой полк в это время убеждал ударить крепко, указывал на распушенные знамена, и казаки отвечали, что не подведут. Пошла лава вперед и погнала турок, сам Денисов убил одного турка пикой, ударил второго, но промазал, пика застряла в одежде. Турок, разгоряченный боем, остановил лошадь и «крепко» кричал «Алла!». Денисов шарил, но не мог найти саблю, а турок хватался за кинжал. Какой-то казак ударил этого турка в бок своей пикой и пытался свалить с седла. Турок забыл про Денисова, оборотился к поразившему его казаку и «кричал сильным, но умирающим голосом». Денисов бросил пику, отъехал в сторону и воззвал к Господу:

– Владыко великий! Спаси меня и всех христиан от войн!

Казаки подали ему новую пику, он вновь бросился вперед и убил еще двоих, причем один был в сильных конвульсиях и долго боролся со смертью. После этого Денисов возненавидел пику и никогда больше не брал этого оружия в сражения...

Впрочем, у Адриана Денисова все еще впереди, он еще покажет себя!

Таким образом турецкая конница и казаки трижды опрокидывали друг друга и ночью разошлись. На заре разведка донесла, что турецкий лагерь пуст. Казаки устремились в погоню, захватили много обозных повозок, волов отдали армейским начальникам, а вещи, кто был посмелее, все расхватили. Кроме того, в брошенном лагере было найдено три пушки и девять знамен, но об этом Денисов не вспоминает.

Преследуя турок, репнинская армия вышла к Измаилу, устроила перестрелку, от удачного артиллерийского огня загорелось предместье, затем сам город: наконец была пробита брешь в стене. Войска ждали штурма, но Потемкин боялся, что Репнин получит за Измаил фельдмаршальский жезл, и велел отступить на двадцать верст. Дело ограничилось перестрелкой. Денисов вспоминал, что турецкая конница выходила из крепости, но у Денисова и Орлова не было приказа, и они бездействовали, а на левом фланге, где стоял корпус Кутузова, казаки Платова «весьма наездничали». Платов приучал новых казаков.

Отогнав турок к Измаилу, армия стала как бы «зачищать местность» вокруг Бендер. Часть войск была послана во главе с Гудовичем на Хаджибей (будущая Одесса), а полковник Платов получил приказание от генерал-майора Кутузова идти на селение Каушаны.

Уже тронулись, догнал их эскадрон Изюмцев, подскакал командир-немчик, представился:

– Изюмского легкоконного полка секунд-майор Беркли. Прибыл в распоряжение господина полковника Платова.

К Каушанам шли войска по обоим берегам стенной речки, сушь, пыль. Матвей поручил свой полк Ивану Родионову, а сам с братом Петром, Степаном Грековым, Иваном Бузиным, Данилой Ареховым и немчиком, взяв сотню надежных казаков, поскакал в разведку.

Турок не боялись, после удачных боев гоняли их, где только можно.

К Каушанским укреплениям, прикрываясь высоким берегом речки, подошли вплотную. Высунулись. Простым глазом видно было, как турки роют окопы. Летела земля, густая пыль лениво плыла под прохладным ветерком.

– Вот здесь и подойти впритык...

Немчик спешился, полез на берег, встал в открытую, рассматривая турок из-под белой перчатки.

⁶⁸ Т.е. конные поединки между всадниками обеих сторон, требовавшие владения джигитовкой – своего рода «боевой акробатикой» на коне.

– Эй, слазь! – Данила Арохов подергал его за полу синего кафтана. – Нечего раньше времени открываться.

– Надо немедленно сообщить генерал-майору Кутузову, чтоб поторопился, – заговорил, не обращая внимания на Данилу, немчик. – Их окоп не готов.

Говоря, он не по-русски повышал и понижал голос на каждом слоге. – Узнавал? Кто таков? – не оборачивая головы, спросил Матвей у брата.

Жизнь в потемкинском штабе учила его знать все о каждом.

– Чухонец, а деды, изюмцы говорят, из какой-то Скотландии, – так же чуть в нос ответил Петро.

– Назвали ж... – подивился Матвей.

Чухонец спрыгнул с крутого, осыпавшегося берега и, подойдя к Платову, повторил:

– Надо, чтобы Кутузов поторопился. Их окоп не готов.

– Не готов, говоришь? – Матвей завертел головой, обшаривая взглядом окрестности. – Поезжайте вот с ним, – он указал на Петра. – Бери свой эскадрон и Родионова поторопите. А ты, Петро, скажи Кутузова предупреди.

– Матвей Иванович, а чего Кутузова ждать? Окоп-то не готов, – ухмыльнулся Бузин.

– Да вот и я о том же.

Коротали время под обрывистым берегом. Лазили вверх глянуть на турецкое строительство, поглядывали на дорогу.

– Как же они нас прозевали? И дозоров не видно...

– Так мы ж не с той стороны идем.

Казаки подошли трюпком, почти не подняв пыли, остановились, все еще не замеченные. За ними подвел эскадрон секунд-майор Беркли.

– Все? Значит, что я вам скажу, ребята. Турок нас не ждет, – объяснил Платов, поднимаясь на стременах, чтоб все его видели. – Сейчас, не раскидывая лаву, вылетаем и дуем прямо на окоп. Проскакиваем, – он поднял палец. – Проскакиваем... И залетаем прямо в городок. Всё – наше... Так, господин секунд-майор, вы с эскадроном идете во второй линии, занимаете окоп, – тут он пригладил ус, – и ждете там генерал-майора Кутузова. Ясно? Родионов, командуй!

Не давая никому опомниться, он потянул из ножен саблю. Родионов, выигрывая секунды, скороговоркой вполголоса говорил что-то ближним сотенным командирам. Оглядываясь на Матвея, он прервался на полуслове и, поворачивая на месте сажающегося на задние ноги жеребца, прокричал слова команды...

Налет был внезапен, прост и неотразим. Вылетевшие из отрожины оврага казаки без крика одной размыкающейся на скаку толпой понеслись на окоп, перемахнули через низкий, незаконченный бруствер, смешались с толпой взывавших, загальдевших турок и, обгоняя ее, поскакали дальше, в селение.

В селении вышла заминка.

– Тут паша какой-то... Глянь, бунчуки... – указал Степан Греков. На узких улочках завизжали, задрались, застучали выстрелы, пополз пороховой дым.

Платов, сам ставший в «маяк» лавы, и все ближние, переламявая бой, рванулись в гущу схватки. Схлестнулись... Вздрыбились кони, зазвенела сталь... Несколько мгновений... Свалили двух-трех наиболее отчаянных. Конные турки, как по уговору, схлынули, унеслись, петляя в узких улочках...

А Арохов и Бузин уже тянули какого-то растрепанного в шитом золотом халате и картинно кинули его под копыта платовского коня, шарахнувшегося от неожиданности.

Турок вскочил, завертелся волчком, давась от ярости, готовый разорвать оскорбителей.

– Ну, будя, тухта... Угомонись, юлдаш...

– Три пушки взяли, – показывал Бузин. – Добре мы их наваляли...

– А это кто такой? Эй, ты кто?

По-турецки или по-татарски говорили многие, почти все низовцы. Захваченный поупирался, но признался, что он – Зайнало-Гассан-паша, беглер-бей Анатолийский, трехбунчужный паша, участник великой битвы у Рябой Могилы.

– Ого!

– Арехов, это твоя добыча. Тяни его к самому Потемкину, – великодушно повел рукой Платов и объяснил насупившемуся Бузину. – Ему чины не идут. За неграмотностью. До сих пор в хорунжих ходит. Пусть попробуют сейчас не дать!.. А ты не обижайся, я тебя тоже представляю.

Так же, налетом, взяли укрепления Паланки, городишко Белград в устье Днестра, Аккерман. В Аккермане сдавшийся гарнизон оставил 32 знамени, 52 пушки, да еще 37 нашли на судах, взятых у Аккермана. Гарнизон, по условиям капитуляции, отступил в Измаил, крепость передали Троицкому полку и всем летучим отрядом вернулись под Бендеры.

Потемкин предусмотрительно писал о Платове самой императрице, представил за многие подвиги к производству в бригадиры, каковой чин Платов и получил 24 сентября.

Последнее время примечал Матвей, что рассматривает его Потемкин, как барышник торгуемую лошадь, задумал чего-то. Но не беспокоился Платов. Он доверял благодетелю, даже по-своему жалел его, узнав потемкинские слабости. Под Очаковым, захватив укрепление перед Гассан-пашинским замком, прискакал Платов к Потемкину, чтоб первым лично доложить, и увидел, что стоит светлейший на батарее, отогнав свиту, подпер голову руками, закрыл глаза и бормочет монотонно: «Господи, помилуй... Господи, помилуй... Господи, помилуй...» Матвей, видевший князя под огнем удивился; чего он просит, чего боится? Ведь не трус!.. Потом только понял: солдат жалеет... Непостижимый человек!

Под Бендерами Потемкин вырядился в полный фельдмаршальский мундир, нацепил все ордена и так осматривал осадные работы. Турецкие ядра падали рядом и осыпали его подмороженной землей. Одно ударило в двух шагах.

– Турки в меня целят, – сказал Потемкин. – Но Бог защитник мой. Он отразил этот удар.

Турецкая конница с двумя пашами выходила схватиться с русскими. Казачьи пикеты бросились врассыпную. Но недолго турки торжествовали. Иван Исаев, суворовский любимец, со своим полком ударил, опрокинул все три тысячи с двумя пашами и загнал в Бендеры. Лихой удар, и Потемкин на Исаева загляделся. Из казачьих детей, грамотный, всего своим горбом, саблей и сметкой добился. Платовские ребята, новоприборное войско, ревнуя, заговорили: «И мы не хуже, так же сможем».

Вскоре, когда брали бендерский форштадт, – напросились идти первыми. Иван Бузин, уязвленный, что с пленным пашой Платов Арехова отправил, его наградой обошел, первым вошел на шанцы. Славно кампания закончилась.

Бендеры сдались, не дожидаясь штурма. Огромные трофеи были взяты. Но милость императрицы вообще пределов не знала. Выслала Матушка Потемкину сто тысяч деньгами, лавровый венок с бриллиантами, тысяч в полтора, и велела медаль в честь взятия Бендер выбить.

Со взятием Бендер Молдавия и большая часть Бессарабии почиталась Потемкиным утвержденными за Россией, и он отвел войска на зимние квартиры.

Сам светлейший отбыл в Яссы, где продолжил переговоры с Константинополем, действуя по привычке через женщин⁶⁹ и их ставленников. Многие получили отпуск. В Молда-

⁶⁹ Имеются в виду жены и мать султана.

вии делать было нечего. Кишинев – соединение нескольких деревень, где всего пять двухэтажных домов, остальные – беленые мазанки. Только и остается, что баранину есть, да полынковое вино пить, да еще на танец «Митику» любоваться. Но такого добра казаки за годы службы насмотрелись, и потому при малейшей возможности ехали на Дон.

Матвей Платов, назначенный походным атаманом всех казачьих войск потемкинской армии, невзирая на прибавившиеся служебные заботы, тоже не выдержал, домой съездил. Отъелся, отоспался, порадовался на подросших детей, пожил с ласковой женой Марфой Дмитриевной. Наскучав, всматривался в жену, вслушивался, как кот в мышиный шорох, в ее жизнь, ревновал. Ко всем ревновал, даже к покойному первому мужу, Павлу Фомичу.

Выдали Марфу семнадцати лет за тридцатисемилетнего. Всё батюшка, Дмитрий Мартынович, династические браки устраивал... Кирсановы были родом знатные, с самим Ефремовым тягались. А Мартынов все время из-за своего худородства переживал. По легенде, привезли в Петровские времена из чухонской земли мальчика Мартина, взяли его в дети к самой коренной черкасне, вырастили, женили на казачке, и не было у донских казаков вернее человека. Прославился тот Мартин многими подвигами, в старшины вышел, дал начало роду Мартыновых, а Дмитрий Мартынович, прямой его наследник, получался полукровкой, «тумой», вроде Стеньки Разина. Вот и рвался с Кирсановыми породниться. Павел Кирсанов вскоре умер. Вспоминал Матвей Платов его образ и не мог вспомнить. Вроде и вместе служили... Помнил он его казаком ефремовской сотной команды, но те теперь в памяти были на одно лицо. Отец выделялся да, пожалуй, Дмитрий Иловайский... Где-то Павел потом служил, в Крыму, на Кубани... Точно, у генерала Бринка на Кубани. А потом, когда с Кубани три полка на изверга Пугача кинули, Кирсанов над теми тремя полками был старшим. Сидел он потом в Гражданском правительстве судьей... Ну, как же! Гоняли за ним года два по навету Карпа Денисова, что, мол, должен был Кирсанов казакам своего полка деньги за фураж, восемьдесят руб., и куда-то те деньги подевались, и еще что-то про донских артиллерийских меринов⁷⁰ – всего не упомнишь. Следствие тянулось, и все это Кирсанову в послужной список вписали, «а после того уже в преступлениях не бывал». Потом вроде всплыла правда, как масло на воде, кирсановский послужной список исчеркали, что невиновен, а Карпа Денисова за ложный навет на гауптвахту сажали. Поминала потом черкасня Денисовым, что Павла Кирсанова они умили, наветом до могилы довели. Не смог человек пережить зряшного навета... Матвей же думал: «Не-ет, дыма без огня не бывает...»

Опустел в военные годы Черкасск. Скучно. Белели покрытые снегом «базы» артиллерийских лошадей. Тягали каких-то ребят, что, вопреки указу, направили вместо себя на службу наемщиков⁷¹. Очень скучно...

Благоденствуя в семье, слушал Матвей вместе с женой пересуды прислуги, больше и слушать нечего. Ужасался вместе с женой, что одна казачка мужа умертвить хотела, вырезала у себя при детородной части волосы, запекала в хлеб и есть ему давала. Да разве ж можно так жить! Рассказывала с восторгом прислуга, что пороли потом ту казачку на особом ночном сборе и отпустили, выпоров, с добронапутственным словом восвояси. Ну, так ей и надо!..

Батюшка Иван Федорович, стремительно старевший, порывался наставлять Матвея по хозяйству, намекал, что скоро помрет.

– Ты еще бодрый, молодой еще, – утешал его Матвей.

– Да бодрый не бодрый, а придется все ж в тот ящик лезть, где ни встать, ни сесть...

Но отца Матвей навещал редко. Тесть, Дмитрий Мартынович, не в пример интересней был. Сам осторожно выпрашивал: о войне, о начальниках, сам в тех местах воевал и места эти помнил.

⁷⁰ Коней для орудийных упряжек.

⁷¹ Богатые казаки в то время часто нанимали служить вместо себя бедных, а иногда даже неказачков.

- Проезжали ребята и говорили, что если б не Суворов... Правда или брешут?
- Кто ж его знает...
- Правда, что он стотысячную армию разбил, пока вы под Бендерами стояли?
- Правда.
- Ну вот, а ты говоришь!..

В знак особого доверия открывал Матвею глаза на тайные пружины войсковой жизни:

- Ты думаешь, почему меня Потемкин продвинул? Я ж в списке старшин двадцать пятым стоял... Иловайского держать! Мы с Иловайским двадцать колен враждуем.
- Какие же двадцать колен? Когда его... этого... Мартына из Лифляндии привезли? А ты про какие-то двадцать колен «тачаешь».

Глазки мартыновские, белобрысенькие, сужались. Бог его знает, может, и впрямь из чухонских земель... Говорил Мартынов жестко. Сильные люди не боятся про себя и других правду говорить.

– А ты слушай больше. Люди многое говорят, – и, наклонясь к Матвею ближе, цедил: – Рабы, все рабы. Попридумывали черт-те чего... А копнуть...

Рассказывал Мартынов Матвею, как приезжал при Петре II в Черкасск полковник Тараканов, читал казакам грамоту, чтоб беглых выдали, кто после 1695 года на Дон прибежал, а казаки сказали, что выдадут тех, кто с 1712 года на Дону живет, а о пришедших с 1695 года ударили молодому царю челом: «Выслать этих беглых нельзя, потому что из них у нас старшины и все лучшие люди и его Императорского величества слуги; если их выдать, то все городки опустошить; службы служить, границы и черты охранять будет некому».

Многое Матвею было внове, но он особо не вслушивался. Знал примерно, как люди наверх пробиваются, сам несколько лет назад в списке старшин в хвосте стоял, и не двадцать пятым, как Мартынов, – шестидесятым. А теперь – бригадир и кавалер. «Я еще и тебя поучу, как жить», – думал Матвей ухмыляясь.

К весне вернулся в армию.

Кампания 1790 года начиналась вяло. Пошли было вниз по Пруту, свернули к Рябой Могиле, но из-за безводья и болезней вернулись. Сил не хватало. Часть войск сняли на польскую границу, со шведами тоже война шла, австрийцы, похоронив Императора Иосифа, воевать расхотели, начали переговоры с турками, а русских в Валахию не пускали.

Осенью полегчало. Русский флот под командой адмирала Ушакова потопил турецкий и очистил устье Дуная от турок. Потемкин поднял войска и двинул их, в который раз, туда же, к Дунаю, с помощью флота брать Килию, Тульчу, Исакчу, а главное – Измаил.

Мрачен был фельдмаршал, выступая в поход, недоброе предчувствовал... Не на поле битвы, а там, на далеком Севере, в столице. Увеселения яские, прогремевшие до начала похода, не разогнали туч с чела его. «Зубов, а за ним Салтыковы... Зубов, а за ним Салтыковы...» – все время просчитывал в уме Потемкин.

Екатерина прислала к нему в армию брата своего фаворита, Валериана, поручила юношу Потемкину. Потемкин послал его на батарею, где в тот день молодой Зубов оказался одним из шести уцелевших. Уцелевший нажаловался в Санкт-Петербург, что у Потемкина полки двухкомплектные и жители ему преданы, как бы не вообразил себя новороссийским самодержцем...

С октября стали русские войска стягиваться к Измаилу. От Аккермана подошел Кутузов, от сдавшейся Килии – генерал-поручик Гудович, еще раньше – двоюродный брат светлейшего, граф Павел Сергеевич Потемкин. Войск нагнали тысяч тридцать. Около половины – казаки, но лошадей, как и под Очаковым, мало. Попередохли лошадки.

Огляделись донцы, запорожцы, новонабранные екатеринославцы и малороссияне. Никогда еще вместе столько казачьих полков не сгоняли. Собрались многочисленные Иловайские: Иван, Григорий и Степан Дмитриевичи и Николай Васильевич. Одного Павла

Дмитриевича не было. Поручил ему Потемкин доводить до ума полк Булавы, Великого гетмана, из новоизбранных малороссийских казаков (впоследствии Полтавский легкоконный). Кого только в те годы в казаки не верстали! Бобылей, и тептярей⁷², и ямщиков, не говоря уже о природных реестровых малороссиянах. Сам Потемкин объявлен был Великим гетманом Малороссийских и Черноморских войск, и лестно ему было, чтоб племянник донского атамана ему личный полк вымуштровал. Так что ушел Павел Иловайский, а полк свой брату Ивану передал. С Иловайскими были Григорий Хохлачев, Михаила Хопрянинов, Филипп Филатов и Федор Кутейников.

Василий Орлов, старший из всех казаков чином, привел под Измаил Степана Кутейникова, Петра Грекова, Федьку Миллера, Красновых отца и сына и Денисовых ребят, Адриана и Логгина.

И Платов Матвей Иванович, походный атаман потемкинской армии, явился под Измаил с братьями Степаном и Петром, племянником Иваном, верным Иваном Родионовым и сыном его Марком, со Степаном Грековым, с Семерниковым, Чернозубовым, Погореловым, Сычевым, Гревцовым. Из Войсковой Канцелярии явился в полк к Степану Платову поручик Данила Власов и сразу же стал отличиться. С Бугским полком пришел Иван Поздеев.

Был под Измаилом Андрей Мартынов с Василием Быхаловым, был Данила Арехов. Этот за пленного трехбунчужного пашу возведен был в капитаны и золотой крест получил, но под Килией снова отличился, трех пленных взял, байрактара убил, но сам получил турецким копьем рану в ягодицу. Казаки смеялись: «Это нарочно, Данила, чтоб ты не скакал».

Ивана Бузина, геройского казака, не было, послали его в Харьковскую губернию из мещан казачий полк формировать, но прибыл его старший сын Панкрат, капитан, зачисленный в пешую полуторатысячную команду. А писучего Черевкова сам Андрей Мартынов отправил из полка «во внутреннее распоряжение Екатеринославского Войска».

Особняком держались запорожцы, называемые теперь «Верными черноморскими казаками», со своими атаманами.

Дрались казаки с турками у Килии. С 6 октября начались шермицели под Измаилом. 10 ноября выдержали настоящее сражение, загнали турок обратно за стены. 24 ноября подошел Гудович, устроил бомбардировку и предложил туркам сдаться. Турки ответили насмешливо: видели, что у русских осадной артиллерии нет. Гудович собрал военный совет, спросил, что делать. Совет решил уходить на зимние квартиры, о чем Гудович и отписал светлейшему в Бендеры. Светлейший Гудовича сместил и отправил на Кубань, где он немало отличился, а под Измаил прислал Суворова.

Суворов вернул уходившие от Измаила войска с полдороги, обещал, что будем штурмовать. Не верили казаки особо, видели по опыту, что орудия слабые, крепость же, не в пример прочим, громадная и гарнизон в ней не слабее осадного корпуса. Но с Суворовым все вроде как с ума посходили. Насыпали вал наподобие измаильского и ров копали – подучить солдат, чтоб при штурме не сробели. Подогнали маркитантов с провизией, подошли еще войска – фанаторы, апшеронцы⁷³, тысяча живописных арнаутов⁷⁴ пришла. Казакам приказали пики укоротить. Укоротили, но с сомнением. Пика хороша в конном деле, когда бег лошади неизмеримо усиливает удар. И замахиваться не надо, держи крепче, и всё, – насквозь проникает. А как с ней на стену лезть?..

Суворов же при всех этих делах с разными шуточками да с выкрутасами чуть ли не голый, в одной солдатской куртке, бегал.

⁷² Здесь: различные социальные группы, преимущественно тюркских и финно-угорских народов.

⁷³ Регулярные пехотные полки.

⁷⁴ Здесь: молдавские добровольцы.

Приглядывались казаки, ранее с Суворовым не служившие, прислушивались, расспрашивали и решили: «Придуряется дедок. Перед нами чудит, а к Румянцеву в Яссы по полной форме являлся и без шалостей».

Кое-кто и побаивался: «Опять на зиму глядя осада; как под Очаковым помирали, так и тут помирать будем». Но больше народу верило в штурм и победу. Тем более, что из Бендер приехали к Суворову иностранцы: герцог Фронзак, принц де Линь, граф Ланжерон, граф Роже-Дюма. Если уж эти не побоялись, за чинами и наградами приехали, то можно не беспокоиться.

Де Рибас, воспламенясь, хитро планировал сам крепость захватить в присутствии Суворова, но без его поддержки, надеялся на десант с Дуная. Кутузов же рибасовские плутни раскусил и Суворова предостерег. Ну, как тут не поверить в победу?

Через неделю после своего приезда Суворов собрал военный совет. В суворовской палатке собрались генерал-поручики, генерал-майоры и бригадиры, с Суворовым четырнадцать человек. Главные – потемкинские родственники, двоюродный брат Павел Сергеевич и племянник, генерал-лейтенант Самойлов. Важный Кутузов прикрывал в углу единственный глаз, вроде уже все решено и его не касается. Флотоводец де Рибас сидел как на иголках. Казаки, Орлов и Платов, присели рядышком; третий – Безбородко, петербургский казак из запорожцев, старше их чином, угнездился возле потемкинских родственников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.